

П-167/2

1990

1

ISSN 0134-2428
ISSN 0130-1748

ИЗВЕСТИЯ

СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

серия ИСТОРИЯ,

ФИЛОЛОГИЯ

И ФИЛОСОФИЯ

1 выпуск

1990 «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

УИБ

ИЗВЕСТИЯ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АН СССР

Главный редактор академик Ф.А. Кузнецов

Заместитель главного редактора чл.-кор. АН СССР В.Г. Дулов

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

Ответственный редактор серии академик А.П. Деревянко

Д-р ист. наук В.В. Алексеев (зам. ответственного редактора), чл.-кор.
АН СССР В.И. Бойко (зам. ответственного редактора), д-р ист. наук
Р.С. Васильевский (зам. ответственного редактора), д-р ист. наук В.Е. Ла-
ричев (ответственный секретарь), д-р филол. наук А.И. Федоров (зам. от-
ветственного редактора), канд. ист. наук В.В. Алексеев, д-р ист. наук
Л.М. Гусин, д-р ист. наук Н.Я. Гущин, канд. физ.-мат. наук Б.С. Еле-
пов, д-р ист. наук И.А. Коркина, д-р ист. наук И.А. Молотов, д-р филос.
наук В.П. Москвитин, д-р филол. наук Е.И. Убря-
това, Л.П. Якимова

Ад

ская, 18.

МН-01618. Формат
2. Усл. печ. л. 6,3. Усл.
963. Цена 0 р. 55 к.

Сибирское отделение.
18.
Сибирск, ул. Станислав-

ВСЕСОЮЗНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИЗВЕСТИЯ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

СЕРИЯ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

Журнал основан
в январе 1957
Серия издается
с мая 1984

Периодичность серии
3 выпуска в год

Вып. 1

Февраль
1990

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

Культурная революция и сталинизм (к постановке проблемы) 3

ИСТОРИЯ

Минерт Л. К. Бурятские буддийские монастыри (дацаны) при Советской власти 25
Исупов В. А. «Черное пятно» в истории Сибири 31
Качиньска Э. Сибирь в современной польской историографии 34
Зориктуев Б. Р. О южносибирских событиях 1207 и 1217 гг. 39
Познанский В. С. Суд над министрами Колчака 44

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Рафиев Л. С. Доктор А. А. Бунге (1803—1890) на Алтае 52

ХРОНИКА, РЕЦЕНЗИИ, ПЕРСОНАЛИИ

Траскунова М. М. Всесоюзная научная конференция «Народности Севера: кон-
цепции социального и экономического развития в условиях научно-техни-
ческого прогресса» 58
Селютин И. Я. Исследования звуковых систем языков аборигенов Сибири и со-
предельных регионов 59
Юдаевич Б. М. Научная конференция «Проблема художественности и сти-
ля в литературной критике» 61
Худяков Ю. С. Первая Всесоюзная конференция оружейников и военных исто-
риков 62
Борисов М. Н. Попов Б. Н. Социалистические преобразования семейно-
брачных отношений у народов Якутии. Историко-социологический ас-
пект. — Новосибирск, 1987. — 321 с. 63
Пикитин А. В. Волков С. В. Чиновничество и аристократия в ранней истории
Кореи. — М., «Наука», 1987 65
Майя Ивановна Черемисина 67
Резюме на англ. яз. 69
Список статей за 1989 г. 71

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СТАЛИНИЗМ

(к постановке проблемы)

Участвуют: доктор исторических наук В. Л. Соскин (ведущий); кандидаты исторических наук С. А. Красильников, Л. И. Пыстина, Т. Н. Осташко, Е. Г. Водичев, А. Л. Посадсков; кандидаты философских наук Л. Ф. Лисс, Г. А. Антипов.

В. Л. Соскин. В соответствии с пожеланием редакции журнала, которое, надо полагать, соответствует интересам его читателей, нам предстоит обсудить актуальные проблемы истории (отчасти и теории) советской культуры. Наилучшим мне представляется вариант, если мы выберем одну проблему, но действительно крупную и актуальную, через призму которой станет возможным увидеть и оценить общий ход развития культуры на протяжении всей истории советского общества. Предлагаю в качестве таковой тему: «Культурная революция и сталинизм».

Методологически очень важно, что, будучи самостоятельной, эта тема «вписывается» в дискуссию, которая развернулась в середине 1989 г. среди обществоведов и которая является одним из центральных событий процесса возрождения подлинно научной жизни — в нашей стране. Имеется ввиду спор между известными философами А. С. Ципко, с одной стороны, и А. П. Бутенко, О. Р. Лацисом, И. М. Клямкин, Г. Водлазовым, с другой. Хотя реально в дискуссии так или иначе участвует значительно больше лиц, не будет ошибкой назвать ее инициаторами этих ученых, поскольку именно им принадлежат специальные статьи¹.

Возьму на себя смелость очень кратко сформулировать суть полемики. Она такова: или сталинские искажения и извращения социализма в своей основе имели «доктринальные» корни, т. е. «проросли» из самой марксистской теории научного социализма, или их следует рассматривать как аномалию социалистической революции, результат сложения ряда неблагоприятных объективных и субъективных факторов, имевших место в тогдашней действительности. Развитие позиций, неизбежно приводит к выводу: в первом случае о необходимости критики основополагающих принципов всего революционного строительства, во втором — более избирательной, конкретно-исторической критики, не требующей пересмотра теоретических основ. Как видим, альтернативность, заложенная в такой постановке вопроса, куда как серьезна. В конце своих рассуждений я попытаюсь показать, какой стороной включается в данную дискуссию обсуждаемая нами проблема.

Итак, каким видится мне содержание заявленной проблемы? Исходным пунктом является представление о культурной революции. Полагаю, что нет необходимости разяснять во всем объеме суть этого предложенного В. И. Лениным термина.

Культурная революция — фундаментальное понятие теории и истории социалистического строительства, ключевой термин советского куль-

CONTENTS

SCIENTIFIC DISCUSSIONS

The «cultural revolutions» and stalinism 3

HISTORY

Minert L. K. The Buryat Buddhist cloisters (datsans) under the Soviet power 25

Isupov V. A. A «black spot» in the history of Siberia (famine of 1947 year) 31

Kachin'ska E. Siberia in modern Polish historiography (problems of penal servitude and exile) 34

Zoriktuev B. R. About the South-Siberian events of 1207—1217 years 39

Posnanskiy V. S. The trial over Kolchack's ministers 44

BRIEF INFORMATION

Rafienko L. S. Doctor A. A. Bunge (1803—1890) in the Altai 52

CRONICLE, REVIEWS, PERSONALS

Traskunova M. M. Peoples of the North: conceptions of social and economic development in the conditions of the scientific-technical progress 58

Sel'utina I. Ya. Investigation of sound systems of languages of the Siberian aborigines and those of the contiguous regions 59

Yudalevich B. M. A conference «Problems of the high artistic value and style in literary criticism» 61

Khud'akov Yu. S. The first All-Union conference of specialists in arms and military historians 62

Borisov M. N. P o p o v B. N. Sotsialisticheskiye preobrazovaniya semeyno-brachnikh otnosheniy u narodov Yakutii. Istorikosotsiologicheskii aspekt (Socialist reformation of family-marriage relations at the peoples of the Yakut. Historical and sociological aspect). Novosibirsk, 1987.— 321 pp. 63

Nikitin A. V. V o l k o v S. V. Chinovnichestvo i aristokratiya v ranney istorii Korei (Officials and aristocracy in early history of Korea). M., «Nauka». 1987.— 288 pp. 65

M. M. Cheremisina 67

Summary. 68

¹ Ципко А. С. Истоки сталинизма. // Наука и жизнь.— № 11, 12, — 1988; 1989, — № 1, 2; Бутенко А. П. Винови ли Карл Маркс в «казарменном социализме»? // Философские науки.— № 4.— 1989; Клямкин И. Еще раз об истоках сталинизма // Политическое образование. № 9 1989; Лацис О. Р. Термидор считать бременем... (история одной поправки) // Знамя.— 1989.— № 5.

туроведения. Это словосочетание вобрало в себя основную сумму представлений о задачах, методах и целях культурного развития, обусловленного победой политической революции.

Вопроса о том, кто выдвинул сам термин «культурная революция», нет. Известно, что впервые его употребил В. И. Ленин в статье «О кооперации», продиктованной в 1923 г., хотя идея необходимости такой революции была высказана еще К. Марксом, считавшим, что коренное духовное изменение образа жизни трудящихся и самих себя возможно лишь в результате пролетарской революции и как ее развитие². Мысли основоположников научного коммунизма были восприняты Лениным и конкретизированы применительно к новому этапу пролетарского революционного движения в целом и условиям России в частности.

К содержанию культурной революции Ленин обращался неоднократно, подчеркивая в соответствии с моментом ту или иную черту, задачу этой революции. К важнейшим положениям ленинской концепции следует отнести трактовку соотношения между культурной революцией и социализмом. Первая есть часть второго — этот тезис является основополагающим. В рамки осуществления социализма «встраивались» Лениным все основные элементы революционного преобразования общества, будь то сфера социальных отношений, хозяйства или культуры. Одно невозможно без другого, а отсутствие хотя бы одного элемента лишало социализм системного качества, делало его неполным и, по сути дела, неосуществленным. Культурность Ленин трактовал не как элементарное «натаскивание», а как достаточно глубокое, осознанное усвоение культуры, осуществляемое не только и не столько в ходе школьного обучения, сколько в практике политической жизни и хозяйственного строительства. Очевидно, что именно таким путем, т. е. на основе использования широкой демократии, а не с помощью книжного усвоения социалистических истин, мог быть установлен строй цивилизованных кооператоров, который Ленин и считал строем социализма.

Таким образом, культурная революция мыслилась не как ограниченная сумма мероприятий, а как гигантский процесс преобразования духовной сферы на принципах социализма, для чего требовался «целый переворот, целая полоса культурного развития народной массы»³. Само по себе такое толкование Лениным культурной революции говорило, что тут ни быстрота действий, ни нажим, ни энергия одни лишь не могут решить исход дела. Требовалось время, глубокое «перепаживание почвы», включение в культурный процесс каждой индивидуальности. Последнее следует выделить особо, поскольку главным в культурной революции были не те или иные мероприятия в сфере культуры, а изменение личности. Никакие культурные преобразования не имели шансов закрепиться и войти в плоть народной жизни, в быт, в привычку, как если бы изменения носили внешний характер, а усвоение нового осуществлялось пассивно. Успешной эта революция могла быть только «при самостоятельном историческом творчестве большинства населения, прежде всего большинства трудящихся»⁴. Самостоятельность, творчество, инициатива — вот те и другие близкие им по смыслу начала, «дрожки», на которых «замешивалась» культурная революция и которые, многократно усиленные, должны были стать ее итогом, отразив качественную определенность нового, социалистического общества. Не грамотный, не пассивный обыватель, а гражданин социалистического Отечества, осуществляющий на базе высокой общей культуры роль сознательного творца своего будущего — таким виделся результат культурной революции. Без утверждения новой морали свободных тружеников, глубоко впитанной массой, культурная революция грозила остаться фразой.

Как известно, в 60—70-е гг. историки советской культуры вели упорную дискуссию о содержании и сроках культурной революции. Формально она считается законченной, итоги ее подвел В. Т. Ермаков⁵. Главное его утверждение состоит в констатации победы, завершенности культурной революции в период построения основ социализма, т. е. примерно в первые двадцать лет после Октябрьской революции. Не буду сейчас разбирать положения этой статьи, хотя с большинством их я не согласен. По этому поводу постараюсь высказаться в специальной статье, сейчас же ограничусь рассмотрением центрального пункта — о победе культурной революции, ее основных результатах. Дискуссию потому считаю отнюдь не законченной, что подтверждается хотя бы фактом настоящего обсуждения. Главное, почему нельзя сегодня взять в расчет материалы прошлой дискуссии, состоит в ее глубоком поражении догматизмом. То обстоятельство, что в дебатах отсутствовало понятие сталинизма, режет рассуждения диспутантов под корень. Критика сталинизма, как исходная позиция тех, кто не разделял тезис о завершенности культурной революции, будучи потенциально решающим моментом в правильной оценке хода и исхода культурной революции, оказалась однако настолько закамуфлированной, что лишило данную позицию силы: кукиш, как говорится, остался в кармане.

Сегодня разговор должен вестись прямо. Думается, что наступило время решительно изменить саму манеру ведения дискуссии. Следует отойти от «цитатно-теоретического» метода и повернуться лицом к фактам. От каких же положений следует отталкиваться? Первое положение (постулат) уже приводилось: культурная революция и построение социализма суть процессы одновременные и взаимообеспечивающие, первая является частью и предпосылкой второго. Другое положение характеризует построение в основном социалистического общества в СССР в рамках примерно двух послереволюционных десятилетий. В такой форме фиксируется этот факт в новой редакции Программы КПСС. По-видимому, нельзя считать это положение истиной, не нуждающейся в разъяснениях. Вопрос о критериях социалистичности нового общества, о времени вызревания тех или иных его признаков дискутируется в научной литературе и публицистике. Было бы уместным и даже необходимым выяснить конкретно, каковы были качества этого общества, характеризовавшие его духовный облик, т. е. культуру, насколько они были социалистическими.

Именно это представляется сейчас главным. От того, куда приведет рассмотрение реальной культуры построенного в нашей стране общества, будет зависеть решение вопроса о культурной революции, ее осуществлении и победе.

Для понимания того, что было сделано или не сделано в ходе культурной революции, необходимо выяснить не только ее общее назначение (формирование новой, социалистической культуры и соответствующего типа личности), но более конкретные задачи. Имеется в виду необходимость учитывать социальный тип этих задач. Так вот, наряду с определяющими задачами, решение которых обеспечивало не просто доступ масс к культурным ценностям, а раскрывало реально возможность самого культурного творчества, чем поднимало индивидов до уровня развитых личностей, сознательных творцов своей истории, было немало задач гораздо более простых, связанных с ликвидацией культурной отсталости добуржуазного типа: ликвидация неграмотности взрослых, введение первоначального всеобщего школьного обучения и т. п. В литературе последние нередко выдвигаются на первый план в стремлении поднять планку успехов культурной революции. На наш взгляд, это неверно. Главное внимание следует обращать на уровень социалистической сознательности граждан, формируемый всем ходом развития — политического и экономи-

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 3. — С. 70.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 372.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 36. — С. 171.

⁵ Ермаков В. Т. Дискуссия конца 50-х — 60-х годов о культурной революции в СССР // Советская культура. — 1987.

ческого, а также во многом собственно духовными, культурными средствами, методами направленного воспитания.

Итак, попытаемся рассмотреть «баланс» культурной революции. Прежде всего следует сказать об ее позитивной части. Наличие огромной литературы, содержащей примеры преобразований в различных областях культурной жизни, освобождает нас от фактологических описаний, которые неминуемо свелись бы к пересказу хорошо известного. Для примера укажем на последние и наиболее крупные труды, носящие обобщающий характер⁶. Собранные в них материалы составляют достаточно впечатляющую картину культурного прогресса народов СССР почти за четверть века существования Советской власти. Не только действительные достижения, но, думается, и концептуальная установка определили громадное преобладание в названных книгах позитивных данных. Критический подход играет роль подчиненной функции исследования. Понятно поэтому, что нам следует перенести центр тяжести на анализ негативного опыта, без чего не может быть речи о «балансе».

Как и прежде, началом культурной революции мы считаем победу Октября. Следует подчеркнуть культурно-творческое значение Великой Октябрьской социалистической революции как политического акта. Взятие власти пролетариатом открыло реальные возможности в исторически короткие сроки преодолеть разрыв между трудящимися и ценностями культуры, вооружить их инструментом знания, создать условия для коренной переделки самих себя. Революция подтвердила высказанное основоположниками марксизма убеждение, что «свергающий класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества»⁷. Опираясь на идейно-теоретические и общекультурные накопления мирового революционного движения, вобравшие в себя многие прогрессивные элементы из опыта человеческой цивилизации, Коммунистическая партия как авангард народного движения поставила целью достижение высоких идеалов гуманизма, демократии, социализма.

В самом начале культурной революции культурнические, т. е. сугубо просветительские задачи сразу же оказались в одной «связке» с задачами политическими и идеологическими. Никаким иным способом, кроме как революционным, нельзя было достичь такого слияния. А лишь только оно в свою очередь могло придать культурному развитию высокие темпы и новое качество.

К сожалению, нормальному развитию помешала гражданская война, заставившая ввести политику «военного коммунизма» (я опускаю здесь вопрос о теоретических предпосылках этой политики), оказавшую мощное и долговременное влияние на весь общественный строй. Сложившийся уклад жизни, пронизав все ее сферы, в том числе, и культурную, породил своеобразный тип морали, общественного сознания и, в конечном счете, сформировал «модель» личности.

Одной из главных черт эпохи «военного коммунизма» была гипертрофия критического отношения ко всему тому, что осталось от прошлого, в том числе в культуре. Отрицающее начало было заложено в самой революции, направленной на свержение буржуазно-помещичьего строя. Это в глазах многих адептов нового порядка воспринималось как отрицание старого вообще. Сопротивление врагов объективно подталкивало победителей к ускорению преобразований без должного учета их подготовленности. Война с ее категоричным противопоставлением борющихся сил, ценой которого выступала сама человеческая жизнь, способствовала ослаблению гуманистического содержания культуры, умалению самооценки личности.

Итоги трехлетнего периода послереволюционной истории, прожитого под сенью «военного коммунизма», были неоднозначны и противоречивы. Существовали свои итоги и в сфере культурного строительства. Естественно, что они также не были окрашены одним цветом. Количественный скачок в развитии культурной сети, пробуждение масс к участию в творчестве духовных ценностей и другие положительные явления породили ощущение всеисильности той человеческой энергии, которая питалась главным образом верой в преобразующую мощь революции, в силу провозглашенных ею идеалов трудовой солидарности, бескорыстия, готовности к жертвам во имя светлого будущего и т. п. В обстановке военных побед, через призму которых рассматривалось все настоящее и будущее, казалось просто неуместным заниматься трезвым, материалистическим анализом мирового опыта человеческих отношений. В общественном сознании достаточно широко закрепились по существу идеалистические, утопические, представления о решающей роли субъективного фактора. Это вело к умалению значения подлинно научного, объективного знания глубинных закономерностей общественного развития. Хотя такой «перекос» явился следствием всего «военно-коммунистического» опыта, его идеологический и психологический срез в виде определенных взглядов и настроений отражал состояние культуры. Влиянию такого рода сознания предстояло не раз проявиться в будущем.

Другим важнейшим итогом, тесно связанным с первым, явилось формирование определенного типа личности и присущего ей стиля поведения и деятельности. По сути дела, административная система, ставшая главным тормозом современного развития, корнями уходит в эпоху «военного коммунизма». Милитаризация труда и быта, т. е. фактически всей жизни, уравнильное распределение благ и услуг; централизация управления; командно-исполнительский характер отношений, введенных не только на производстве, но и в партии, общественных организациях — все это и другие подобные черты эпохи «проросли», можно сказать, в людях, особенно в кадрах руководителей. Образ самоотверженного бойца, отвергающего личный интерес и личное счастье, растворяющего себя в массе, хорошо известен — он воплощен во многих произведениях советской художественной литературы. С окончанием гражданской войны этот тип не исчез. Новые отношения, связанные с введением нэпа, его не искоренили, тем более что многое в обстановке нэпа продолжало сохранять черты предыдущей эпохи.

Таким образом, даже ограничиваясь этой краткой характеристикой духовного наследия «военного коммунизма», есть основания говорить, что в нем был заключен основательный комплекс причин, деформировавших дальнейший ход культурного строительства, искажавших его социалистическое содержание. Уже тогда получили широкое развитие идеология и нравственность примитивно коммунистического типа. Позитивные практические результаты (военная победа) объективно маскировали ущербность сложившихся представлений и качеств, их величайшую опасность для судеб подлинно социалистического будущего.

Таков был итог очень важного, во многом предопределившего будущее первого этапа. Второй этап начался с введением нэпа. Что было характерно для него? Хотя страна уже не была «осажденной крепостью», привычные правила, регламентировавшие еще недавно образ жизни, во многом сохраняли свою силу. В общественных отношениях и массовом сознании сосуществовали нормы мышления и поведения вчерашнего дня, т. е. «военно-коммунистические», и новые, порожденные нэпом. Главной чертой нового, скажем так — нэповского, стиля было развитие демократии. Культура с помощью присущих ей форм и методов должна была обеспечить ее повсеместное и всеобщее утверждение. Только в этом случае культурная революция могла соответствовать своему назначению, а построение социализма, частью которого она являлась, отвечать народным чаяниям.

⁶ Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры. 1917—1927. — М., 1985; Советская культура в реконструктивный период. — 1928—1941. — М., 1988.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 3. — С. 70.

Борьба двух типов развития имела, следовательно, объективную основу. Но исход борьбы зависел от того, на какую чашу весов ляжет груз субъективного фактора. А его прежде всего и главным образом воплощала Коммунистическая партия, игравшая руководящую и направляющую роль. При жизни Ленина партия, будучи в целом демократическим сообществом, определяла свой курс, ориентируясь на создание демократического социалистического строя. После смерти Ленина положение кардинально изменилось. Ведущее место в партии постепенно, хотя и достаточно быстро, занял Сталин, превративший затем свое положение в фактически неограниченную личную диктатуру.

Для Сталина, круто повернувшего руль советского корабля, чтобы направить его в гавань так называемого «казарменного коммунизма» и утвердить себя вождем нового строя, сделать это было сравнительно нетрудно по ряду причин. Во-первых, он использовал общую культурную отсталость населения, бывшего к тому же в массе своей мелкобуржуазным. Традиции монархизма были достаточно прочны. Сдобренные ядом шовинизма, которым он все более подменял первоначальный интернационализм советской идеологии, эти традиции помогли ему взойти на «трон». Этому же способствовало культивирование с первых дней революции в силу объективной необходимости качеств исполнительства и послушания у кадров партии и государства. Если поначалу они сочетались с соблюдением демократических норм, то постепенно преобладание этих черт стало признаком особой доблести, выражением всегда почитаемой в партии дисциплины. Использован был и жупел борьбы с разного рода оппозициями, которые еще при Ленине породили фракционность, которая считалась опасной для самого существования партии и советского строя.

По сути дела, все эти и им подобные традиции и качества были признаками культурной ограниченности, которая не только не преодолевалась, а, напротив, консервировалась. Происходило намеренное ограничение культурной работы на уровне ее первого «этажа» — расширение элементарных форм (ликвидация неграмотности, первоначальное школьное обучение), необходимых для создания массовых производственных кадров, и одновременное отторжение этой же массы от усвоения высших культурных достижений. Последнее требовало уже не механического обучения, а личностного творческого участия, что в свою очередь было немыслимо без восприятия всего богатства мирового опыта демократии.

Сказанное может показаться противоречащим фактам. Ведь известно, что практиковались и широко рекламировалось участие рядовых тружеников в развитии высших форм культуры, например, выдвижение ударников производства в литературу, участие в художественной самодеятельности и т. д. Не касаясь того, что во всем этом было немало упрощений и примитивизма, отметим другое, на наш взгляд, главное. Говоря о высших «этажах» культуры, мы имеем в виду наличие основной раздельной линии между культурой исполнительства, основанной на усвоении стереотипов, и культурой подлинно творческой, немыслимой вне самостоятельного мышления. Оно же в свою очередь не может существовать в «безвоздушной» среде автократии и тоталитаризма. Вот этой, «второй» культуры как огня боялся Сталин, ее напрочь отвергала вышестоявшая им система. В литературе данное положение вещей иногда характеризуется скромной формулой: «развитие культуры вширь при недостаточном ее развитии вглубь». Дело в том, что демократия и социализм неразделимы. Сталин добивался (и немало в этом преуспел) разрушения данного фундаментального тезиса марксизма. Естественно, что культура, выращенная на этой почве, была политически и нравственно ущербной, что столь же естественно отразилось в облике типичного представителя общества т. н. «построенного в основном социализма».

Вернемся, однако, несколько назад, чтобы завершить характеристику пути и методов, избранных Сталиным для утверждения своего господства.

Он не ограничился использованием выгодных для себя исторических традиций и конкретных условий. На определенном этапе им была введена в действие главная «теория» — теория обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Будучи с самого начала своей политической деятельности склонным к левачеству и даже терроризму, Сталин получил теперь возможность применить свой главный и поистине безотказный инструмент — прямое насилие. Сфера его использования оказалась безграничной. В кровавую мясорубку репрессий были брошены миллионы крестьян, рабочих, интеллигентов. Уничтожение одних ввергло в состояние страха и покорности других. Величайшее коварство этой «операции» состояло в том, что масса не только оставшихся в живых, но даже заключенных в тюрьмы и лагеря, продолжала верить режиму и славить деспота. Не являлось ли это показателем того, как роковым образом смещены были представления о справедливости, чести и достоинстве личности и, в конечном счете, социализме как таковом? Не было ли торжество сталинского террора и одобрительное восприятие его в массовом сознании свидетельством низкой культуры огромной части населения?

Процесс нивелировки личности и ее принижения, проходивший на фоне действительно широкой культурной работы, едва ли не уникальный исторический феномен. Полный его анализ еще впереди, ограничимся лишь одним примером. Общеизвестно, что среди главных достижений культурной революции было формирование новой, советской, социалистической интеллигенции. Учитывая, что в дискуссии непосредственно участвуют специалисты по истории интеллигенции, способные развернуть эту тему, ограничусь лишь небольшими пояснениями. Массовая армия специалистов, выходцев в основном из среды рабочих и крестьян, действительно была создана в течение 20—30-х гг. Вместе с народом она достойно защищала свою страну в дни Великой Отечественной войны. Несомненно, что ее патриотические помыслы и поступки были не только выражением национальных чувств, но и социалистических убеждений. Весь вопрос в том, какова была природа господствовавшего в народе, в том числе интеллигенции, общественного сознания. Было ли оно сформировано в результате пропагандистского по преимуществу внушения или явилось следствием истинно научного осознания? Представляется, что основным фактором, сформировавшим такое сознание, если брать только духовную сферу, была всеохватывающая, централизованная, унифицированная, настойчивая пропаганда, частью которой фактически была общественная наука, сводившаяся сплошь и рядом к элементарному комментаторству. Сила такой пропаганды оказалась поистине невероятной, ее последствия реально ощущаются по сей день, поддерживая «на плаву» многократно разоблаченный сталинизм.

Когда мы говорим о формировании к исходу 30-х гг. особого, по своему новому, типа личности, то не следует думать, что это касается только интеллигенции. Нет, это касалось всех слоев населения. При этом, что также важно подчеркнуть, естественная для любого общества социальная дифференциация все более заменялась унификацией. Люди фактически мыслили по единому образцу, однотипность проявлялась и в чертах характера.

Интересное исследование, подтверждающее этот тезис, провели новосибирские социологи. Они изучали волевые черты т. н. «ровесников Октября», т. е. родившихся в 1917 г. Это были как раз те люди, которые к концу 30-х вошли, можно сказать, в пору расцвета. Так вот, выяснилось, что черты, определяющие подлинную активность и организованность личности, были этому поколению крайне мало присущи. Зато определяющими были черты стойкости — мужество, упорство, настойчивость, выносливость, исполнительность, терпеливость. Хорошие ли это черты? Безусловно. Но без сочетания с другими они делали личность односторонней и в конечном счете ущербной. Авторы исследования приходят к выводу: сформировались «стойкие и нетребовательные к условиям жизни

и работы исполнители, глубоко преданные идеалам, усвоенным с детства». С такими характеристиками было «легко выполнять четко заданную работу, но нелегко перестраиваться на новое и совсем трудно сделать поиск»⁸.

Сказанным мы не бросаем камень в этих людей, не упрекаем их — это просто объективный вывод. И если честно взглянуть на самих себя, особенно людям старшего поколения, то нельзя не признать, что это действительно так. Во многом поэтому трудно идет перестройка в наши дни, нуждающаяся в людях с новыми чертами. А их то как раз и недостает.

Таков общий вывод и итог, которым завершились период «построения социализма в основном» в приложении к духовной сфере и соответственно культурная революция, победу которой «утвердила» упомянутая дискуссия. Старая, буржуазная культура была сломлена и заменена почти повсеместно новой. Но была ли она социалистической в точном и подлинном смысле этого слова? Если культурная революция осуществилась, то были ли ее итоги выражением того, что в это понятие закладывалось Лениным? И, наконец, можно ли такие результаты объявить победой социализма?

В последующие годы, выходящие за рамки переходного периода (как он трактуется в настоящее время), сталинизм продолжал доделывать свою черную, «антикультурную» работу. Многочисленные «воспитательные» кампании проносились смерчами по полю культуры, захватывая то литературу, то науку, не оставляя без своего удушающего воздействия ни один другой ее участок. Главное, что достигалось при этом, — углубление и расширение масштабов принижения внутренней культуры личности. Процесс этот надломился благодаря воздействию XX съезда КПСС, но не остановился. В годы брежневщины он принял новые формы, специфические для «застойного» периода. Сталинизм как явление, как система продолжал существовать, все более ослабляя действие импульсов, рожденных Великой Октябрьской социалистической революцией.

В итоге страна, общество пришли к состоянию, которое получило фактически общую оценку как кризисное. Отсутствует инструмент, которым можно было бы измерить уровень деформации культуры. Здесь обычно сильнее и точнее сказываются суждения глубоко и честно мыслящих авторитетов. Один из них, всемирно известный и писатель и борец за мир Чингиз Айтматов сказал в одной из последних статей: «Сталинизма растоптала личность и мы до сих пор не можем опомниться»⁹. Потому и стала необходимой революционная перестройка, что общество, прежде всего сама руководящая партия, ощутили опасность исторической катастрофы, в которую нас неминуемо грозил совлечь сталинизм.

Какой же окончательный вывод следует из сказанного? Все дело в том, что торжество сталинизма и утверждение подлинного социализма — разные вещи. Осознать это — значит ответить на поставленные вопросы и решить судьбу казалось бы окончившейся дискуссии. Похоже, что ее в пору начать сначала, поставив во главу угла не абстрактное теоретизирование, а подобающее историкам честное обращение к историческим фактам. Я попытался наметить контуры проблемы. Хочется надеяться, что нынешнее обсуждение придаст дискуссии новое дыхание.

Л. Ф. Лисс. Каждая из предложенных к обсуждению проблем требует солидных размышлений. Здесь можно наметить лишь некоторые контуры этого. Обратимся непосредственно к вопросу о культурной революции в нашей истории. Правомерна ли постановка вопроса о ней, как о структурном элементе ленинского плана построения социализма в конкретно-исторических условиях России? Вне всякого сомнения, но исключительно в авторской интерпретации: «... У нас политический и социаль-

ный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим». У нас — сначала политический и социальный переворот, а лишь затем — культурный. У других, более цивилизованных обществ, культурный переворот вполне может предшествовать социальному и политическому. Жесткость связи, таким образом, носит конкретно-исторический характер. Возможна ли трактовка культурной революции как «формирование новой социалистической культуры и соответствующего типа личности»? Возможна, но с некоторыми оговорками. В этом варианте культурная революция уже не просто один из структурных элементов строительства социализма, но его стержневой, результирующий элемент. Ведь формирование личности обусловлено всем ходом социального развития, а не только одним его элементом. С другой стороны, социализм — лишь первая фаза коммунизма. Поэтому формирующаяся в ходе социалистического строительства личность не может быть адекватной личности более высокого этапа социального развития. Следовательно, при априорном определении черт формирующейся личности с очень большой осторожностью надо подходить к представлениям, относящимся к другому этапу развития. Наконец, необходимо поставить вопрос об устойчивости этого нового, формирующегося типа личности, то есть, не только о формировании, но и о закреплении вновь сформированного типа. А это, по-видимому, требует иных временных рамок, смены поколений, длительного процесса функционирования нового общества.

Если обратиться к самому феномену культурной революции, то возникает ряд соображений теоретического и конкретно-исторического плана. Понятие «культурная революция» естественно соотносит с базовым для него понятием «культура». В контексте развития культуры культурная революция есть узловый пункт, момент перехода от качественно одного состояния культуры к качественно иному. Если брать отдельные элементы культуры, то в их развитии происходит свои революции — революция в мировоззрении, революция в науке и т. д. Но если дело идет о формировании иного человека, то тогда речь должна идти не об отдельных компонентах культуры, а обо всем развитии целостного общественного организма, переделывая который, человек переделывает и самого себя. О чем, кстати, и говорится в известном месте из «Немецкой идеологии». Речь, следовательно, должна идти о коренных изменениях в культуре в самом общем ее понимании. А понятие «культурная революция» встраивается в систему понятий «социальная революция». В любых социальных преобразованиях есть свой культурный аспект, результирующий, в конечном итоге, в типологических изменениях индивидов и групп. Так, происходящие в процессе развития радикальные изменения в технико-технологической составляющей производительных сил общества, приводят к соответствующим изменениям технико-технологической культуры непосредственных производителей; изменения в производственных отношениях — к развитию адекватной экономической культуры; изменения в функционировании политической надстройки и политических отношений — к иной политической культуре и т. п. Таким образом, то, что понимается под культурной революцией, не может рассматриваться лишь в качестве прерогативы социалистического строительства, но является общесоциологическим и общен историческим явлением.

Другой вопрос, который требует осмысления на общен историческом уровне, касается пределов возможностей общества в формировании адекватного ему типа личности. Являются ли эти возможности столь безусловными, что всегда и при всех обстоятельствах в обществе формируются лишь необходимые ему, удовлетворяющие его сегодняшним потребностям, нормам, ценностям личности? Или же в одних и тех же социальных условиях идет развитие личностей и групп диаметрально противоположного плана — как апологетов данной социальной системы, ее защитников, так и ее критиков и разрушителей. Исторический опыт свидетельствует, что при любых обстоятельствах формирование шло в обоих

⁸ Быков В. А. И простиупают черги поколений // ЭКО. — 1987. — № 10. — С. 90—91
⁹ Известия. — 1988. — 9 дек.

этих направлениях. А наряду с этим всегда существовали такие группы, которые просто воспринимали существующее общество как некую данность, и такие, что различными способами адаптировались, приспособивались к нему. Принципиальным здесь является то, что на базе внутренних противоречий, имманентно присущих любому обществу, в нем формируется не только конформные по отношению к нему социальные силы — группы, личности, но антогонистичные к нему, неконформистские, отвергающие данное общество, его идеалы, нормы, ценности. Конечно, всей силой своих социальных институтов общество «давит» во вполне определенном, необходимом для своей стабильности направлении — вплоть до физического истребления диссидентов. Но просто предотвратить их появление оно не в состоянии.

Теперь о некоторых проблемах культурной революции применительно к социалистическому строительству в нашей стране. Ключевым здесь является не примерка к некоему абстрактному идеалу, а анализ конкретно-исторических результатов. Сейчас ломается много публицистических копий на тему о том, что же за общество у нас построено. Из разного рода гипотез по этому поводу наиболее близкой к истине является понятие «государственный социализм». Следовательно, та культурная революция, которая имела место при его строительстве, имела целью не некоторый абстрактный идеал, а формирование такого типа личности, который бы был адекватен обществу государственного социализма. В чем и преуспела. А какова при этом была судьба реальных, потенциальных, или мнимых неконформистов — хорошо известно. В развитии этого общества можно, по-видимому, выделить два этапа, отличающихся моделями тоталитаризма — сталинизм и постсталинизм. На формирование личности в первый из этих периодов не могли не оказать существенного воздействия такие эпохальные и в историческом плане, и в массовом сознании события как Октябрьская революция, индустриализация страны, Отечественная война. А, с другой стороны, — массовый террор к потенциальным «врагам» системы. Что касается постсталинизма, то идеологическую ситуацию в стране, а, следовательно, и важнейшее поле для формирования личности радикальным образом изменил XX съезд КПСС. Никакие попятные движения не могли снять его главного результата — начавшегося в общественном сознании пересмотра ценностей, взгляда на состояние своего общества. Если к этому добавить властно пробивавшие себе дорогу императивы научно-технической революции, то станет понятно, почему в этот период, наряду с сохранением групп, апологетически настроенных к тоталитаризму вообще и его сталинскому варианту, в частности, идет интенсивное формирование и социальных групп иного типа — «реформаторов», «разочаровавшихся и изувечившихся», «циников» и т. д. Заметим здесь, что если перестройка не «захлебнется» и начнется интенсивное строительство новой модели социализма — «демократического социализма», — то в процессе этого строительства неизбежно пойдет и формирование нового типа личности, отличного от преимущественных типов как сталинизма, так и постсталинизма. А вот в каком соотношении этот новый тип окажется по отношению к типу коммунистической личности покажет только будущее.

Г. А. Антипов. Характерная и бросающаяся в глаза особенность всевозможных наших сегодняшних обсуждений и дискуссий — громадное преобладание вопросов, на которые у нас нет ответа, над вопросами, решение которых нам известно. Поэтому добавлю к уже имеющимся сомнениям и безответным вопросам еще одну пригоршню таковых, прием, по нынешним временам, не очень-то оригинальный. И все же.

Начнем хотя бы с такого: а имела ли, собственно, место культурная революция? Не является ли наше обсуждение беспредметным? То, что имеется большое количество ученых книжек, детально о ней рассказывающих, еще ведь не показатель. Существует, например, значительная литература по спиритизму, однако, из этого не следует, что возможность общения с «духами» умерших есть достоверный факт. Можно привести не-

мало contra и по поводу культурной революции, самого ее признания как чего-то свершившегося.

В самом деле, никто не станет, по-видимому, спорить с тем, что культурная революция предполагает некое качественное преобразование искусства. И действительно, на протяжении десятилетий мы о нем толковали несчетно, связывая таковое революционное преобразование с методом социалистического реализма. Что же в конце концов оказалось? Как совместить с революцией в искусстве, то, что были придушены все сколько-нибудь заметные новаторские начинания в художественном творчестве, которыми столь была богата первая четверть XX в.

То же самое приходится сказать и о морали. «Новая мораль» с ее основным императивом — нравственно все то, что полезно для осуществления политических целей, — стала средством оправдания чудовищных представлений, поставивших общество на грань антропологической катастрофы. А в результате мы пришли к тому, с разрушения чего начали, к вечным общечеловеческим ценностям.

Идем дальше (хотя куда уж дальше). Философия. И здесь почему-то мы ищем утолить духовную жажду не в трудах митинских и федосеевых, этих признанных передовиков официального любомудрия, а у Соловьева, Бердяева, Флоренского и т. д. Если это революция, то, надо признать, довольно странная. Революция, руководствующаяся почти оруэлловским правилом: идти вперед, значит идти назад!

А школьное образование, не сводится ли оно во многих случаях к ликвидации неграмотности? Не все так просто и однозначно и с ликвидацией неграмотности. Создается впечатление, что в тех формах, которые ей были приданы, ликвидация неграмотности послужила скорее средством разрушения традиционной крестьянской культуры, средством манипулирования массами («Расстрелять убийц — таков приговор народа»), чем дорогой к Храму. Ведь ликвидация неграмотности — это всего лишь торжество полуграмотности, со всеми вытекающими отсюда последствиями. С одной стороны авторитет письменного слова, с другой — неспособность критической оценки письменного текста.

Итак, напрашивается первый вывод: прежде чем обсуждать историю культурной революции, нужно, как минимум, установить эмпирический факт ее свершения. Но, выдвинув подобную рекомендацию, мы тут же обнаружим в уравнении еще одно неизвестное. Что такое — культурная революция? Как писал А. Ф. Лосев: «Нельзя изучать историю такого предмета, о котором неизвестно, что же он представляет». По определению, всякая революция есть «поворот, глубокое качественное изменение в развитии каких-либо явлений природы, общества или познания». Спрашивается, таким образом, о качественном изменении чего должна идти речь, когда имеется в виду культурная революция? Скажем, историк науки Т. Кун под революцией в науке понимает смену парадигм, т. е. определенного вида структур (символические обобщения, метафизические предположения, ценности, образцы решения исследовательских задач), задающих траектории научного познания. А как быть, когда вопрос ставится о развитии культуры в целом?

Причем, нельзя обойти в связи с этим еще один принципиальный момент. Существуют укоренившиеся клише: «культурное строительство», «формирование социалистической культуры» и т. п., так что волей-неволей появляется впечатление о социалистическом культурном развитии, как о чем-то искусственно направляемом, некоем аналоге, скажем, индустриализации. Во всяком случае, господствующим здесь является механистический подход, базирующийся на категории «часть и целое». Молчаливо принимаемая презумпция состоит в том, что культура возникает подобно собираемому из деталей и блоков агрегатов.

Стоит, однако, обратить внимание, что даже физика давно обнаружила ограниченность эпистемы «часть и целое». В биологии это само собою разумеется. Как нельзя более наглядно показала неадекватность механи-

стического стиля мышления природная среда, ответив на попытки реализации т. н. сталинского плана преобразования природы и его последующих (вплоть до сегодняшних) модификаций экологического коллапса. Так неужто культура представляет собой нечто более простое, чем физические или биологические системы? Мы не можем еще сконструировать и «построить» простейший живой организм, а строить культуру беремся?

Из сказанного, хотелось бы надеяться, вытекает, что процессы генезиса и развития культуры следует толковать не в категориях инженерии, а скорее, в духе метаморфозы органических систем. Культуры не строятся, а зарождаются. Не собираемая по частям под наблюдением опытного прораба конструкция, а организм, даже исходные, клеточные состояния которого содержат генетическую запись его будущего жизненного цикла, — вот что такое культура.

Вернемся теперь непосредственно к вопросу о культурной революции. Была она все-таки, или нет? Хотя мы не имеем развернутой теоретической модели культуры, можно все же принять, что ее ядро, ее средоточие — система (иерархия) ценностей. Вместе с тем не существует, это тоже важно учесть, единой однородной человеческой культуры. Культура человечества — это совокупность сосуществующих, взаимодействующих, возникающих и гибнущих субкультур. Типичные примеры: дворянская, буржуазная, пролетарская культуры, культура хиппи и т. д. Любой социум представляет собой симбиоз разных, порой весьма отличных друг от друга культур. Тогда всякая культурная революция есть не что иное, как процесс превращения той или иной субкультуры в доминирующую, господствующую.

Впрочем, возможен и другой путь в рассуждениях. Подобно тому, как обычно различают «техническую революцию» (создание машин) и «промышленный переворот» (распространение машин «вширь»), можно разграничить, с одной стороны, процесс возникновения определенной субкультуры и, с другой — процесс превращения этой субкультуры в доминирующую для данного социума. Так, генезис буржуазной культуры в значительной мере тождественен формированию «протестантской этики» (по Макс Веберу). Именно ею представлена адекватная капиталистическому способу производства система (иерархия) ценностей. Иное дело, однако, превращение указанной системы ценностей в доминанту европейской культуры нового времени.

Что же касается социалистической культуры и, соответственно, социалистической культурной революции, то реальная, не мифологизированная их периодизация заключается, по-видимому, в следующем. Первый этап формирования того, что только и может быть отождествлено с социалистической культурой, завершается в начале XX в., когда в деятельности нескольких поколений русских революционеров (от декабристов до социал-демократов) кристаллизуется та система ценностей, которую условно можно назвать «командно-административной этикой». Подобное название имеет некоторое оправдание как в том, что высшей ценностью здесь выступает власть, так и в конкретных формах ее воплощения в социальных отношениях и институтах нашего общества.

Второй этап культурной революции имеет своим содержанием превращение командно-административной этики в доминирующую систему ценностей (господствующую субкультуру). Завершающей фазой данного процесса является по-видимому, сталинский «большой террор».

Нужно при этом, конечно, оговориться, что использование термина «социалистическая культурная революция» применительно к рассматриваемому процессу — дело весьма проблематичное. Оно обусловлено, главным образом, существующей историографической традицией, не открывающей пока никаких других альтернатив.

Е. Г. Водичев. Итак, в центре внимания — культурная революция, звено ленинского плана построения социализма, «творчески переосмысленного» и проведенного в жизнь И. В. Сталиным. Сегодня в нашей бурлящей и всепроникающей публицистике в него брошено меньше камней,

чем в два других компонента — индустриализацию и кооперирование крестьянства. Причины этого двояки. С одной стороны, здесь больше формальных успехов, если понимать под ними результаты культурного процесса, лежащие на поверхности. С другой — до сих пор сохраняющиеся опасения вторгнуться в «святыню святынь», в идеологию нашего социализма. Ведь здесь эта связь выражена еще более прямо и непосредственно, чем в случае с индустриализацией и коллективизацией. Тем не менее, переосмысление теории и практики культурной революции неизбежно. В противном случае будет нарушен один из универсальных социологических законов — принцип системности общества.

Думается, способствовать пониманию происходивших у нас событий поможет отказ от интерпретации культурной революции в СССР как явления уникального. Необходимо включить его в широкий исторический контекст. Ведь практически все крупнейшие социальные катаклизмы сопровождались перестройками в культуре и идеологии. Что же касается характера происшедших у нас в 30-е гг. изменений, то вариации на тему не столь давнего прошлого впоследствии были воплощены в других странах. Прежде всего в тех, руководство которых оказалось подвластно идее железной рукой загнать всех своих сограждан в «общество всеобщего благоденствия». Революции потому и являются революциями, что в них происходит слом старого и утверждение нового. Мы в своем «культурно-революционном» энтузиазме свято следовали этому правилу. Произошло отторжение старой культуры с ее традициями, нормами и ценностями. Им было отказано в праве считаться общечивилизационным достоянием. В своем большинстве их объявили неприемлемыми для государства диктатуры пролетариата. Появилось стремление лишить культуру одного из ее сущностных элементов — социальной рефлексии в любых формах ее проявления. Отсюда репрессии против тех, кто более других был способен к такой рефлексии, — представителей старой интеллигенции, и жестокое «воспитание» оставшихся.

Параллельно создавалось новое. Как справедливо подчеркивалось ведущим нашей дискуссии, точкой отсчета при оценке результатов культурной революции можно считать формирование нового типа личности. Что ж, здесь, в самой «архитектуре» «молодых застрельщиков будущего» успехи были налицо. Конкретный социально-психологический анализ личности сталинского общества еще ждет своего исследователя. Однако, вряд ли кто будет отрицать такие черты как беззаветная убежденность в правоте своих идеалов (сиречь безудержный фанатизм), слепая вера в возможности чудотворных (но при том, что парадоксально, планируемых), общественных преобразований, идея мессианства, склонность к принятию вождизма и т. д.

Что же касается методов, приведших к торжеству новых идеалов, то они хорошо известны. Отметим лишь, кроме уже упоминавшихся, выдвижение на первый план в культуре всеобъемлющего идеологического императива. В нашем варианте он связан с утверждением в культурной сфере метода «социалистического реализма», а в общественных науках — лишь «единственно верного» диалектического метода (разумеется, при его убогой и крайне упрощенной интерпретации). Результат — жесткая идеологическая нормативность культурных ценностей в рамках примитивно заданной классовой дихотомии «свой — чужой».

Утверждение этого результата в общественной практике обеспечивалось соответствующими механизмами — деятельностью специфических по форме социальных институтов в культуре. Все они работали на поставленную цель — обеспечивая либо формирование нового типа личности, либо (совместно с репрессивным аппаратом), «поддержание» нужной «формы». Основной признак таких механизмов — предельная унификация в целях жесткого государственного контроля. Классические примеры — единый (и единственный) Союз писателей или система образования, «подстриженная» реформами под одну гребенку.

Только ли для нас все это характерно? Не будем лукавить, отнюдь нет. Этот сценарий хорошо известен, хотя мы, конечно, в чем-то специфический вариант. Подобные метаморфозы в культуре происходили и в других странах, которым в силу различных исторических причин было, к несчастью, отказано в праве на создание подлинно гражданского общества и где всеобъемлющим стало влияние государственной машины.

Но как же все-таки быть с нами, с нашей культурной революцией? Вариант расчетов по принципу «с одной стороны — белое, но, с другой, есть все же немного черного» здесь не годится. Необходимо признать, что наша культурная революция была не более социалистической, чем были социалистическими изменения в обществе в целом. А признав это, следует вспомнить, что в теоретической политологии уже давно разработаны различные модели анализа тоталитарных систем. Нужно взять их и наложить, отбросив идеологические шоры, на наше общество периода сталинизма. Результаты, уверен, будут весьма любопытными, в том числе и при изучении феномена культурной революции.

С. А. Красильников. Круг поднятых в докладе В. Л. Соскина проблем широк и многообразен. Стержневая тема «культура и политика» — несет в себе два различных, и в то же время взаимосвязанных словосочетания — «культурная политика» и «политическая культура». Как в том, так и в другом случае, исследователям важно определять структурные изменения, тенденции развития в этих сферах в первое послереволюционное десятилетие, когда сталинизм сложился как система. Говоря о культуре как таковой, отметим, что под ней мы подразумеваем в первую очередь качество любого вида человеческой деятельности, когда говорим о культуре производства, культуре быта, культуре общения, политической культуре и т. д. Именно эту качественную составляющую, мы, культурологи и не анализировали в системном ключе, давая себя увести в сторону от подлинных проблем к завораживающим цифрам статистики культурных преобразований.

В самом деле, как могло получиться так, что в Октябре советский «кабинет министров» — СНК был, вне всякого сомнения, одним из интеллигентнейших в мире правительств. Однако пройдет немногим более десяти лет, и два крупнейших ученых — И. П. Павлов и В. И. Вернадский, каждый по-своему, логически придут к мысли о том, что интеллектуальные приоритеты партийного и государственного руководства окажутся растраченными, утерянными. Сегодня мы знаем, что с конца 20-х гг. в экономической, социальной, культурной политике возобладали волюнтаристские, мобилизационные и репрессивные методы руководства. Решения начали носить спиюминутный, прагматический характер.

Между тем, было и другое, подлинно октябрьское наследие, касавшееся переработки и обоснования стратегии общественного развития, составной частью которого являлась и стратегия в сфере культуры (культурная политика). В связи с отмеченным выше, значительный интерес представляют высказанные Н. И. Бухариным в 1925—1929 гг. идеи в обоснование стратегии культурного развития в общем контексте преобразований страны. Так, наряду с А. В. Луначарским, он предвосхитил и публично отстаивал мысль о том, что культура при пренебрежительном к ней отношении неизбежно превратится в «узкое» место, при решении важных вопросов экономики, политики. Будучи противником валового подхода, блок задач культурного развития он дифференцировал, применительно к различным группам, следующим образом: по отношению к массам трудящихся (добиться элементарной грамотности, повышать культуру производства, изменить культуру быта); по отношению к кадрам руководителей (компетентность управления, обязательность приобретения специальных знаний в руководимой ими сфере); по отношению к высшему эшелону (знакомство с мировым опытом развития, необходимость научной проработки стратегических планов, периодические поездки по стране).

Новация, как видим, заключалась в том, что лозунги культурной революции, традиционно прилагавшиеся к массам «вообще», Бухарин не только «расшифровывал», но и требовал повернуть внутрь руководства, усматривая в этом предпосылку для успеха всего дела: «Нужно сказать всем нашим работникам, что нельзя воспитывать массу, нельзя требовать от массы, чтобы она поднималась на более высокую ступеньку трудовой культуры, если ты сам подаешь пример бюрократической самовлюбленности и самодовольства. Необходимо прислушиваться к каждому критическому замечанию со стороны массы, а не объявлять каждую критику антисоветским выступлением, как иногда делают злостные дураки или бюрократические самодуры». С позиций современного знания мы можем констатировать: пафос бухаринских высказываний о том, что культурную «переделку» масс необходимо начинать «с самих себя», не получил отклика в верхнем эшелоне власти, равно как и в среднем звене управленцев.

Между тем, есть все основания для вывода о том, что со второй половины 20-х гг. и, особенно с периода т. н. «Великого перелома», культурная «переделка» руководящего слоя страны осуществлялась в направлении, явно противоположном тому, который предполагали, скажем, Н. И. Бухарин, А. В. Луначарский. Я бы назвал это «эффектом Юркина-Тюркина». Речь, в частности, идет о проявившейся тенденции к последовательному снижению культурного и политического «ранга» руководителей, приходивших в 1929—1937—1938 гг. на «смену» предыдущему поколению. Т. А. Юркин совершил скачок в конце 20-х гг. с должности директора одного из совхозов на пост председателя Колхозцентра. Еще более выразительно та же тенденция проявилась при «смене» руководителей наркомата просвещения РСФСР, когда пост, занимавшийся А. В. Луначарским, перешел в 1929 г. к А. С. Бубнову, до этого возглавлявшему Политуправление Красной Армии, а после его ареста в 1937 г. на непродолжительное время наркомом стал некто П. А. Тюркин — проходящая фигура, канувшая в небытие. Произошедшая, если можно так выразиться, эрозия слоя культурных руководителей в политическом руководстве страны имела, безусловно, свои предпосылки и сложный механизм проявления. Полное объяснение случившегося — предмет специального рассмотрения, и это, помимо прочего, требует обращения к особой, не культивировавшейся пока у нас области — политологии и ее разновидности — лидерологии. Здесь можно в качестве предварительного суждения высказать мысль о необходимости изучения культурологического аспекта связи между лидерами, вождями и массой. Совершенно очевидно, что политическое руководство страны в послереволюционный период включало в себя целый спектр социокультурных типов, среди которых, однако, преобладающим можно считать два: в прошлом — профессиональный революционер-эмигрант и профессиональный революционер-подпольщик, нелегал. Представители первого из названных типов, в силу понятных причин, обладали возможностью увеличить свой культурный потенциал, обогатиться знанием многообразного опыта революционного и рабочего движения за рубежом. Вторые — импонировали массам героической биографией, в то же время, у них вырабатывались и несколько иные социокультурные ориентации и ценности. С одной стороны, партийные лидеры были представлены ярко выраженными интеллектуалами типа Ленина, Бухарина, Троцкого, с другой — «практиками» типа Сталина, Молотова, Калинина, Ворошилова и т. д.

Дело, безусловно, не только в том, что первые были блестяще культурно образованными, и это их дистанцировало от вторых, равно как в целом от рядовой партийной массы. Однако, и этот момент не следует сбрасывать со счетов, анализируя тот факт, почему почвенными оказались фигуры «практиков», а «теоретики» оказались перемолотыми репрессивной машиной. Нами еще до конца не исследовано действие механизма самоидентификации, психологического отождествления массы с тем или иным политическим лидером. Для политического мифотворчества, (а это

особая область культуры) оказались очень подходящими образы вчерашнего «семинариста», «луганского слесаря», «тверского металлиста из крестьянской семьи» и т. д. Их антиподами становились «краснобай» Троцкий, «умник» Бухарин, «путаник» Луначарский и т. д.

По-видимому, одну из причин надо искать в том, что и внутри высшего политического руководства также возникла трещина. Причем трещина не личностного, а более глубокого свойства. Представители первой группы продолжали самоидентификацию себя с интеллигенцией, не отрекаясь от этого своего социального качества. Что же касается сталинского окружения, то оно не только не считало себя частью интеллигенции, но весьма определенно не допускало своего отождествления с этой группой. Смыкание в конце 1920-х гг. «спецедействия снизу» со «спецеждением сверху» — это не беспочвенная формулировка. Ведь стало привычным делом унижение именно интеллектуального достоинства человека, когда скажем, Ворошилов мог прерывать выступление на Пленуме (июль 1928 г.) Бухарина злорадными репликами типа: «Давай свою панацею, Бухарин». И — далее. Бухарин: «Мы не всеведущи, и наши ошибки — это есть наглядный расход нашего собственного обучения». Ворошилов: «Когда учишься, тоже будешь ошибаться».

В терминах политологии это явление может быть обозначено как «плебенизация власти». Проецируя его на область культуры политического руководства обществом, следует, по меньшей мере, в ней констатировать наличие и борьбу двух ориентаций — на интеллектуализацию и плебенизацию (низкий порог компетентности, упрощенчество, прагматизм, вседозволенность в политических решениях). Борьбу, в ходе которой вторая безоговорочно подчинила и поставила к себе на службу первую. Чтобы понять глубже механику происшедшего переворота конца 1920-х гг., представляется совершенно необходимым исследование культурологических характеристик деятелей не только высшего, но и среднего и низшего рангов сферы управления. А это требует разработки особого инструментария, умения осуществить междисциплинарное исследование, сочетающего черты исторического, социально-психологического, политического и иных подходов.

Л. И. Пыстина. Можно назвать множество проблем, требующих серьезного изучения, но, очевидно, в качестве ключевой, ведущей следует выделить проблему партийно-государственной политики в области культуры и, в частности, в отношении интеллигенции. Совершенно ясно, что утвердившееся в нашей литературе априорное положение, что все последующие после смерти В. И. Ленина годы лишь воплощались и развивались та политика в отношении интеллигенции (прежде всего, так называемой «старой»), что была разработана им еще в начале нашего пути, находится в жесточайшем противоречии с реальной действительностью сталинских пятилеток.

Одной из первых удар «Великого перелома» испытала на себе именно интеллигенция. Период относительно спокойного, преимущественно эволюционного развития в годы НЭПа, приведший, в частности, к значительному улучшению положения интеллигенции в середине 20-х гг., сменился резким скачком, усилением давления на интеллигенцию, подхлестыванием процесса ее «советизации». Мощнейшим катализатором этого процесса стали шахтинские события. Весной и летом 1928 г. по стране прокатился вал собраний ИТР, сопровождавшихся громкими уверениями в преданности Советской власти, суровыми осуждениями «вредителей». Процесс Промпартии (1930 г.) усугубил ситуацию, вызвал еще больший «энтузиазм» отречения от прошлых «заблуждений» аполитичности, нейтралитета и т. п. Не случайно В. М. Молотов в своих выступлениях этого времени называл 1930-й год решающим для старой интеллигенции годом, когда надо сделать окончательный выбор — «с кем она». Проходили массовые митинги, вечера «смычки», демонстрации. Усилилась т. н. политико-воспитательная работа в общественных организациях интеллигенции (инженерно-технические секции, секции научных работников), «повыси-

лось внимание» к марксистской теории. Трудно с точностью определить, что в этом процессе являлось элементарной мимикрией, обуславливалось страхом, а что отражало реальное движение интеллигенции к социализму. Ведь был и неподдельный энтузиазм, и интерес, и вера в возможность воплотить в жизнь мечты и проекты...

Любопытным свидетельством своеобразной «эффективности» репрессивной политики для ускорения «советизации» интеллигенции, может служить высказывание одного из руководителей Сибирского межсекционного бюро ИТС на I краевом съезде профсоюзов Западной Сибири (апрель 1932 г.): «Только с момента «Промпартии», процесса меньшевиков, кондратьевщины и т. п. начинает внедряться в работу инженерно-технических секций более глубокое политическое содержание. С этого момента ИТСовские силы... поворачивают в сторону решительного перелома... Твердо ставится вопрос — с кем они — с рабочим классом или на позициях вредителей и вождельничан на интервенцию...» (ГАНО, ф. 627, оп. 1, д. 696, л. 70—71).

В конце 20-х гг. происходит резкое ухудшение материального и социального положения интеллигенции. Наблюдается сильный рост антиспецовских настроений, увеличивается число необоснованных привлечений специалистов к судебной ответственности, огульных обвинений во вредительстве в результате производственных конфликтов. Активно ведутся поиски «классовых врагов» в вузах, чему посвящено множество публикаций в сибирской и центральной прессе. Многочисленными перегибами, откровенной демагогией сопровождалась развернувшаяся в 1928 г. массовая кампания критики и самокритики, являвшейся, по определению Сталина, «движущей силой» развития социалистического общества. Широкое применение в практике нашел и тезис Сталина о допустимости и 10 % правды в критике рабочими специалистов.

Закономерной реакцией на сложившуюся ситуацию стало массовое распространение упаднических, «нездоровых», как писалось в те годы, настроений в среде интеллигенции. «ИТР подавлены и в большинстве трусят» — типичная оценка настроений для лета 1928 г. Не случайно требовались и были приняты впоследствии экстраординарные меры по улучшению материально-бытового и правового положения интеллигенции, в частности, известное постановление ЦИК и СНК СССР от 1 августа 1931 г. «Об улучшении бытовых условий инженерно-технических работников». Они имели большое морально-политическое значение и трактовались современниками даже как начало нового этапа взаимоотношений интеллигенции и рабочего класса. При этом, однако, фактически замалчивался тот позитивный опыт в работе с интеллигенцией, который был накоплен в первое десятилетие Советской власти.

В свете сказанного выше, нельзя не видеть необходимости уточнения понятийного аппарата, в частности, терминов типа «социалистическое перевоспитание» старой интеллигенции. Требуется выработка или уточнение критериев при характеристике этапов идейной эволюции интеллигенции, перехода ее на позиции социализма. Обращает на себя внимание имеющаяся в литературе разноречивость оценок идейно-политических позиций интеллигенции к концу первого десятилетия Советской власти. В ряде работ присутствовали явно завышенные оценки, говорящие о том, что массовый переход интеллигенции на позиции социализма произошел в начале 30-х гг. Однако реалии этого периода свидетельствуют, что имела место искусственно форсированная, а не органическая «советизация» интеллигенции.

Серьезной теоретико-методологической и конкретно-исторической разработки заслуживает проблема так называемого «спецедействия», как в силу слабой изученности, так и вследствие современных рецидивов этой болезни в виде довольно распространенных в наши дни антиинтеллигентских настроений. В то же время требуют аргументированного разбора встречающиеся в современной публицистике критические высказывания о якобы изначальной антиинтеллигентской направленности партийно-госу-

дарственной политики. Нельзя, на наш взгляд, механически переносить политику сталинщины на ситуацию первых послереволюционных лет.

В рамках затронутой темы является важным вопрос о ВАРНИТСО. Есть опасность механической смены оценок данной организации — от сугубо положительной (в начале 60-х гг.) до резко и только отрицательной (в современной исторической публицистике). Здесь требуется более глубокий и всесторонний подход. Ведь идея ВАРНИТСО возникла в среде самой интеллигенции. Однако, поскольку период организации ВАРНИТСО пришелся на годы «Великого перелома», идея была «перехвачена» и трансформирована в нужном для себя направлении аппаратом (партийным и пр.). И ВАРНИТСО стала играть далеко не однозначную, во многом негативную роль в качестве инструмента проведения жесткой политики идеологического диктата. Это не единичный случай своеобразного «перерождения» изначально полезной идеи и формы. В той или иной мере подобные деформации пережили и другие общественные организации, ставшие надежными «винтиками» сталинской политической системы.

В целом же успех разработки актуальных проблем истории советской интеллигенции, выработки новой концепции ее формирования в значительной мере зависит от наличия всей полноты документальных материалов. Одновременно требуется освободиться от шор, более широко и непредвзято взглянуть на уже известные и, казалось бы, изученные события. Например, на ту же историю профессиональных организаций научнотехнической интеллигенции, которые, ставя целью привлечение старой интеллигенции к строительству социализма, демонстрировали на практике свертывание демократических начал в нашем обществе. Особенно это было характерно для 30-х гг.

Т. Н. Осташко. Тезис ведущего о том, что культурная революция и построение основ социализма — суть процессы одновременные и взаимообеспечивающие — в полной мере подтверждается историей формирования советской интеллигенции. С момента Октябрьской революции рабочий класс и его партия выступали как основная и единая политическая сила, определявшая пути и формы этого процесса. Основные положения политики переходного периода в отношении интеллигенции были разработаны при непосредственном участии В. И. Ленина и закреплены в ряде партийных и государственных документов. По сей день, однако, историки изучают отдельные, разрозненные ее звенья. Назрела необходимость комплексного анализа всей их совокупности в историческом контексте той или иной эпохи. Это требует дополнительного изучения ряда вопросов. В их числе вопрос о правовых основах социальной политики на разных хронологических отрезках переходного периода, тождественности политики, декларируемой на словах и проводившейся на практике. Последнее особенно актуально для периода сталинщины.

Задача историков — раскрыть механизм взаимодействия интеллигенции и власти на разных этапах послереволюционного развития. Пролетарское государство изначально стремилось использовать интеллигенцию как проводника своей политики в самых разных сферах. Это наложило свой отпечаток на структуру общественно-профессиональной деятельности, через которую интеллигенция реализует себя как особый элемент социальной структуры. С политизацией всех сфер жизни, развертыванием политико-просветительной и культурной работы, функции интеллигенции усложнились, выходили за рамки привычных сугубо профессиональных обязанностей. Думается, однако, что постепенно происходило смещение приоритетов в пользу особым образом трактуемой общественной деятельности, которая рассматривалась к тому же как своеобразный индикатор идейной зрелости специалистов и политической ориентации с точки зрения диктатуры пролетариата. На общественную работу стали смотреть не как на производный от профессиональной деятельности элемент, но как на один из главных показателей достоинств специалиста. Это неизбежно вело к искажению ценностных ориентаций в их сознании, поскольку политическая лояльность, подчас чисто внешняя, нередко ценилась

выше такого фундаментального признания интеллигенции как профессионализм.

В исследовательской литературе прочно утвердилось представление, что одним из главных факторов привлечения интеллигенции к профессиональному сотрудничеству служила политика Советской власти по развитию экономики и культуры. Созидательный характер этой политики, естественно, не ставится под сомнение. Не оспаривая данный вывод в целом, отметим, что в реальной жизни этот фактор действовал не однозначно. В самом деле, если, как теперь признано, имели место извращения принципов ленинского кооперативного плана, недоиспользовались возможности развития индивидуальных хозяйств на рельсах НЭПа и т. п., то следует задуматься, много ли в такой политике было «созидательности». Отсюда возникает вопрос (и тема исследования) о воздействии деформаций в хозяйственной и культурной политике на процесс т. н. советизации интеллигенции.

Под новым углом зрения необходимо рассмотреть деятельность, в частности, сельской интеллигенции, особенно экономистов — аграрников и других специалистов сельского хозяйства, значительная часть которых в конце 20-х — начале 30-х гг. подверглась репрессиям за приверженность взглядам Н. Д. Кондратьева и А. В. Чаянова. Следует пересмотреть оценки теоретических воззрений и практической деятельности «сибирских кондратьевцев», которых в течение ряда десятилетий клеймили как «врагов социализма» и которые ими никогда не были.

Новых подходов и решений требует, казалось бы, ясная проблема формирования интеллигенции. Известно, что в ходе социалистического строительства изменились социальные параметры интеллигенции: численность, профессионально-квалификационная структура, социальный состав и др. Изучить их в полном объеме — одна из задач. Дело это трудное, поскольку историки имеют слабые навыки извлечения необходимой статистической информации из массовых источников. Другая трудность кроется в грамотной интерпретации социальных и идеологических последствий тех коренных изменений состава интеллигенции, которые произошли в конце 20-х — начале 30-х гг. Суть в том, что к этому времени (и даже к 1928 г.) состав отдельных профессиональных отрядов специалистов обновился настолько, что преобладающей стала прослойка лиц с советским стажем работы. Так, среди учителей сельских начальных школ Сибири 75 % начали свою деятельность в советское время, большинство из них (55,4 %) имело возраст до 25 лет. В годы Советской власти начали свой трудовой стаж также 62,4 % участковых агрономов Сибири, около 60 % участковых специалистов по землеустройству.

Молодые специалисты концентрировались в низовой сети земельных органов, фельдшерских пунктах, начальных школах и т. д. Составляя наименее квалифицированную часть сельской интеллигенции, они в то же время являлись наиболее социально активными (более высокий процент коммунистов и комсомольцев, большая расположенность к участию в общественной работе и т. д.). Естественно, что эта часть интеллигенции легче, чем старые специалисты, усваивала и новый стиль жизни, и новую идеологию. Столь же естественно, что молодые специалисты легко, можно сказать, безоглядно воспринимали и те идеологические искажения, которые внедрялись в их сознание крепнущим с каждым годом сталинизмом. Так вырастает проблема, требующая специальной постановки и изучения: как ускоренное формирование новых кадров специалистов повлияло на изменение массового сознания и поведения интеллигенции в целом в годы сталинщины.

В порядке постановки вопроса можно сказать следующее. Вряд ли подлежит сомнению тот факт, что смена поколений отечественной интеллигенции («старой» на «новую») носила не органический, а конфликтный и даже катастрофический характер и сопровождалась «выбыванием» целых групп наиболее профессионально подготовленных кадров «старой» формации. В этих условиях осложнился процесс передачи традиционных

этических норм, профессиональных знаний и навыков и т. д. Развивался конформизм и карьеризм, позволившие укрепиться сталинскому режиму личной власти. Каков же был суммарный итог? Общие суждения относительно итогов формирования интеллигенции в условиях сталинщины сделаны в докладе. Имеющиеся у нас данные позволяют с ними согласиться.

А. Л. Посадсков. К сказанному хотелось бы добавить, что снижение культурного потенциала регионов страны было связано не только с «глобальной» деинтеллектуализацией общества, но и с тем, что местные структуры воспроизводства культуры, связанные с экономикой (клубное дело, кинофикация, радиовещание, библиотеки и избы-читальни, печать, книгоиздание и книготорговля), были на рубеже 30-х гг. реорганизованы (или организационно преобразованы) так, что в перспективе заведомо обречались на деградацию. Централизация экономики, то есть установление незыблемой бюрократической зависимости мест от центра, в полной мере коснулась и этих культурных структур.

Весьма четко прослеживается этот процесс на примере книжного дела Сибири. Книгоиздание и книготорговля являются частью экономики, и экономические реформы конца 20-х — начала 30-х гг. перевернули их организационные устои, что называется, сверху донизу. Организационное «перерождение» местного книжного дела состояло, прежде всего в том, что был полностью заменен принцип его развития: вместо территориального принципа построения книжного дела (территориальные самоуправляющиеся, экономически независимые системы типа «Сибкрайиздата», включавшие в себя все книгоиздание и книготорговлю на территории региона), вводился ведомственно-отраслевой принцип. Постановлением ЦК ВКП(б) от 30 июля 1930 г. «О работе Госиздата и об объединении издательского дела» в стране вместо множества самостоятельных центральных издательств и территориальных систем книжного дела, создавалась единая и единственная, поглощающая все эти системы организация — Объединение государственных издательств (ОГИЗ).

Вся книготорговля страны объединялась также в единую структуру — Книгоцентр ОГИЗа (с 1931 г. — Книготорговое объединение государственных издательств — КОГИЗ). Был создан гигантский неповоротливый, (зато централизованный) механизм, утвердилась еще одна монополия в экономике. Стало удобно управлять отраслью, сидя на вершине командно-политической пирамиды. Что и требовалось административно-бюрократической системе. Интересы развития ни самой отрасли, ни территорий этой реорганизацией в расчет не принимались.

Каковы же были результаты этой реформы? Они сказались уже через несколько лет. Систематическое игнорирование руководством ОГИЗа нужд местных издательств привело к тому, что в конце 30-х гг. ни одно из них не получило запланированной (и утвержденной самим же ОГИЗом) нормы бумаги. Иногда местные издательства получали лишь 1/3 своей нормы. Началось свертывание издательской деятельности. К концу 30-х гг. невыполнение издательских планов местными отделениями ОГИЗа стало хроническим. Вот показатели по Сибири: в 1940 г. Новосибирское областное издательство ОГИЗа выпустило лишь 47 % названий запланированной литературы (52,4 % плана по издательским листам и 46,3 % — по издательским оттискам); Иркутское областное издательство — 71,7 % названий (соответственно — 73,3 % и 70,1 %); Омское областное издательство — 83,8 % названий (95,9 % и 94,0 %). Заметим, кстати, что этими тремя издательствами исчерпывалась в конце 30-х гг. вся сеть ОГИЗа в Сибири: существовавшие в 20-е гг. в системе Сибкрайиздата издательства в Барнауле и Томске, (а Томск, как известно, до 1920 г. был издательской «столицей» Сибири, насчитывавшей до полутора десятков типографий) — были закрыты еще в 1930 г. по постановлению ОГИЗа. Волею бюрократических решений центральных ведомств эти города на целые десятилетия были лишены своих издательских ячеек, что несомненно, сказалось на развитии их научного и литературного потенциала.

В 1937—1938 гг. центральный аппарат ОГИЗа взял на себя еще одну «работу» — проверку и «чистку» местных издательств от «врагов народа». Избиения кадров, устроенного на местах НКВД, оказалось мало. Аппарат решил застраховаться от упреков в отсутствии бдительности: осенью 1938 г. в Сибирь (Новосибирск, Красноярск и Иркутск) едет заместитель начальника управления кадров ОГИЗа, один из организаторов репрессий в издательской системе страны А. И. Суворов. Вот одно из его заключений о руководящем составе сибирских издательств.

И. А. Гольберг (директор Новосибирского областного издательства с февраля 1934 г. по октябрь 1938 г.)

«За период продолжительного времени руководства издательством бывший директор Гольберг, ныне исключен из партии, повседневно не занимался очисткой с идеологического фронта (сохранен стиль документов — А. П.) от людей политически сомнительных, что привело к значительному засорению аппарата издательства».

Можно представить себе как работало этим людям, когда о них составлялось такое мнение руководства. Ведь угроза стать «вредителем», «врагом» была вполне осязаемой: все известные в 20-е — начале 30-х гг. руководители книжного дела Сибири были в 1937—1938 гг. репрессированы и уничтожены. Среди них М. М. Басов — руководитель Сибкрайиздата и Восточно-Сибирского краевого отделения ОГИЗа, А. А. Ансон — директор Западно-Сибирского краевого отделения ОГИЗа, А. Н. Губанов — директор Иркутского областного издательства, П. К. Казаринов — ученый секретарь Сибирской советской энциклопедии и директор Западно-Сибирской краевой научной библиотеки, Б. А. Шляев — политсекретарь Сибирской советской энциклопедии и редактор Западно-Сибирского краевого издательства и т. д.

Реальность 30-х гг., на наш взгляд, должна научить нас следующему: свободное развитие культуры (в том числе территориальное) невозможно без свободного развития экономики культуры. Пока экономические структуры находятся в жестких тисках «приказных» методов управления, не может быть и речи о беспрепятственном и демократическом, (то есть отвечающем запросам народа, а не указаниям аппарата) наполнении жизни окраин духовным содержанием. Данный вопрос относится не к числу только академических. Ни для кого ведь не секрет, что экономические основы нашей культурной жизни (и, в частности, ее централизация) остаются неизменными с 1930-х гг. В том числе, по-существу, прежней является и ситуация в книжном деле: несмотря на все игры в «хозрасчет» и «самодельность» местные издательства и книготорги остаются зависимыми от центральных ведомств — наследников ОГИЗа: Госкомиздата и Союзкниги; их экономические возможности и юридические права значительно занижены по сравнению с тем «статусом суверенитета», который имели Сибкрайиздат и другие территориальные системы книжного дела в 1920-е гг. Таковы наши сегодняшние реалии, которые необходимо менять.

В. Л. Соскин. Следует подвести итоги обсуждения. В нем, на мой взгляд, проявились две линии. Одна из них нашла выражение в выступлении С. А. Красильникова, Л. И. Пыстиной, Т. Н. Осташко, которые, будучи специалистами по истории советской интеллигенции, развернули на конкретном материале тезис о деформирующем воздействии сталинизма на процесс т. н. советизации кадров специалистов. Очень интересные и новые данные, а также предложения о путях исследования проблемы лежат, как и основной доклад, в русле критики сложившихся среди историков представлений об осуществлении победы культурной революции. Сталинизм это не социализм — таков общий смысл указанных выступлений. К ним примыкает сообщение А. Л. Посадкова, показавшего на специфическом и оригинальном материале истории книжного дела отрицательное воздействие политики централизации и ведомственности, проводившейся (и пока не преодоленной) во время сталинщины. И здесь ущемление демократии сыграло свою пагубную роль.

Другая линия представлена выступлениями Л. Ф. Лисса, Г. А. Антипова, Е. Г. Водичева. Их содержание — вопросы теории. В сущности они не опровергают основные наши положения. Но вместе с тем многое уточняют и углубляют. Кое-что заставляет задуматься насчет точности некоторых собственных суждений. Так, например, Лисс ставит под сомнение предъявление к личности социалистического типа требований, которые, по его мнению, завышены и более уместны для другого (видимо следующего) этапа развития. Стоит также еще раз обдумать вопрос (в советской историографии он считается решенным) о том, является ли культурная революция прерогативой социализма или это явление общен историческое и общесоциологическое. Весьма серьезным является замечание о том, что вообще трудно говорить о формировании типа личности в рамках общей социальной системы. Исторический опыт свидетельствует, что в жизни происходит иначе: в обществе всегда есть и апологеты, и критики, и приспособившиеся к данности и т. д. Все эти и подобные вопросы заслуживают обдумывания. Что же касается утверждения, что культурная революция в нашей стране имела целью формирование не некоторой идеальной личности, а личности адекватной обществу т. н. государственного социализма, то с этим я не согласен. В моем представлении социализм такого вида ленинизмом не рассматривается в качестве цели, а потому его успех не есть успех социализма, ради которого велась борьба и в 1917 г. и позже. Мы ведем речь о подлинном социализме, т. е. демократическом, и соответствующем ему типе личности.

Интересным является, на мой взгляд, выступление Г. А. Антипова, хотя некоторые высказывания представляются; если можно так выразиться, излишне оригинальными, не рассчитанными на деловое обсуждение. В основном все сказанное автором подтверждает нашу оценку сталинизма как разрушительного фактора по отношению к культуре. Заслуживает быть принятым упрек в адрес историков, естественный со стороны философа, за недооценку органической природы культуры и преувеличение роли субъективного фактора, приводящее к механическому подходу. Скажем прямо, в такой плоскостиистики советской культуры крайне редко рассматривают свой предмет.

Наиболее существенными являются рассуждения Г. Антипова об двух этапах формирования социалистической культуры. Ставя во главу угла политический элемент культуры, что правомерно, он «привязывает» этот процесс к развитию революционного движения вообще и становлению большевизма в частности. С последним он связывает кристаллизацию системы ценностей, принадлежащую к «командно-административной этике». Именно она, по мнению автора, превращается со временем в господствующую субкультуру, т. е., как мы понимаем, в культуру эпохи сталинизма. Что и говорить, перед нами новая и, скажем так, острая постановка вопроса. Ее не следует отвергать, ибо для науки «невозможных» вопросов нет. По-видимому, постановку этого и других подобных вопросов следует рассматривать как заявку на новую дискуссию.

ИСТОРИЯ

Л. К. МИНЕРТ

БУРЯТСКИЕ БУДДИЙСКИЕ МОНАСТЫРИ (ДАЦАНЫ) ПРИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Реакционная верхушка бурятской буддийской церкви восприняла победу Великой Октябрьской Социалистической революции враждебно, а в годы гражданской войны под флагом защиты «желтой веры» поддерживала Семенова и Унгерна, объявила их «живыми богами, земным воплощением грозного докшита Махакалы»¹. Ламаистская иерархия Монголии и Бурятии встала на сторону идей создания панмонгольского теократического государства «Великая Монголия», продвигавшейся японским империализмом.² Всячески поддерживало бурятское ламство контрреволюционное владычество «хозяина Аги» — Д. Табхаева³. Но «живые боги» и их ревностный сторонник Табхаев были вышвырнуты за пределы Советской земли, хотя и продолжали бандитские наскоки из-за кордона, всеми средствами пытаясь помешать установлению в Бурятии мирной жизни. В этих условиях, когда «единичным работникам культуры в восточной части республики противостояла многочисленная армия лам»⁴, позиция монашеского корпуса, естественно, вызывала настороженность и подозрения.

К 1920-м годам число дацанов в Бурятии составило 37, из них 4 — в бывшей Иркутской губернии. В конце 1910-х гг. здесь были открыты Кэрманский и Койморский дацаны⁵. Каждый из бурятских монастырей (дацанов) состоял из комплекса храмовых зданий и большего или меньшего количества жилых домов монашествующих (лам). «Число монахов самых больших монастырей, — писал бурятский исследователь М. Н. Богданов, — не превышает 1000—1300 человек. А дацаны Иркутской губернии не имеют и 10 чел. монахов. В этом отношении дацаны эти просто храмы, не дошедшие до значения монастырей»⁶. Бурятские монастыри относились к типу монастырей-школ (шадда) и больше половины из них имели школы или факультеты буддийского богословия и философии (цаннид-дацан)⁷. В наиболее крупных дацанах (Гусиноозерском, Агинском, Цугольском, Цонгольском) существовали и другие факультеты буддийского знания. В дацанах действовали мастерские художников, скульпторов, резчиков, вернее — зурачинов — представителей синкретического дацанского искусства, обеспечивавших исполнение художественных

¹ Овчинников В. С. К вопросу об антисоветской деятельности ламаистского духовенства (1917—1921 гг.) // Проблемы краеведения. — Чита, 1966. — В. 1. — С. 73.

² Там же. — С. 73—74.

³ Овчинников В. С. Ламство и табхаевщина // Проблемы краеведения. — Чита, 1970. — В. 4. — С. 81—85.

⁴ История Бурятской АССР. — Улан-Удэ, 1959. — Т. 2. — С. 350.

⁵ Богданов М. Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. — Верхнеудинск, 1926. — С. 124.

⁶ Богданов М. Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. — Верхнеудинск, 1926. — С. 124.

⁷ Там же.

заказов общины и прихожан. Агинский и Цугольский дацаны славились своим ксилографическим книгоиздательством. При Гусиноозерском дацане существовала группа актеров-танцоров для показа своеобразной религиозной мистерии, именовавшейся «Цам»⁸. В первые годы Советской власти бурятские монастыри продолжали действовать как очаги средневековой культуры и искусства, подчиненного задачам и целям религии. Они несомненно, являлись оплотом всего отживающего и реакционного.

Проведение в жизнь декрета СНК РСФСР от 23.01.1918 г. об отделении церкви от государства и школы от церкви в условиях Бурятии по отношению к буддийско-ламаистской церкви задержалось. Только 17 декабря 1925 г. было принято соответствующее постановление ЦИК и СНК БМАССР № 221⁹. Народная власть, объявив дацаны собственностью народа, подошла к управлению их имуществом по-хозяйски. Создавались компетентные комиссии, которые производили тщательную опись и оценку строений и всего оборудования дацанов. Одновременно выяснялось техническое состояние зданий, определялись необходимые ремонтные работы. Советские власти, предлагая здания культу в аренду религиозным обществам верующих, требовали от них бережного отношения к народному имуществу, своевременного ремонта, соблюдения правил пожарной безопасности. Например, в акте обследования Агинского дацана 1929 г. дацанскому совету было предложено: «убрать все железные печи, трубы — заменить на кирпичные», выкопать колодцы, поставить бочки»¹⁰.

Проведение мероприятий, связанных с осуществлением декрета и постановлений об отделении церкви от государства в Бурятии совпало с полосой напряженной и острой идеологической борьбы внутри бурятской буддийской церкви. Уже в годы Первой русской революции 1905—1907 гг. некоторые бурятские интеллигенты и представители духовенства — под влиянием небывалых социальных потрясений, а также реакции на них наиболее дальновидной части православного духовенства — пришли к выводу о необходимости поиска путей для обновления ламаизма¹¹. И в русской православной церкви и в бурятском ламаизме — «обновленцы» ратовали за те же цели, что и вожди реформации в средневековой Европе, которые, по словам К. Маркса, стремились разбить «веру в авторитет», восстановив «авторитет веры», освободить человека от «внешней религиозности», сделав религиозность «внутренним миром человека»¹². Революции 1917 года, трагическое лихолетье иностранных интервенций и контрреволюционного террора еще более обострили вопросы отношения церкви к революционным социальным переменам, к нуждам и чаяниям народа.

После изгнания интервентов и разгрома контрреволюции для бурятской ламаистской церкви настало время сделать выводы из событий и опыта — подумать о своем месте и деятельности в условиях радикально изменившегося мира. И такие выводы были сделаны. На Первом (1922 г.) и Втором (1925 г.) духовных съездах буддистов Бурятии группа идеологов, возглавлявшаяся Агваном Доржиевым, выступала с резкой критикой состояния бурятской ламаистской церкви и программой радикальных реформ ламского быта¹³. Разработанные обновленцами документы: «Положение об управлении духовными делами буддистов Сибири» и «Устав внутренней жизни монашествующих в буддийских хитах Сибири» устанавливали демократизацию порядков внутренней жизни монастырской общины, обобществление имущества лам и их доходов, скромность лам

в одежде и жизни; возврат к нравственным предписаниям древней Винаи¹⁴. В частности, Уставом определялось, что «дома монашествующих для одного человека должны быть одного размера и типа, указанного в уставе Винаи»¹⁵. Воспрещалось «иметь отдельную для каждого дома ограду и построенные ранее подлежат снятию. Вместо этого иметь кругом поселения общины одну общую ограду, закрываемую на ночь»¹⁶. Состоятельная часть бурятского ламства оказала реформам ожесточенное сопротивление.

В связи с появлением в некогда едином бурятском ламаизме гелуг-па (тиб. — школа добродетели) различных толков: обновленцев, теократов, ирриванистов и консерваторов (староцерковцев) — возникла необходимость в распределении между ними наличного фонда храмовых зданий. Поскольку та или иная группа захватывала явочным порядком, а то и силовым давлением храмовые здания в пропорции несправедливой (по мнению соперничающих групп) — в советские административные органы посыпались жалобы, обвинения и контробвинения с требованиями о вмешательстве. Создавались комиссии, проводились бесконечные разбирательства...¹⁷ от хваленой буддийской уживчивости и веротерпимости мало что оставалось. Сам вождь обновленцев (реформированного ламаизма) — цангит хамбо-лама Агван Доржиев требует от властей отказать консерваторам в получении отдельных храмов для богослужения, что фактически равнозначно призыву к принудительным мерам по отношению к инакомыслящим. Обосновывается протест каноническим правилом: «Исполнять Буддийские религиозные духовные требы ламам, живущим в одном хиде (дацане) в рознь, т. е. отделившись на две или более групп, по сказаниям Великого Учителя Будды воспрещается»¹⁸.

Нажим обновленцев вызывал ответную реакцию консерваторов, пытавшихся вырвать власть у первых. В ход пускаются всяческие средства и конфронтация нарастает. Не внесли успокоения ни Первый Всесоюзный собор буддистов СССР (январь 1927 г.), ни Третий собор буддистов Бурятии (август 1928 г.)¹⁹.

В связи с отменой в ходе Февральской и Великой Октябрьской Социалистической революций царских законов, бурятское ламство, по-видимому, стремилось воспользоваться свободой для закрепления новых позиций. Несмотря на трудности времени гражданской войны строились сумэ в пределах существовавших дацанов,²⁰ отдельные дуганы в удаленных от дацанов местах. Однако, главным приобретением бурятской ламаистской церкви были районы, в которых до 1917 г. буряты еще держались верований предков, шаманизма.

В годы гражданской войны и первые десятилетия советской власти, в условиях полной свободы вероисповеданий дацаны, наконец-то, появились среди той части предбайкальских бурят, которые по заверениям активного идеолога ламаизма Агвана Доржиева давно жаждали сменить древние верования предков на свет учения Будды²¹. Если вспомнить, как в свое время родовая знать, даже при полном отсутствии прозелитов новой религии, добивалась от соплеменников строительства капитальных зданий дацанов (например, каменного Агинского, 1811—1816 гг.), то поражает скромный масштаб и архитектура этих новых храмов. В этом сказалось изменение социальных условий. Но только была подорвана извеч-

⁸ См.: Forman W., Bjamba Rintchen. Lamaistische Tanzmasken. Der Erlik-Tsam in der Mongolei. — Lpz., 1967.

⁹ См.: ЦГА БССР, ф. 248, оп. 1, д. 186, л. 39—40.

¹⁰ См.: ЦГА БССР, ф. 248, оп. 3, д. 42, л. 3—34.

¹¹ См.: Герасимова К. М. Ламаизм и национально-колонизальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX веков. — Улан-Удэ, 1957. — С. 118—119.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 1. — С. 422—423.

¹³ См.: Герасимова К. М. Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства (1917—1930). — Улан-Удэ, 1964. — С. 62—113.

¹⁴ См.: ЦГА БССР, ф. 248, оп. 1, д. 8, л. 152—153; 158—160. Хид (монг.), — скит, обитель; Винаи (санскр.) — правила поведения буддиста; монастырский устав.

¹⁵ ЦГА БССР, ф. 248, оп. 1, д. 8, л. 152.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: ЦГА БССР, ф. 248, оп. 3, д. 76, л. 32, 38, 52.

¹⁸ Там же, л. 50, 164.

¹⁹ См.: Герасимова К. М. Обновленческое движение... — С. 114—134.

²⁰ Например в новом Зугалуйском дацане строительство цокчина было разрешено в 1914 г., к 1926 г. уже существовали семь других храмов (ЦГА БССР, ф. 248, оп. 6, д. 1, с. 9). Сумэ (монг.) — храм.

²¹ ЦГИА, ф. 821, оп. 133, д. 446, л. 134—135.

ная власть родовых старшин над трудящимися массами бурятских улусов — светлые идеи свободы и справедливости указывали новые пути к счастью, образованности, культуре. Но, поскольку религия и суеверия еще цепко довлеют над сознанием простого народа, ламам удастся возводить все новые сооружения.

В архитектуре бурятских монастырей теперь преобладает новый тип храма, близкий по характеру объемной композиции к тибетскому дукану, но строившийся в дереве. Впервые такая архитектура появилась при разработке известным ламой Агваном Доржиевым и студентом Р. В. Вампиловым проектов Петербургского буддийского храма и небольшого деревянного Кэрмэнского (Кырменского) дацана для Верхотурского уезда Иркутской губернии²². Архитектура Кэрмэнского дацана (1914 г.) была повторена в Муринском храме (1919 г.), в кумирне близ улуса Хоранса на о. Ольхон и в других новых дацанах. По этому же типу возводились и сумэ в старых монастырях²³. Храмы нового стиля дополнили существовавшие монастырские комплексы, заметно выделяясь особенностями архитектуры среди более ранних зданий. Вместе с тем, сохранялась преемственность, так как буряты самостоятельно, по-своему относились к любым образцам. Стены возводили из бревен с обшивкой (или из брусьев), в которых прорубались окна, а не устранивали верхний свет. Окна по-прежнему снабжали наличниками со ставнями, а вход в храм осуществляли через многоколонный портик-веранду. Но крыши теперь тщательно прятали за парапетами. Поэтому архитектура этих зданий выделялась прямолинейностью граней четких объемов, уступчатыми башнями гонканов. Иногда их все же завершали павильонами со «взлетающей» крышей (Джуд-дуган в Ацагатском дацане). Строгая выразительность и скромная простота архитектуры, возвращение к образцу освященного древностью начала — предстают выражением, архитектурно-художественной интерпретацией идеологии обновления бурятского ламаизма.

Знаменательно также, что строительная активность бурятского ламатства в советское время проявилось в сооружении огромных субурганов (ступа). Возведение ступа считалось и считается делом, обеспечивающим чрезвычайные заслуги. Ранее в Бурятии возводились субурганы скромного масштаба. Но сооружение в конце 1920-х годов громадных, высотой свыше 20 м субурганов в Кижингинском и Агинском дацанах требовало уже незаурядного архитектурно-строительного мастерства. А архитектура их несла скрытый и многозначительный символический смысл²⁴. Двадцатиметровый субурган в Агинском дацане отличался изысканным соотношением частей, тонко прорисованными деталями, изящной полихромией. Строительство этих сооружений явилось своеобразной реакцией бурятского буддийского духовенства на процесс все большего охлаждения трудящихся масс к религии. Возведением субурганов пытались оживить религиозное рвение верующих, обещая великую магическую силу благодати от осуществления такого предприятия. Но стали эти монументы еще одним свидетельством достигнутого бурятской школой зодчества уровня архитектурного и строительного мастерства.

По мере укрепления в Бурятии Советской власти, успехов культурно-просветительной работы — влияние ламантской церкви на трудящиеся массы неуклонно пошло на убыль. Ламский корпус перестал увеличиваться и начал сокращаться. Бурятская молодежь теперь предпочитала поступление в открытые для нее школы. Сама профессия ламы не сулила прежнего благополучия. Ламы уходят из дацанов. С наступлением в 30-х годах времени коренных перемен — индустриального строительства, коллек-

тивизации сельского хозяйства и связанной с этим повсеместной ломки старых социальных устоев — происходит массовый отход трудящихся от религии, закрываются дацаны. На местах естественный социальный процесс зачастую стремились форсировать административными мерами, нарушая советские законы²⁵. Требования об их соблюдении, исходящие из центральных инстанций — оставались на бумаге²⁶.

Как свидетельствуют документы тех лет, в упразднении дацанов на своей территории местные власти усматривали не только ликвидацию очага сопротивления социальным преобразованиям, но также и возможность решения своих неотложных задач по строительству школ, больниц, административных учреждений²⁷. В условиях Бурятии это имело особое значение. Все деревянные постройки монастыря (вспомогательные и жилые здания, а, особенно, малые храмы) могли быть разобраны, перенесены, перестроены, что было осуществлено в широких масштабах.

В сложных противоречивых условиях того времени, при небыстром накале страстей советские люди стремились сохранить все лучшее, созданное народом,²⁸ хотя по этому вопросу не было ясности или единства мнений. В лихорадке строительных буден новой жизни, за актуальностью очередных задач — не хватало ни сил, ни средств, да, зачастую и желания, чтобы сохранять то, что еще вчера было частью враждебного мира.

В Бурятии по отношению к архитектуре и искусству буддийских монастырей отставались противоречивые, взаимоисключающиеся взгляды²⁹. В разгаре борьбы против ламатства, вместе с отказом от религии отрекались и от труда и достижений народных мастеров. Это, конечно же, сказывалось в практике «ликвидации» дацанов. В ответ на жалобу А. Доржиева на имя Председателя ВЦИК М. И. Калинина, в Бурятию прибывает комиссия ВЦИК³⁰. А вслед за этим, 20 февраля 1935 г. Президиум ВЦИК принимает постановление «Об охране памятников буддийской культуры», в котором предлагает ЦИК Бурят-Монгольской АССР и облисполкому Калмыцкой автономной области «организовать учет и охрану наиболее выдающихся памятников буддийской культуры (килографические доски, печатные сборники, рукописи, буддийские иконы и т. д.)»³¹. Собранные в музейные хранилища произведения скульптуры и живописи, сакральные предметы могли ожидать своего времени изучения и оценки. Но, капитальные сооружения бывших монастырей (храмы, субурганы и т. п.) требовали охраны, ремонта — т. е. материальных затрат и — немедленно. В сложнейших условиях того времени — это было нереальным. Использование крупных зданий дацанов «под культурные нужды» (как зачастую принимались решения при закрытии) также не удавалось. Поскольку буддийские монастыри в свое время стремились строить в уединенных местах, то после ухода монахов они оставались безнадзорными, разрушались. К нашему времени сохранились в том или ином виде сооружения лишь нескольких монастырей, взятых под государственную охрану в качестве памятников архитектуры.

С 1937 по 1945 гг. в Бурятии не было официально признанной буддийской церковной организации, хотя по бурятским улусам действовало множество лам и даже самозванцы «хубилганы» (перерожденцы) и «гэгэны» (святые). По ходатайству лояльных, патристически настроенных буддийских духовных была восстановлена церковная организация, возглавляемая Центральным духовным управлением буддистов Советского Союза и его председателем бандидо хамбо-ламой. Начал функционировать ре-

²² См.: Минерт Л. К. Бурятская архитектура начала XX века // Изв. вузов. Стро-во и архитектура. — 1985. — № 7. — С. 49—55.

²³ См.: Минерт Л. К. Памятники архитектуры Бурятии. — Новосибирск, 1983. — С. 136, 140—141.

²⁴ См.: Овчинников В. С. Реакционная сущность ламантской проповеди о «священной войне» // Проблемы краеведения. — Чита, 1972. — В. 7. — С. 139.

²⁵ ЦГА БССР, ф. 248, оп. 3, д. 90, л. 10; д. 117, л. 2.

²⁶ ЦГА БССР, ф. 248, оп. 3, д. 128, л. 43; д. 171, л. 15.

²⁷ ЦГА БССР, ф. 248, оп. 3, д. 128, л. 27.

²⁸ ЦГА БССР, ф. 248, оп. 3, д. 21, л. 46—50, д. 72, л. 8.

²⁹ Очерки истории культуры Бурятии. — Улан-Удэ, 1974. — Т. 2. — С. 18.

³⁰ ЦГА БССР, ф. 248, оп. 3, д. 21, л. 40—50.

³¹ ЦГА БССР, ф. 248, оп. 3, д. 21, л. 56.

лигиозный центр в Агинске, для которого было восстановлено каменное здание начального Агинского дацана, построенное еще в 1811—1816 гг. Одновременно в 38 км от столицы Бурятии Улан-Удэ и в 7 км от с. Иволга был учрежден новый религиозный центр — Иволгинский дацан, резиденция бандидо хамбо-ламы³². Дацан, начавший свое развитие в 1946 г. с одного малого дугана и нескольких домов, к настоящему времени представляет небольшой поселок из комплекса храмов (центральный из них трехэтажный), культовых зданий и жилых домов, считающихся собственностью монастыря. Среди темных деревянных построек белые пирамиды субурганов несут магическую охрану окружающего пространства.

Новосибирский инженерно-строительный институт
им. В. В. Куйбышева

³² См.: Цыбинжапов В. Современная церковная организация ламаизма в Бурятии // Вопросы преодоления пережитков ламаизма, шаманизма и старообрядчества. — Улан-Удэ, 1971. — С. 69—70.

В. А. ИСУПОВ

«ЧЕРНОЕ ПЯТНО» В ИСТОРИИ СИБИРИ

Малонизвестная страница нашей истории — голод 1947 года. До недавнего времени смутные воспоминания о нем сохранились только в народной памяти. На страницах научной литературы проблема голода не ставилась. Образовалось огромное «белое», а точнее «черное» пятно в демографической истории Сибирского региона. Даже голоду 1932—1933 гг. «повезло» больше — над ним слегка приоткрылась завеса секретности. Но трагедия 1947 г. до сих пор остается тайной за семью печатями...

Закончилась Великая Отечественная война. Миллионы советских людей погибли на полях сражений, замучены в гитлеровских концлагерях, умерли от голода на оккупированной территории. Разрушены сотни городов, сметены с лица земли тысячи заводов и фабрик. Однако больше, чем все другие отрасли экономики, пострадало сельское хозяйство. Автомобили, тракторы, лошади изъяты на нужды обороны. Мужчины мобилизованы в армию. Основную массу работников аграрного сектора составляли женщины, подростки, старики.

На фоне послевоенной деградации сельского хозяйства, многократно усиленного сталинским методом перекачки средств из деревни в промышленность, голод был неизбежен. Засуха, охватившая в 1946 г. европейскую часть СССР, только ускорила его приход. Даже в тех районах, где засухи не было, значительная часть урожая ушла под снег — истощенные до предела крестьянки не в состоянии были справиться с уборкой.

Производство сельскохозяйственной продукции в 1946 г. сократилось даже по сравнению с 1945 г.; не говоря уже о предвоенном 1940 г. В 1946 г. в стране было произведено зерна меньше, чем в 1940 г. — в 2,4 раза, картофеля — в 1,4, овощей — в 1,5, мяса — в 1,5, молока — в 1,2 раз в 2,4 раза¹. По отдельным показателям положение было даже хуже, чем в голодном 1932 г. Не исключено, что в действительности ситуация была еще сложнее — я пользуюсь данными официальной статистики, явно приукрашивающей реальное положение.

Осенью 1946 г., когда в стране дали о себе знать первые признаки голода, сталинское руководство приняло «оригинальные» меры для борьбы с бедствием. Чтобы сохранить государственные запасы продовольствия, контингенты населения, снабжаемые хлебом по карточкам были сокращены. Если в конце III квартала 1946 г. хлебом из централизованных фондов обеспечивались 88 млн чел., то к концу 1946 — началу 1947 г. — около 60 млн чел.² Следовательно 28 млн чел. были лишены карточек — фактически единственного источника продовольствия. С карточного снабжения снималась сельская интеллигенция, а в городах — неработающие взрослые иждивенцы, или говоря попросту — старики. Одновременно были урезаны пайки для отдельных категорий населения, а также уменьшены фонды коммерческой торговли хлебом и крупой³.

¹ Народное хозяйство СССР. 1922—1972 гг. — М., 1972. — С. 216.

² Любимов А. В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. — М., 1968. — С. 202.

³ Там же. — С. 202—203.

Голодающее крестьянство (деревни никогда не обеспечивались продовольствием централизованно) многотысячными массами хлынуло в города. В 1945 г. в города Сибири прибыло 391 тыс. мигрантов, а в 1946 г. — 740 тыс., в 1947 г. — 675 тыс.⁴ И это несмотря на жесткую систему, ограничивавшую свободу передвижения по стране — жители деревни были лишены паспортов. Одновременно широко развернулись процессы демобилизации и эвакуации.

Интенсивные миграции таили огромную опасность. Вместе с истощенными голодом и нечеловеческими условиями существования мигрантами быстро распространялись инфекционные болезни — сыпной и возвратный тиф, малярия, коклюш. Увеличилась заболеваемость туляремией, скарлатиной, корью, бруцеллезом, брюшным тифом.⁵ Огромных величин достигла заболеваемость септической ангиной. Голодные люди, в основном дети, собирали перезимовавшие под снегом колоски с проросшим на них грибом, вызывавшим эту болезнь при употреблении зерна в пищу.

Статистикам уже давно известен тот факт, что во время голода собственноручно от голода умирает не так уж и много людей. Основная масса людей умирает вследствие общего ослабления организма, который теряет способность сопротивляться неблагоприятным воздействиям внешней среды. Главными причинами смерти людей во время голода 1947 г. были инфекции, туберкулез, воспаления легких и желудочно-кишечные заболевания. В Новосибирске, крупнейшем городе Сибири, почти половина всех случаев смерти приходилась на эти болезни, обусловленные хроническим недоеданием и употреблением в пищу суррогатов. Особенно значительное распространение они получили к концу лета 1947 г., когда голод достиг своего пика. С января по август 1947 г. число смертных случаев от дизентерии в городе возросло в 12 раз, от туберкулеза — в 1,2, от токсической диспепсии — в 13, от гастроэнтероколита — в 7 раз⁶.

Распространение экзогенной заболеваемости и лежало в основе общего увеличения смертности населения. Если в 1945 г. на 1000 чел. населения Сибири умерло 9 чел., то в 1946 г. — 11, в 1947 г. — 15 чел.⁷ Очень высокой была и детская смертность — неокрепший детский организм не выдерживал напора неблагоприятных факторов внешней среды. В 1946 и 1947 гг. уровень детской смертности в регионе был даже выше, чем в 1943—1945 гг.

Еще одним крайне негативным последствием голода стало сокращение рождаемости. В 1948 г. она понизилась до 27 % против 31 % в 1947 г. — и это в условиях послевоенной компенсаторной волны рождаемости⁸. В данном случае люди откладывали рождение детей до лучших времен. Широко распространились криминальные аборты и самопроизвольные выкидыши. Истощенные женщины не могли исполнять детородную функцию. Многие дети рождались мертвыми.

В условиях голода и массового распространения инфекционных заболеваний жизнь миллионов людей зависела от слаженной работы санитарных служб, умелых и решительных действий тысяч рядовых врачей, фельдшеров, медсестер, санитарок. На их плечи легла основная тяжесть борьбы с эпидемиями. Медики опирались на систему противоэпидемических учреждений, созданную в годы войны. Были введены новые лекарственные препараты, в частности пенициллин, который сыграл огромную роль в борьбе с преждевременной смертностью. Благодаря пенициллину, уровень смертности в 1946—1947 гг. был заметно ниже, чем в 1932—1933 гг.

⁴ ЦГАНХ, ф. 1562, оп. 27, д. 508, л. 13, 15; ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 11, д. 228, л. 36; д. 232, л. 75 об.; д. 488, л. 207.

⁵ Барои О. В. Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые актуальные вопросы современной эпидемиологии. — М., 1968. — С. 56, 63, 68, 77, 103, 109, 121, 143, 153.

⁶ ГАНО, ф. 11, оп. 2, д. 1752, л. 30—31.

⁷ ЦГАНХ, ф. 1562, оп. 20, д. 577, л. 52—224; д. 636, л. 49—256; д. 696, л. 52—260.

⁸ ЦГАНХ, ф. 1562, оп. 20, д. 696, л. 52—260; д. 758, л. 18—94.

О динамике численности населения Сибири в первые послевоенные годы говорят следующие данные⁹:

Население,	тыс. чел.	Прирост, тыс. чел.
1 мая 1945 г.	13349,6	—
1 янв. 1946 г.	13382,5	+32,9
1 янв. 1947 г.	13839,3	+456,8
1 дек. 1947 г.	14411,9	+572,6

Как видим, численность населения Сибири в течение 1946 и 1947 гг. увеличивалась. Нейтрализовать воздействие голода на динамику численности сибиряков удалось во-первых вследствие интенсивного притока демобилизованных, а во-вторых в результате того, что удалось сдержать рост смертности. Демографическая сфера переживала острый кризис, она балансировала на грани депопуляции. Однако демографическую катастрофу удалось предотвратить — в данном случае сказалась напряженная работа тысяч рядовых медицинских работников и огромный эффект от внедрения пенициллина.

Вместе с тем темпы роста населения замедлились. Естественный прирост был минимальным. Тысячи взрослых и детей умерли от голода и вызванных им болезней. Население понесло невосполнимые потери.

*Институт истории, филологии и философии
СО АН СССР, Новосибирск*

⁹ ЦГАНХ, ф. 1562, оп. 20, д. 564, л. 2 об., 31 об., 37 об., 47 об., 55 об., 60 об., 66 об., 73 об.; д. 626, л. 90—92; д. 684, л. 2—4, 103—104.

Э. КАЧЫНСКА

СИБИРЬ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ *

Сегодня можно считать очевидной истиной утверждение, что Сибирь сыграла огромную роль в истории Польши и поляков. Не требуется уже доказывать и то, что поляки приняли немалое участие в цивилизованных преобразованиях сибирской жизни. Об этом писали не только сами польские и русские ссыльные и исследователи этого края, но роль поляков многократно подчеркивали также советские историки, например, Б. С. Шостакович, С. В. Кодан, С. Ф. Коваль и другие. Поэтому просто удивляет порой малая информативность польских работ, посвященных ссылке, а также жизни в Сибири, ее познанию и хозяйственному освоению.

Главная причина, по которой польские историки затрудняются брать за такую тематику — это недоступность для них архивов, кроме просмотренных уже фондов ЦГИАЛ. Но даже и здесь не разрешают пользоваться инвентарными описями, хотя другие иностранцы, например, американцы имеют доступ к ним. Поэтому мы найдем больше работ о Сибири в западной историографии, чем в польской¹. Но если исключить архивные документы, то в польских библиотеках находятся горы информации, которая частично была уже использована в старых исследованиях и документальных изданиях (например, рапорт А. Соломона, опубликованный в 1900 г. как «Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения»), издававшихся в 20-е и 30-е годы XX в. более чем в 20-ти томах «Каторги и ссылки», в аналогичном польском серийном издании «Niepodległość» (Независимость), в тогдашней печати и, на конец, в бесчисленных рукописных и опубликованных мемуарах, письмах и дневниках ссыльных². Помочь могут советские работы, особенно публикуемые в иркутской серии «Ссыльные революционеры в Сибири» под редакцией Н. Н. Щербакова и новосибирская серия по истории политической ссылки под редакцией Л. М. Горюшкина³.

С тех пор, как началась борьба за очищение польской историографии от фальсификации, за заполнение лакун, вызванных запретами на публи-

* Перевод к. ф. н. М. Д. Симонова

¹ Напр.: D. J. Dallin. The Rise of Russia in Asia. — New Haven, 1949; Treadgold. The Great Siberian Migration. — Princeton: 1957; O. Hoetsch. Russland in Asien, geschichte einer Expansion, Stuttgart: 1966; F. X. Coquin. La Sibirie. Peuplement et immigration paysanne au XIX-e siècle. — Paris, 1969; P. Dibb. Siberia and the Pacific. — New York, 1972 и многие другие. Появилась довольно широко рекламируемая работа Jocelyne Fenner. Le goulag des Tsar. — Paris, 1986, однако эта работа определена слабая и основана на очень скудном материале, а ее автор явно не читает по-русски и пользовалась только тем, что было ей доступно в Париже.

² Например, E. Orzechowska. Na syberyjskim wygnaniu // Tygodnik Powszechny. — 1986. — Nr. 4. — S. 4. (Е. Ожеховска. В сибирском изгнании).

³ Ссылка и каторга в Сибири (XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1975; Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1978. Политические ссыльные в Сибири (XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1983; Политическая ссылка в Сибири в конце XVIII — начале XX в.: Историография и источники. — Новосибирск, 1987; Политическая ссылка и революционное движение в России. Конец XIX — начало XX в. — Новосибирск, 1988.

кации, стал возрастать интерес к истории сибирской ссылки. Первые статьи выходили в католической печати, они были посвящены главным образом проблематике, связанной с историей религии и духовенства⁴. В последнее время хлынула лавина статей и воспоминаний о сталинских лагерях — до сих пор они появлялись только за границей. В 1989 г. было зарегистрировано «Товарищество сибиряков», объединяющее тех, кто с 1933 г. стал попадать в тюрьмы, лагеря и ссылку, переживших это и в настоящее время проживающих в Польше. Для них история ссылки и самой Сибири нечто важное и близкое, наравне с отечественной генеалогией и историей. Все эти причины породили различные исследовательские и издательские инициативы, к которым я вернусь в конце статьи.

Сибирская проблематика в послевоенной польской историографии упоминалась в различных работах типа учебников или посвященных истории национального и революционного движения. С тех пор, как появилась монография М. Яника о поляках в Сибири в 1928 г., у нас имеется лишь одна самостоятельная работа на подобную тему, а именно, исследование Х. Скока, посвященное полякам в Прибайкалье⁵. Кроме того, трижды издавалась научно-популярная книга В. Евсевицкого «В сибирской ссылке». В работе Скока больше всего места занимает, естественно, забайкальское восстание. Книга Евсевицкого опирается на небольшое количество источников и очень сужена тематически: Омское дело 1833—1837 гг., Забайкальское восстание, ссылка польских и русских революционеров в 1870—1890 гг. Раздел о политических заключенных дан только наброском. Очень интересна статья В. Сливовской об организации помощи ссыльным полякам в I половине XIX в.⁶

В таком же тематическом кругу — о судьбе поляков, сосланных за политическую деятельность и пленных, — остаются и работы А. Вольтановского, опубликованные в ежемесячнике «Говорят века»⁷. Автор занимался судьбой участников Барской конфедерации 1768 г., направленной против русского вмешательства в Польшу. Тот же автор, вместе с Я. Трынковским опубликовал статью по истории путешествия в Сибирь так называемых «конарщиков», т. е. поляков, приговоренных за участие в заговорщической деятельности, которую проводил в 1836—1838 гг. на Волыне, в Белоруссии и Литве Ш. Конарский. Эта группа самым достойным образом вписалась в историю Сибири и их соединяли близкие связи с ссыльными декабристами⁸. Большим подспорьем является попытка З. Лукавского установить количество польского населения, пребывавшего в разные периоды на территории Российской империи⁹. Больше всего информации в этом плане дает перепись 1897 г., другие данные имеют оценочный характер или отрывочные, что является результатом состояния учета населения в те времена. По переписи поляки составляли от 0,2 (Забайкальская область) до 6,1 % (Тобольская губерния) от общего числа жителей. Эти величины, однако, занижены, поскольку во многих

⁴ A. Woltanowski. Kult maryjny na Syberii // Niepokalana. Księga Pamiątkowa V Ogólnopolskiej Konferencji Maryjnej/Pod red. B. Pyłaka i C. Krakowiaka. — Lublin, 1983 (А. Вольтановски. Похоронный культ в Сибири // Непорочная. Памятная книга V Всепольской конференции по похоронным культам/Под ред. Б. Пыляка и Ц. Краковяка).

⁵ M. Janik. Dzieje Polaków na Syberii. — Kraków, 1928; (М. Яник. История поляков в Сибири); H. Skok. Polacy nad Bajkałem 1863—1883. — Warszawa: 1975 (Х. Скок. Поляки в Прибайкалье, 1863—1883).

⁶ W. Śliwowski. Pierwsze organizacje pomocy dla więźniów i zesłańców syberyjskich w zaborze rosyjskim // Przegląd Historyczny. — 1987. — S. 411—449. (В. Сливовски. Первые организации для помощи сибирским заключенным и ссыльным в Российской империи).

⁷ A. Woltanowski. Na szlakach zesłań barskich // Mówia Wieki, 1988. — Nr. 1. — S. 39—44; — Nr. 2. — S. 39—44; — Nr. 3. — S. 35—42 (А. Вольтановски. На путях барской ссылки). Только третья часть этого цикла касается судьбы конфедератов уже в Сибири.

⁸ J. Trynkowski, A. Woltanowski. Etap Konarszczyków. // Miesięcznik Literacki. — 1989. — Nr. 7. S. 106—118.

⁹ Z. Łukawski. Ludność polska w Rosji. 1863—1914. — Wrocław: Ossolineum, 1978 (З. Лукавски. Польское население в России. 1863—1914).

случаях власти включали поляков в состав русского населения. В 1910 г. в Сибири, на Кавказе и в Средней Азии проживало по крайней мере 170 тыс. поляков, из них значительная часть в Сибири, хотя, естественно, это не были одни лишь ссыльные и их семьи.

Итак, интересы польских историков и публицистов концентрируются на истории национально-освободительных движений с большим акцентом на мученичество их героев. Имеется лишь одна польскоязычная монография по истории края, а именно «История Сибири» З. Лукавского, с древнейших времен и до 1860-х годов¹⁰. Эта работа синтетичного характера, в которой, — как и в каждом учебнике истории какой-либо страны, — даются важнейшие сведения по исследованию, населению, хозяйству и культуре Сибири. Эта книга, с точки зрения польского читателя, очень ценная, а выбор информации в целом очень удачный. Из этой большой и всесторонней монографии можно узнать, что Сибирь с начала XIX в. сделалась местом ссылки, но о роли Сибири как исправительной колонии в уголовной системе XIX—XX вв. — гораздо меньше. Часто идет речь о политических ссыльных, о забайкальском восстании, об экономической и культурной деятельности поляков, но очень мало материалов о тысячах уголовных преступников и связанных с их присутствием в Сибири проблемах, кроме того, что там было много бродяг¹¹.

Сравнительно много в последнее время написано в Польше на тему участия поляков, в том числе ссыльных, в изучении Сибири, в исследовании ее фауны и флоры, геологии, этнографии и языков. Работы в этой области развиваются главным образом в Институте истории науки, просвещения и техники Польской Академии Наук. Здесь можно назвать две большие публикации материалов, возникшие в результате польско-советского сотрудничества, а также книги и статьи А. Кучиньского.

Исключение из истории каторжников и уголовных ссыльных, бродяг или тысяч крестьян, изгнанных своею общиною или не принятых ею после отбытия наказания, симптоматично не только для новейшей польской историографии, но и советской. Изучение историками преступности долгое время считалось чудачеством, а группы из низов общества недостойны того, чтобы находиться на страницах научной печати. Но в Сибирь в 1814—1818 гг. уходило в среднем в год 2,5 тыс. изгнанников, в 1819—1823 гг. — более 4,5 тыс., а в промежутке с 1826 по 1865 гг. это количество возросло почти до 10 тыс. В 1866—1870 гг. ежегодно ссылали около 14 тыс. человек, в 1871—1875 гг. — более 16 тыс., в 1876—1880 гг. — 17,8 тыс., в 1881—1885 гг. — 18 тыс., в позднейшее время не менее 13 тыс. в год. В 1824 г. в Сибири вместе с семьями пребывало 47 тыс. ссыльных поляков, в 1835 г. — 110 тыс., — в 1850 г. — 190 тыс., в 1880 г. — 203 тыс., в 1890 г. — 260 тыс., а в 1898 г. по данным комиссии А. Саломона¹² ссыльных (без сопровождавших членов их семей) насчитывалось 299 тыс. человек. В 1878 г. 1 ссыльный в зависимости от округа, приходился в среднем на 3—15 свободных человек (включая и аборигенов края). Можно согласиться с тезисом, что историю колонизации Сибири нельзя сводить к истории ссылки, а европейское население отождествлять с осужденными. Однако, с другой стороны, замазывая

¹⁰ Z. Łukawski. Historia Syberii. — Wrocław, 1981 (З. Лукавски. История Сибири).

¹¹ Historia kontaktów polsko-rosyjskich w dziedzinie etnografii: Materiały z konferencji/Pod red. J. Babicz i A. Kuczyńskiego. — Wrocław: Ossolineum, 1976. (История польско-русских контактов в области этнографии: Мат-лы конф. под ред. Я. Бабицы и А. Кучиньского); Historia kontaktów polsko-rosyjskich w dziedzinie geologii i geografii/Pod red. A. Łaskiewicza. — Wrocław: Ossolineum, 1972. (История польско-русских контактов в области геологии и географии/Под ред. А. Лашкевича); А. Кучиньский. Syberyjskie szlaki. — Wrocław: Ossolineum, 1972. (А. Кучиньский. Сибирские дороги) и статьи того же автора о польских этнографических исследованиях в Сибири в разных неспециализированных журналах, напр.: Odra. — 1974. — № 1. Аналогичные сведения имеются также в книге: W. Ślabczyński Polscy podróżnicy i odkrywcy. — Warszawa: PWW, 1973 (В. Слабчиньский. Польские путешественники и первооткрыватели).

¹² Цифры собраны и критически проанализированы А. С. Саломоном (Ссылка в Сибири. — СПб., 1900 (таблицы).

уголовный характер ссылки, трудно будет понять специфику местной общественной и культурной жизни как источника трудностей в хозяйственном освоении этого края.

Даже в период усиленных репрессий за революционную деятельность ссыльные политические составляли не более 1 % от всех находящихся в Сибири каторжников и повстанцев. Только после польского восстания 1863 г. их доля в общем числе ссыльных могла достичь где-то около 2,5 %. Естественно, политические ссыльные сыграли в истории Сибири особую роль, они в какой-то мере способствовали ослаблению той мрачной легенды, которой оброс этот край, названный некогда А. Соломоном «большой тюрьмой без крыши», «мертвым домом» у Ф. Достоевского. Следует помнить о влиянии, которое оказывало на жизнь местных жителей присутствие обычных преступников и бродяг. Сложными были также отношения между уголовниками и политическими, особенно в тюрьмах. Многие авторы мемуаров утверждали, что тяжелее всего было перенести не дорогу по этапам, не работу или жилье вдали от своей страны под полицейским надзором, а присутствие уголовников. Не только потому, что они были страшны, отвратительны и деморализованы, но также и потому, что тяжело было смотреть на их страдания, нужду и унижения.

Явная лакуна в новейшей историографии, вызванная концентрацией внимания исключительно на политических ссыльных, побудила нас запланировать исследования по истории преступности и ее репрессивной системы. Они финансируются Институтом общественной профилактики и ресоциализации Варшавского университета. В силу ряда обстоятельств исследования базируются в первую очередь на источниках, находящихся в польских архивах и библиотеках. Кроме того используются также материалы из архивов СССР и данные советских исследователей. В ряде случаев можно говорить о том, что несмотря на разные аспекты освещения польская и советская историография испытывают общие трудности: так отсутствуют данные о национальной структуре и вероисповедании уже пребывавших в Сибири ссыльных, о размещении национальных групп и их взаимных контактах.

Исследование охватывает 1815—1914 годы и, естественно, что сильный акцент сделан на польской проблематике. Однако, это не означает, что работа посвящается одним полякам в Сибири. Она является продолжением исследований уголовной системы Польского королевства, которая с 1832 г. утратила обособленность и стала попросту российской системой. Поэтому речь идет о юридических принципах и статистике ссылки, характеристики общественной среды ссыльных и каторжан, среди которых поляки составляли всего лишь часть. В свете сегодняшних процессов гуманизации жизни и науки внимание исследователей сосредотачивается на самых «несчастных», как их называло местное население, на условиях, в которых они приходили в Сибирь и отбывали там наказание в разных формах — тюремное заключение, каторга, поселение и т. д. Дифференция этих форм не как юридических, а как жизненных категорий еще весьма слабо разработана.

Большой проблемой является изучение общественной характеристики изгнанников, житейских контактов между разными группами ссыльных с одной стороны, и надзором администрации, а также со свободным населением края, с другой стороны. Речь идет об исследовании своеобразной субкультуры осужденных преступников. Многие источники подтверждают, что присутствие в каком-то регионе осужденных преступников определенным образом влияло на формирование некоторых специфических черт мышления и культуры сибирских крестьян. В документах мы найдем немало случаев плохого отношения к выпускаемым из тюрем и с каторги на поселение и вынужденных искать средства к существованию. Их положение очень часто было так безнадежно, что они либо погибали от голода и холода (их называли «подснежники» — когда таяли снега находили замерзшие тела бродяг), либо они старались совершить какое-

либо новое преступление, чтобы попасть в тюрьму, либо, наконец, создавали банды, беспокоящее местное население и заставляющее его постоянно откупаться. В связи с этим следует вернуться к вопросу об известном милосердии русских крестьян, одаривавших пищу и деньгами осужденных и беглых. Сегодня думается можно взглянуть на этот обычай более широко. Не отрицая, что в этом в определенной мере проявился национальный характер русского крестьянства, отметим, что помощь ссыльным и бродягам могла быть обоснована еще страхом, который заставлял на ночь возле домов выставлять на всякий случай пищу, а у дорог садить репу, чтобы бродяги могли покормиться. Подтверждение этому находим в ряде документов и мемуарной литературе, рассказывающих о том, что везде, где удавалось или там, где рассчитывали на безнаказанность, осужденных убивали без всякой пощады.

Необходимо также более критично посмотреть и на идеализируемую обычно среди политических ссыльных. С течением времени происходила «демократизация» политической ссылки в том плане, что на смену дворянским ссыльным, обладавшим относительно высокой моралью и культурой, приходили другие слои населения, не обладавшие этим. Кроме того, все больше нарастала идеологическая и национальная, а также имущественная дифференциация ссыльных. Происходило также изменение условий отбывания наказания в Сибири: с одной стороны в результате строительства железнодорожных линий, а с другой — под влиянием изменений во внутренней политике, давления либеральных кругов, а также акций самих ссыльных. Особенно явственно это обозначилось в конце XIX в. Эти улучшения в принципе касались всех, приговоренных к ссылке, но в значительно меньшей степени уголовных преступников, чем политических.

Для польского источниковедения важной задачей является введение в научный оборот новых документов и материалов. И в плане нашей темы таким интересным источником является дневник Юлиуша-Глаубича-Сабиньского. Этот дневник, охватывающий время 1833—1857 гг., свободен во многом от характерных для мемуаров искажений, возникающих под влиянием времени, считался до сих пор утерянным. Для исследователей российской политической ссылки он имеет большую ценность по ряду моментов и в том числе тем, что в нем есть сообщения о декабристах (Сабиньский был учителем у детей Волконских и проживал в их доме).

Итак, польские достижения в области истории ссылки Сибири XIX и начала XX вв. представляются пока очень скромными. Поэтому начавшиеся контакты между польскими и советскими историками позволят углубить научную проблематику исследований, обогатят обе стороны новыми источниками. Началом этому в какой-то мере послужил недавний советско-польский симпозиум «100-летие исследований поляков в Восточной Сибири и на Байкале» (Иркутск, 14—22 сентября 1990 г.), на котором не раз обсуждалась проблема изучения польской ссылки.

Варшавский Университет
Институт Истории ПАИ

Б. Р. ЗОРИКТУЕВ

О ЮЖНОСИБИРСКИХ СОБЫТИЯХ 1207 И 1217 гг.

В пункте 239 монгольской летописи «Сокровенное сказание» сообщается, что в 1207 г. монгольское войско во главе с Джучи вошло в местность Шихшит и начало покорение «лесных» народов. Называются ойраты, буряты, бархуны, урсуты, хабханасы, ханхасы, тубасы; упоминаются племена шибир, кесдини, бант, тухас, тенлек, тоелес, тас и бачжиги. С повествованием о походе Джучи в один ряд выстраивается рассказ о подавлении монголами хори-туматского восстания, содержащийся в пунктах 240 и 241 летописи¹.

События, изложенные в «Сокровенном сказании», привлекали внимание исследователей. Однако в научной литературе до сих пор нет однозначной их трактовки. Так, бурятские историки полагают, что путь войска Джучи, сопровождавший погромом местных племен, пролегал по Забайкалью, Предбайкалью и Енисею². Исследователи истории Южной Сибири считают, что монгольская экспансия была преимущественно направлена против народов Саяно-Алтая, именовавшегося в XIII в. названиями Киргиз и Кэм-Кэмджиут³.

Чтобы восстановить действительный ход тех событий, что особенно актуально в связи с готовящимся переизданием «Истории Бурятской АССР», необходимо разобраться в перечисленных выше терминах, выяснить место обитания названных этнических групп. Общепринято мнение, что под топонимом Шихшит следует понимать долину р. Шихшит (или Шихкит), которая протекает на северо-западе Монголии и на территории нынешней Тувинской АССР впадает в Малый Енисей⁴.

В «Сокровенном сказании» не сообщается, где обитало племя ойрат. Но в «Сборнике летописей» Рашид-ад-дина сказано, что юртом и местопребыванием ойратов было Восмиречье (Секизмурэн)⁵, которое современными исследователями твердо идентифицируется с верховьями Енисея⁶. Значит, в начале XIII в. ойратское племя находилось в верховьях р. Енисея.

В Саяно-Алтайском нагорье обитали племена урасут и кесдини (куптеми у Рашид-ад-дина). «Племена урасут, теленгут и куштеми... обита-

¹ Козин С. А. Сокровенное сказание. — М.; Л., 1941. — С. 174—175.

² История Бурят-Монгольской АССР. — Улан-Удэ, 1954. — Т. 1. С. 46, 47, 56; Румянцев Г. И. Происхождение хори-туматских бурят. — Улан-Удэ, 1962. — С. 143—144; Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. — Улан-Удэ, 1972. — С. 226, 227.

³ Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века. — М., 1984. — С. 86—90; История Тувы. — М., 1964. — Т. 1. — С. 171—173; Маннай-оол М. Х. Тува в эпоху феодализма. — Кызыл, 1986. — С. 70.

⁴ История Тувы. — Т. 1. — С. 171.

⁵ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. — М.; Л., 1952. — Т. 1, кн. 1. — С. 118.

⁶ История Тувы. — Т. 1. — С. 392; Рашид-ад-дин. Сборник летописей. — Т. 1, кн. 1. — С. 118; примеч. 6; Савинов Д. Г. К вопросу этногеографии севера Центральной Азии в предмонгольское время // Проблема отечественной и всеобщей истории. — Л., 1973. — Вып. 2. — С. 26.

ют; — сообщается в «Сборнике летописей», — в пределах страны киргизов и кэм-кэмджиутов»⁷.

Имеющийся материал позволяет утверждать, что там же жили племена ханхас, тубас, тухас и хабханас. В «Хуан юань шен ву цинь чжен лу» сообщается, что Джучи прошел р. Кянь и вниз по ней, покорил Ханьхас, Кэргисы и другие роды⁸. Кянь в данном тексте — китайское название р. Енисей.

Принято считать, что этнонимы тубас и тухас, как, впрочем, и тумат, о котором пойдет речь ниже, являются производными от древнего племенного названия «дубо». Не вдаваясь в фонетический разбор этих этнонимов, отметим, что в настоящее время они известны как в древних границах их распространения, именно от оз. Косогол до верховьев Енисея, так и западнее⁹. Видимо, не будет ошибкой сказать, что в начале XIII в. тубасы и тухасы обитали в пределах Саяно-Алтайского нагорья.

По мнению Н. П. Шастиной, хабханас — название народа тюркского происхождения, в XIII в. населявшего истоки р. Кемь¹⁰. Можно еще указать, что во второй половине XIII столетия в Туве, после ее включения в состав монгольской империи Юань, была образована область Капканас¹¹. Если принять во внимание ту закономерность, что в основе этнонимобразования часто лежит название местности, то вполне допустимо, что в период описываемых событий в данном регионе действительно существовало одноименное племя капканас, или хабханас.

В письменных источниках не указано место обитания племен тенлек, тоелес и тас. Однако надо иметь в виду, что в конце XIX в. и в настоящее время среди тувинцев и алтайцев имелись и имеются сооки (роды) телек, тоёлес и тас¹². Этнографами подмечена большая устойчивость этнонимов у населения Саяно-Алтая во времени вследствие относительной недоступности и изоляции этой горной системы в прошлом¹³. Учитывая это обстоятельство, можно, очевидно, утверждать, что термин телек, тоёлес и тас восходят к этнонимам тенлек, тоёлес и тас «Сокровенного сказания» и были известны в Саяно-Алтае в начале XIII в.

В источниках нет сведений о племени шибир. Но, говоря о нем, видимо, нельзя пройти мимо замечания В. В. Бартольда, что племя шибир в начале XIII в. располагалось на Енисее севернее киргизов. Как считал В. В. Бартольд, это было последнее племя, подчиненное Джучи, после чего он получил в личное владение все покоренные им народы, обитавшие в лесах от шибиров на юг¹⁴.

В литературе скудны данные о племени бачжиги. Возможно, прав Г. Е. Грумм-Гржимайло, полагавший, что этноним бачжиги сопоставим с байджигит — названием одного из кара-кирейских родов на северо-западе Монголии¹⁵. О кара-киреях, в состав которых входила кость байджигит, известно, что они населяли Северо-Западную Монголию во второй половине XIX в. и были частью тюркского племени киргиз¹⁶. Поскольку нет дополнительных сведений, можно, видимо, считать, что байд-

жигиты имели тюркское происхождение и, может быть, являлись осколком киргизского государства, охватывавшего в IX—X вв. Северо-Западную Монголию. После ухода основной массы киргизов на Енисей южных границ Саяно-Алтайского нагорья, в 1207 г. оказаться на пути отряда Джучи и быть завоеванными им.

Этноним бант, видимо, отождествим с названием народности бант, живущей в настоящее время на северо-западе МНР в районе Убса-нура. Не исключено, что в начале XIII в. кочевья бантов, когда они оказались в числе покоренных Джучи племен, были расположены перед входом в Саяно-Алтайское нагорье, на водоразделе Селенги и южносибирских рек. Это предположение вполне согласуется со словами Рашид-ад-дина, что юрты одной из ветвей племени бант находились на р. Селенге¹⁷.

Подведем некоторые итоги сказанному. Упоминание в «Сокровенном сказании» местности Шихшит, племен ойрат, урсут, хабханас, ханхас, тубас, шибир, кесдини, бант, тухас, тенлек, тоелес, тас и бачжиги является свидетельством военного вторжения монголов в 1207 г. через Западную Монголию в области Кэм-Кэмджиут и Киргиз, говоря точнее, в Саяно-Алтайское нагорье.

Был ли Джучи со своим отрядом в 1207 г. в Прибайкалье, называвшимся в то время Баргуджин-Тукумом, с целью завоевания местных племен? В источниках нет сведений об этом, хотя в «Сборнике летописей» неоднократно говорится о засылке Чингис-ханом послов к киргизским князьям с требованием подчиниться монголам, о восстаниях киргизов и туматов и жестоким их подавлении¹⁸.

Но о каких же тогда бурятах и бархунгах, в бурятоведении обычно отождествляемых с баргутами Забайкалья¹⁹, идет речь в «Сокровенном сказании»? Вначале о первых. Приведем текст из летописи: «В год Зайца (1207) Чжочи был послан с войском Правой руки к лесным народам... Прежде всех явился с выражением покорности ойратский Худуха-беки. Явившись, он стал провожатым у Чжочия... и ввел в Шихшит. Подчинив ойратов, бурят, бархунгов, урсутов, хабханасов, ханхасов и тубасов, Чжочи подступил к тумен-киргизам»²⁰. Из данного отрывка видно, что Джучи со своим войском вошел в Шихшит, а затем подступил к киргизам, т. е. к Хакаско-Минусинской котловине. Другими словами, он прошел через территорию Тувы, покорив по пути ойратов, хабханасов, тубасов и другие племена, но, как надо полагать, только не бурят, потому что бурят в Туве никогда не было, хотя они и значатся в летописи как приведенные к покорности именно там. Возникает предположение, что термин «буряты» мог появиться в «Сокровенном сказании» в результате искажения первоначального слова при переписках и переводах летописей. По нашему мнению, приемлема такая гипотеза. Войском Джучи были покорены не буряты, которые в то время, может быть, еще не существовали в виде оформившейся этнической единицы, а какое-то западномонгольское или саяно-алтайское племя с похожим названием. На наш взгляд, могло быть покорено племя бурут (в «Сборнике летописей» в пер. И. Н. Березина, 1868 г. — бурут, в «Сборнике летописей» в пер. О. И. Смирновой, 1952 г. — бурудут), которое относилось к числу непримиримых противников Чингис-хана и входило во враждовавшую с ним группу племен²¹. В 1202 г. эта группировка распалась от нанесенного ей Чингис-ханом поражения. Опасаясь мести, ойраты укрылись в местности Шихшит, меркиты двинулись к Селенге, тайджиуты — вниз по Онону

⁷ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. — Т. 1, кн. 1. — С. 122—123.

⁸ Старинное китайское сказание о Чингис-хане // Восточный сборник. — Спб., 1887. — Т. 1. — С. 191.

⁹ Потанов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. — Л., 1969. — С. 180—182.

¹⁰ Лубеан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). — М., 1973. — С. 355, примеч. 23.

¹¹ Кызласов Л. Р. История Южной Сибири... — С. 94.

¹² Савинов Д. Г. Народы Сибири в древнетюркскую эпоху. — Л., 1984. — С. 49; Потанин Г. И. Очерки Северо-Западной Монголии. — Спб., 1883. — Вып. IV. — С. 1; Потанов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. — С. 186.

¹³ Потанов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. — С. 187.

¹⁴ Бартольд В. В. Сочинения. — М., 1963. — Т. I. — С. 459.

¹⁵ Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. — Л., 1926. — Т. 2. С. 417.

¹⁶ Потанин Г. И. Очерки Северо-Западной Монголии. — Спб., 1881. — Вып. 2. — С. 6.

¹⁷ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. — Т. 1, кн. 1. — С. 175.

¹⁸ Там же. — Кн. 1. — С. 122, 150, 151; Кн. 2. — С. 151, 178, 253.

¹⁹ История Бурят-Монгольской АССР. — Т. 1. — С. 46.

²⁰ Козин С. А. Сокровенное сказание. — С. 174.

²¹ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. История монголов. — ТВОРАО. — Спб., 1868. — Ч. 13. — С. 96; Рашид-ад-дин. Сборник летописей. — Т. 1, кн. 2. — С. 88.

и т. д.²² В источниках не сообщается, куда ушли буруты. Но вполне возможно, что они переместились в Западную Монголию или вместе с ойратами в Шихит, где в 1207 г. окончательно подчинились Чингис-хану. В настоящее время буруты имеются среди дэрбэтов Убса-Нурского аймака МНР, алтайцев, хакасов и киргизов²³.

В Туве не было и баргутов. Поэтому бархунов «Сокровенного сказания» неправомерно отождествлять с баргутами Баргуджин-Тукума. Не исключено, что в «Сокровенном сказании» под термином «бархуны» следует понимать багутов, или багунов, составлявших одно из этнических подразделений ойратов. О племени же баргут Рашид-ад-дин писал, что оно никогда не воевало и не враждовало с монголами и не относилось к числу их противников, имело с ними родственные и дружественные связи и выдвинуло из своей среды видных военных и государственных деятелей.²⁴ Отсюда можно заключить, что вторжения монголов в Баргуджин-Тукум с целью покорения баргутов насильственно, путем применения военной силы, не могло быть. Подчинение баргутов, как и других племен Прибайкалья, монголам носило, видимо, не принудительный характер. Этому предположению соответствует сообщение Рашид-ад-дина о том, что покорение баргутского племени, являвшегося, кстати, ведущим и наиболее крупным племенем Баргуджин-Тукума, ограничилось у монголов лишь получением подтверждения о его подчинении. Для этого Чингис-хан направил к баргутам всего лишь двоих людей.²⁵ Поэтому версия о монгольском вторжении в Прибайкалье, разгроме, пленении и т. д. местных племен противоречит историческим фактам.

Говоря о восстании туматов, которые в «Сокровенном сказании» названы хори-туматами, следует отметить, что оно было не в 1207 г., как указано в «Истории Бурят-Монгольской АССР», а в 1217 г., в год быка.²⁶

Безусловно, термин «хори» в сложном этнониме хори-туматы — довод сам по себе достаточно убедительный, дающий право утверждать, что под этим «хори» можно подразумевать предков современных хоринских бурят, поднявшихся вместе с туматами на борьбу с монголами против своего порабощения.²⁷ Но если обратиться к «Сборнику летописей», то там трижды говорится о восстании туматского племени, а не хори-туматского. Возможно, в ранние периоды своей истории протобурятское племя хори находилось в союзе с туматами.²⁸ Но можно со всей определенностью сказать, что в начале XIII в. такого союза не было. Туматы жили на своей древней родине по Енисею и здесь в 1217 г. восстали против монголов. Об этом четко сказано в «Сборнике летописей», который дополняет то, что недоговорено в «Сокровенном сказании». «Местопребывание этого племени, — указывает Рашид-ад-дин, — было поблизости от вышеупомянутой местности Баргуджин-Тукум... (Туматы) жили в пределах страны киргизов и были чрезвычайно воинственным племенем и войском. Их предводитель Тайтула-Сокар явился к Чингиз-хану, покорился и смирился (перед ним). Когда Чингиз-хан был занят завоеванием областей Хитая... по возвращении он услышал, что (племя) тумат вторично восстало. Чингиз-хан... послал Борагул-нойона... Вкратце (дело обстояло так): они (монголы) дали большие сражения и покорили племя тумат. Однако

²² Рашид-ад-дин. Сборник летописей. — Т. 1, кн. 2. — С. 121—122; Козин С. А. Сокровенное сказание. — С. 117.

²³ Вяткина К. В. Монголы Монгольской Народной Республики. // Восточно-Азиатский этнографический сборник. — М. — Л., 1960. — Т. 60. — С. 239; Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. — С. 23; Его же. Происхождение и формирование хакасской народности. — Абакан, 1957. — С. 176; Абдыкалыков А. О термине буруты. // Сов. этнография. — 1963. — № 1.

²⁴ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. — Т. 1, кн. 1. — С. 117, 121, 122, 184, 185.

²⁵ Там же. — С. 166.

²⁶ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. — Т. 1, кн. 2. — С. 178.

²⁷ История Бурят-Монгольской АССР. — Т. 1. — С. 46.

²⁸ Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. — Улан-Удэ, 1972. — С. 226.

на войне Борагул-нойон был убит. Так как туматы были злокозненным и недоброжелательным племенем, то (монголы) множество их перебили». ²⁹ Таким образом, имеются свидетельства о восстании и разгроме туматского племени, обитавшего в пределах страны киргизов. Что касается хори-рипы, названные в «Сборнике летописей» кори, вместе с другими племенами жили в Баргуджин-Тукуме ³⁰ вдали от енисейских событий.

Итак, в 1207 и 1217 гг. монголами с целью распространения своего господства на новые территории были совершены завоевательные походы в Саяно-Алтайское нагорье.

*Бурятский Институт общественных наук,
Улан-Удэ*

²⁹ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. — Т. 1, кн. 1. — С. 122.

³⁰ Там же. — С. 121.

В. С. ПОЗНАНСКИЙ

СУД НАД МИНИСТРАМИ КОЛЧАКА

Гражданские войны неминуемо вызывают исключительную жестокость, одной из форм которой является объявление воюющими сторонами лидеров другого лагеря вне закона, а при пленении их — обычно физическое уничтожение.

Изучение истории гражданской войны в Сибири, как составной части борьбы Советов России против белогвардейщины и интервенции, приводит к твердому убеждению в справедливости кары главарям контрреволюции. Они понесли ее заслуженно, за конкретные преступления: за то, что развязали войну, стоившую огромных жертв, первыми прибегли к кровавому террору, развернув его в массовый против политических деятелей, стоявших на платформе Советской власти и красногвардейцев, а затем и против абсолютного большинства сибирского населения¹.

В Сибири, отрезанной мятежом белочехов от остальной страны, Советская власть не осуществляла линии, на которую нацеливал в момент разгрома вооруженной борьбы, летом 1918 г., В. И. Ленин: «Надо поощрять энергию и массовость террора против контрреволюционеров»². Когда же шло освобождение края от колчаковщины, а победный исход гражданской войны был в основном предопределен, политика советской стороны в отношении применения репрессивных мер к врагам менялась.

13 января 1920 г. на Политбюро ЦК РКП(б) В. И. Ленин поддержал предложение Ф. Э. Дзержинского напечатать в центральных газетах от имени ВЧК приказ о прекращении с 1 февраля всеми местными ЧК применения расстрела, как высшей меры наказания, и о передаче всех дел, по которым могло бы грозить такое наказание, в Ревтрибунал³. Спустя несколько дней Владимир Ильич констатировал факт общей победы Советской власти, отметил как самое великое и важное «разгром Колчака, заставивший союзников снять блокаду и отказаться от плана удушить Россию»⁴. Перед высшим органом государственной власти глава Советского правительства ставил вопрос, гуманность которого неоспорима: «Особенно важно следующее постановление, которое нуждается в утверждении ВЦИК. Это постановление об отмене смертной казни. Вы знаете, что тотчас же после главной победы над Деникиным, после взятия Ростова, тов. Дзержинский, руководящий ВЧК

¹ Мартирологи типа книги «Красная Голгофа» (Благовещенск, 1920), публикации о погибших в книгах «Три года борьбы за диктатуру пролетариата» (Омск, 1920), «Колчаковщина» (Екатеринбург, 1924) и др., в сборниках Сибистпарта и губерских истпартов в Сибири, материалы типа документальных и свидетельских публикаций в журнале «Сибирские огни» («В Сибири ужас и смерть», 1935, № 1), исследовательские статьи (Познанский В. С. Белый террор «демократической контрреволюции» в борьбе с Советской властью в Сибири // Проблемы истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР. — Томск. — 1975 и др.).

При подготовке статьи использован материал, предоставленный В. И. Шиншиным.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 50. — С. 106.

³ Там же. — Т. 40. — С. 469.

⁴ Там же. — С. 67.

и Наркомвнудел, внес предложение в Совнарком и провел его у себя в ведомстве, чтобы всякое зависящее от ЧК применение смертной казни было отменено... Этот шаг нуждается в подтверждении ВЦИК... И я думаю, надеюсь и уверен, что ВЦИК единогласно подтвердит это мероприятие Совнаркома и разрешит его таким образом, чтобы применение смертной казни в России стало невозможным»⁵.

Однако обстоятельства военного времени еще заставляли применять в отношении врагов революции в прифронтовой полосе при экстремальных обстоятельствах расстрел без суда, без приговора ревтрибунала. 7 февраля 1920 г. по постановлению Иркутского военревкома были казнены адмирал А. В. Колчак и председатель совета министров его правительства В. Н. Пенелеев. Их и других видных колчаковцев предполагалось судить, о чем свидетельствует документ «Проект организации при Сибревкоме Комиссии для расследования преступной власти адмирала Колчака и зверств белогвардейщины»⁶. В Иркутске известный в Сибири революционер К. А. Попов, опытный юрист, узник белогвардейских тюрем, случайно избежавший смерти, начал допрос бывшего «верховного правителя», который впоследствии — в 1925 г. был опубликован в виде книги. Многократно печатались воспоминания председателя Иркутского военревкома А. А. Ширямова, коменданта города И. Н. Бурсака и других лиц, причастных к решению судьбы Колчака, и исполнителей казни. Оправданием внесудебного расстрела главаря восточной контрреволюции служил веский мотив: угроза Иркутску со стороны прорывающихся с запада каппеленцев и с востока — атамана Семенова, стремление белогвардейцев «освободить» своего верховного вожда.

Было известно, что бежавшее из Омска в Иркутск колчаковское правительство делало ставку на продолжение борьбы с помощью семеновских банд и наступления стоящих за их спиной японцев⁷. Последнее усугубляло вину близких приспешников адмирала и после стабилизации обстановки было решено ускорить их привлечение к ответственности — к суду ревтрибунала.

Сибревкому приходилось учитывать, что наряду со стремлением Совнаркома отменить смертную казнь и применять ее в исключительных случаях на основе твердой законности, перед молодой Советской Республикой стояла задача опровергнуть общественное мнение и в стране, и во всем капиталистическом мире о террористическом характере нового строя. Политическая значимость этого специально разъяснялась В. И. Лениным, когда он вносил во ВЦИК РСФСР предложение утвердить правительственное постановление: «Если в Европе буржуазная демократия из всех сил распространяет ложь против Советской России, что она является террористической по преимуществу, если распространяет это и буржуазная демократия и социалисты II Интернационала, если Каутский мог писать специальную книгу „Терроризм и коммунизм“, в которой заявляет, что коммунистическая власть опирается на терроризм, то можете себе представить, какая ложь распространяется на этот счет, и чтобы опровергнуть эту ложь, мы пришли к тому шагу, который сделан тов. Дзержинским и который Советом Народных Комиссаров был одобрен»⁸.

Как в Москве, так и в столице Сибири — Омске, партийно-советские руководители были заинтересованы в доказательстве, какая же из противоборствующих сторон антидемократична, вскрыть перед миром, что же представляла собой колчаковщина. И если само название упомянутого выше проекта о следственной комиссии говорило за себя, то не менее важным считали и наметили тогда же, что отражено в документе, провести

⁵ Там же. — С. 100—101.

⁶ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО), ф. 1, оп. 1, д. 116, л. 73—76.

⁷ История Сибири с древнейших времен до наших дней. — Т. 4. — Л. — 1968. — С. 133.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 40. — С. 100.

следующее мероприятие: собрать к 1 мая 1920 г. материалы, издать его в виде сборника, в том числе на иностранных языках, чтобы развеять с противников Советской власти символ борцов за демократию. Отсюда и вытекала необходимость в проведении открытых судебных процессов над лидерами и другими активными деятелями белогвардейского лагеря, а первым из них должен был стать суд над колчаковскими министрами. Его решили провести в Омске.

29 февраля 1920 г. председатель Сибревкома И. Н. Смирнов телеграфировал в Иркутский губревком и в губчека: «Предлагаю в срочном порядке закончить предварительное дознание по делу министров колчака и направить его вместе с подсудимыми в Омск в распоряжение отдела юстиции Сибревкома. Выполнить Попову»⁹. Учитывая ответственность процесса, Сибревком 14 марта выносит постановление о подготовке к нему: подбор состава суда, поручение Омской губчека провести предварительное следствие¹⁰.

18 апреля К. А. Попов прибыл в Омск с доставленными под конвоем колчаковцами¹¹. В печати передали информацию о том, что привезенных из Иркутска министров и их товарищей (терминология того времени, речь же о заместителях) ожидает суд¹². Член Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома В. М. Косарев оповестил все губревкомы Сибири о том, что суд над министрами Колчака начнется примерно 15 мая, в связи с чем необходимо командировать на него представителей — от каждой губернии по 10 рабочих и крестьян, отбор которых произведет в наиболее пострадавших от колчаковщины местностях¹³.

Список подсудимых, опубликованный при упомянутой информации Сибревкома, включал первоначально 25 фамилий. Но предстали перед ревтрибуналом 22 видных колчаковца: Василевский В. К. — товарищ министра труда, Введенский С. А. — товарищ министра торговли и промышленности, Грацианов А. А. — товарищ министра внутренних дел, Дмитриев Н. В. — товарищ министра продовольствия, Жуковский В. Г. — товарищ министра иностранных дел, Карликов В. А. — помощник военного министра, Клафтон А. К. — директор-распорядитель бюро печати, Краснов Г. А. — государственный контролер, Ларионов А. М. — товарищ министра путей сообщения, Малиновский М. А. — товарищ министра юстиции, Молодых И. А. — товарищ министра продовольствия и снабжения, Морозов А. П. — министр юстиции, Палечек Н. О. — товарищ министра просвещения, Преображенский П. И. — министр просвещения, Новомбергский Н. Я. — товарищ министра внутренних дел, Степаненко Г. М. — товарищ министра путей сообщения, Третьяк С. М. — товарищ министра труда, Хроновский И. Н. — товарищ министра финансов, Цеслинский Ф. Л. (Е. Д.) (двойное написание инициалов в документе. — Авт.) — главноуправляющий почтой и телеграфа, Червев-Водали А. А. — заместитель председателя совета министров и министр внутренних дел, Шумиловский Л. И. — министр труда, Ячевский М. Э. — товарищ министра внутренних дел.

Из списка подсудимых готовившему обвинительное заключение заведующему юридическим отделом Сибревкома А. Г. Гойхбаргу пришлось исключить трех: генерала В. Г. Болдырева (он бежал на Дальний Восток, в Советскую Россию вернулся позже); тяжело заболел и попал в психиатрическую больницу помощник главноуправляющего по делам вероисповедания Л. И. Писарев; жену генерала Гришина-Алмазова освободили из-за отсутствия состава преступлений по данному судебному делу. Из числа доставленных из Иркутска в Омск видных белогвардейцев некоторые должны были проходить по процессу в качестве свидетелей (министр юстиции Сибирского временного правительства Г. Б. Патушинский, директор

канцелярии верховного правителя А. А. Мартынов, генерал А. Ф. Матковский и др.). Привлекались, как свидетели, другие известные контрреволюционеры (П. Я. Дербер и т. д.).

Судить колчаковских министров поручалось Сибирскому Чрезвычайному трибуналу. Его председателем назначили представители ВЧК при Сибревкоме И. П. Павлуновского и членами В. М. Косарева, М. Н. Байкова, Е. М. Мамонтова и П. Е. Щетинкина. Коммунист Байков вошел в ревтрибунал как представитель революционных рабочих, переживших террор белогвардейщины с момента антисоветского переворота и особенно после установления генерального режима; от крестьянских масс Сибири трудно было подобрать более популярных в их среде лиц чем выдающиеся руководители краснопартизанского движения, командующие повстанческими армиями на Алтае и в Енисейской губернии. Обвинителем с функциями прокурора Сибревком назначил А. Г. Гойхбарга.

Сложней оказалось дело с выбором защитников. 4 мая поставили вопрос об извещении коллегии защитников при Омском губревкоме о назначении ею своих представителей на процесс. Одновременно у Сибюста возникало опасение, не поручит ли коллегия, где только председатель Опарин состоял в Коммунистической партии и о которой шла худая слава, что она «представляет из себя контрреволюционную организацию», вести защиту явным противникам Советской власти. В переписке выяснили, что согласившиеся участвовать в суде адвокаты заявляют о лояльности к Советской власти, хотя и оправдывают ряд действий подсудимых, начиная с того, что летом 1918 г. «возникла необходимость создать русскую власть» в Сибири взамен Советов и подзащитные выполняли свой долг, служили как и положено специалистам и чиновникам высокого ранга. Защищать колчаковских министров коллегия поручила Аронову, Бородулину и Айзину¹⁴.

18 мая 1920 г. в «Советской Сибири» от имени коменданта Сибирского Чрезвычайного трибунала было объявлено, что суд над бывшими колчаковскими министрами начнется через день, будет проходить в помещении Главных железнодорожных мастерских в Атамановском хуторе (пристанционный поселок железнодорожников Омска. — Авт.). Вместе с объявлением печаталась статья секретаря Сиббюро ЦК РКП(б) Емельяна Ярославского «Перед судом истории», где напоминалось о неисчислимых жертвах сибиряков в период господства колчаковщины, о подлинной роли подсудимых, как ближайших сообщников кровавого «верховного правителя» в его антинародных злодеяниях.

Начало заседаний трибунала назначалось на 17 часов, с тем, чтобы на них могло попасть возможно большее количество рабочих Омска, из центра города по железнодорожной ветке в Атамановский хутор по специальному графику трижды отправлялся к этому времени пригородный поезд.

В день открытия судебного процесса, 20 мая 1920 г., с утра, на заседании Сиббюро ЦК РКП(б), которое получило телеграмму от ЦК партии¹⁵, еще раз вернулись к рассмотрению вопроса о суде над колчаковскими министрами. Политическая заостренность при обсуждении, стремление выдержать принципы социалистической законности настолько сильны, что передать содержание возникшей полемики без упущений и с точным пересказом позиций членов Сиббюро возможно единственным образом — полным цитированием протокольной записи:

«Тов. Смирнов: Через несколько дней Ревтрибунал будет судить министров¹⁶, нам необходимо заранее вопрос всесторонне обсудить и дать трибуналу руководящие директивы. Нам необходимо обсудить насколько удобно по обстоятельствам, которые сейчас складываются в России и Сибири, применить ко всем высшую меру наказания. В ответ на телеграмму

⁹ ГАО, ф. 42, оп. 1, д. 173, л. 165.

¹⁰ ГАО, ф. 1, оп. 1, д. 2264, л. 200.

¹¹ ГАО, ф. 467, оп. 1, д. 15, л. 242. Имеется и второй экземпляр списка доставленных колчаковцев. — ГАО, ф. 1, оп. 2, д. 6, л. 232.

¹² Советская Сибирь (Омск), 22 апреля.

¹³ ГАО, ф. 1, оп. 1, д. 232, л. 18.

¹⁴ ГАО, ф. 467, оп. 1, д. 51, л. 14.

¹⁵ Документ не обнаружен.

¹⁶ Чем вызвана неточность с определением начала суда, объяснить трудно.

ЦК возложил на Сиббюро и Сибревком определять по отношению к каждому из них применять высшую меру наказания. Не возражая по существу я думаю, что для наиболее виновных допустима высшая мера наказания, а судьи должны будут сами определять к кому применить.

Тов. Косарев: Если судить о виновности, то всех их надо расстрелять, чтобы удовлетворить пострадавших от их рук рабочих и крестьян, необходимо применить процентам к 50-ти по крайней мере.

Тов. Гойхбарг дает оценку каждому из министров, и выясняется, что все они виновны так или иначе.

Тов. Павлуновский: Тов. Смирнов вопрос поставил правильно. Я думаю, что мы их должны судить не как лиц, а как министерство. Тогда это будет иметь политическое значение и для нас, и для Запада. А так как материала, обличающего их, достаточно, чтобы ко всем применить высшую меру наказания, я думаю, мы это можем сделать, а Сибревком потом по отношению к некоторым может изменить постановление трибунала.

т. Ярославский и Хотимский согласны с тов. Косаревым и предлагают по отношению к 75 % применить высшую меру наказания.

Тов. Смирнов: Ведь это будет суд, а не сплошной террор. Необходимо, чтобы суд остался судом. Массы, правда, могут отнестись к нам отрицательно за наше мягкосердие, но мы можем прибегнуть к широкой политической агитации. Ведь этот процесс явится большим политическим митингом. После того, что будет о них обнаружено на суде, они уже как политическая партия погибли, и как к Ивану и Петру есть ли толк ко всем применять высшую меру. Настроение масс преходящее, и это мы должны учесть.

Вносится следующее предложение:

1. Руководствуясь телеграммой ЦК, считаем, что высшая мера наказания по условиям переживаемого момента возможна, но Сиббюро и Сибревком считают, что коллективное применение высшей меры наказания нецелесообразно.

2. Если будет послана ВЦИК телеграмма о помиловании, Сибревком на защиту их не вступает.

3. Провод для переговоров с ВЦИК будет им дан.

Все три предложения принимаются.

Против предоставления провода голосовали т.т. Косарев и Ярославский¹⁷.

На первом заседании трибунала, в присутствии 8,5 тыс. человек, Косаревым было зачитано обвинительное заключение. Ни один из подсудимых виновных в инкриминируемых ему преступлениях не признал. Обвинитель Гойхбарг, соблюдая процедуру, обращается к судьям с просьбой учесть тяжесть содеянного колчаковщиной и сурово покарать ближайших сообщников Колчака. О реакции присутствующих один из корреспондентов, освещающих процесс, позднее писал: «Жуткую минуту пришлось пережить, когда обвинитель спросил, что полагается за эти злодеяния. Тысячи слушателей крикнули как один. «Расстрелять! Расстрелять!»¹⁸.

Столкновение двух факторов — стремление «верхов» провести показательный процесс в полном соответствии с законностью, как они ее себе представляли, и с максимальной гуманностью к подсудимым, с одной стороны, и убежденность народа в том, что единственным приговором для колчаковских министров должна быть смертная казнь заставили Сиббюро ЦК РКП(б) еще и еще возвращаться к казавшемуся бы решенному вопросу. Так, он был поставлен запросом обвинителя на процессе на заседании Сиббюро 23 мая:

«Тов. Гойхбарг: Через два дня будет вынесен приговор, необходимо иметь окончательное мнение Сиббюро по отношению к кому применить высшую меру наказания. У меня имеется список трех категорий. Первая категория — высшая мера наказания, вторая — пожизненное заключение и третья — заключение на разные сроки.

¹⁷ Партийный архив Новосибирского обкома КПСС (ПАНО), ф. 1, оп. 3, д. 2, л. 52.
¹⁸ Советская Сибирь. — 1920. — 2 июня; Известия ВЦИК. — 1920. — 13 июня.

Тов. Смирнов: Вторые две категории значения не имеют. Нам надо вырешить, к кому применить высшую меру наказания.

Постановили: 1. Третьяка и Карликова — освободить. 2. Высшую меру применить к Червен-Водали, Шумиловскому, Ларионову и Клаф-тону и 3. К остальным — по усмотрению судей¹⁹.

Процесс растянулся на 10 заседаний суда: с 20 по 24 мая и после однодневного перерыва с 26 по 30 мая. Информация о каждом из них занимала целую газетную полосу. Под давлением улик и свидетельских показаний подсудимые признавались в причастности к акциям, стоившим неисчислимым жертв и бедствий для сибиряков. В качестве улик, например, проходили документы переписки колчаковского правительства с представителями «белой, вольной России» в столицах государств Антанты по организации интервенции и расчетах национальными богатствами за поставленное колчаковцам оружие. Как образец, «Советская Сибирь» 28 мая опубликовала переписку колчаковца Головина с военным представителем белогвардейских армий при верховном командовании Антанты в Париже генералом Д. Г. Щербачевым и министром иностранных дел колчаковского правительства С. Д. Сазоновым. Понятно, что уличать всячески извращающихся интеллектуалов типа профессора Новомбергского было исключительно хлопотным и сложным делом, но трибунал, несмотря на затягивание процесса, не дал повода защите отвести основную часть обвинений.

В ходе судебного разбирательства на заседаниях вырисовывалась картина безусловной преступной деятельности всех подсудимых, вне зависимости от того на какой ступени иерархической лестницы в «колчакии» они стояли — как Червен-Водали заместителем председателя совета министров, на постах министров, товарищей министров или директора Бюро печати, как Клафтон. Не вносила различия партийная принадлежность функционеров колчаковского правительства, будь-то ярый кадет Клафтон или меньшевик Шумиловский. Не убедительными доводами, а кощунством выглядели попытки кое-кого из подсудимых представить себя ошибавшимися, «нечаянно заблудившимися», вроде министра труда Шумиловского, каившегося, что он по неведению принял за красное рабочее знамя красный фонарь борделя, именовавшегося омским правительством. Слишком свежо было в памяти рабочих его объявление еще в должностном министре в период установления «демократической» контрреволюции: «Сибирское всероссийское правительство считает забастовки в данный момент губящими дело освобождения родины от немецко-большевистского ига и не остановится перед принятием самых решительных мер заставить всех выполнить свой долг перед отечеством»²⁰. Тысячи рабочих помнили, как их за забастовки выбрасывали с работы, заключали в тюрьмы, расстреливали и публично поролли «зачинщиков», а Шумиловский все ужесточал и ужесточал режим, и когда черносотенный генералитет стал разгонять «розовых», его это не коснулось — вышел из партии и остался на прежнем посту в правительстве «верховного правителя».

Под давлением неоспоримых улик менялось поведение подсудимых — от попыток скрытия известных им фактов до раскаяния за содеянное в правительстве, позволившем расцвести произволу атамашчины и одобрявшем карательные экспедиции, массовые кровавые расправы над восставшими, бастующими, их семьями, односельчанами. А. Г. Гойхбарг в интервью печати после завершения суда отметил: «В политических процессах царского времени всегда скамья подсудимых морально возвышалась над властью их судившей. Здесь же моральный перевес Советской власти над подсудимыми вытекал из каждого их слова, пока, наконец, они не стали открыто превозносить Советскую власть и доказывать, что часть ее завоеваний они отстаивали»²¹.

¹⁹ ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 2, л. 55.

²⁰ Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917—1937 гг.) — Новосибирск, 1982. — С. 85.

²¹ Известия ВЦИК. — 1920. — 22 июня.

Процесс суда Сибирского Чрезвычайного трибунала над видными колчаковцами позволил вынести официальное определение, что трудящиеся Сибири оценивают «самозванное и мятёжное правительство Колчака» как особо преступное, антинародное. Главари колчаковщины приговаривались: к расстрелу — Червен-Водали, Шумиловский, Ларионов и Клафтон; к пожизненному заключению — Краснов, Грацианов, Степаненко, Морозов, Жуковский и Малиновский; к заключению на 10 лет — Цеслинский, Полачек, Молодых, Дмитриев, Введенский, Василевский и Хроновский; к заключению на время гражданской войны — Преображенский, Новомбергский и Янчевский; на 5 лет принудительных работ — Карликов и Третьяк.

Присужденные к расстрелу, а также их адвокаты дали по предоставленному им прямому проводу телеграммы на имя Калинина, Ленина, Троцкого с просьбой о помиловании²². Тексты ходатайств были опубликованы²³.

Л. Б. Каменев и А. С. Енукидзе от имени ВЦИК запросили И. Н. Смирнова срочно дать объяснение о целесообразности помилования²⁴. Л. Д. Троцкий поставил перед высшими органами Сибири вопрос о возможности в условиях сложной международной обстановки смягчить меру наказания осужденным, учитывая их обещания честно служить Советской власти. В ответ в Москву 2 июня пошла телеграмма: «Предреввоенсовета Троцкому. Помилование министров Колчака вызовет ропот среди рабочих и крестьян, и популярность Сибревкома может пострадать. Но если международное положение требует помилования, то Сиббюро готово принять все последствия на себя. И в случае помилования осужденные ни в коем случае не могут быть в ближайшее время использованы как специалисты на ответственной работе. Сиббюро»²⁵.

Упоминаемая сложность международного положения имела, прежде всего, в виду начавшуюся борьбу на Западном фронте с белополяками. Для Советской Сибири не снималась угроза с востока, где неудачно складывались обстоятельства с попыткой в Забайкалье «пробить Читинскую пробку» и агрессивностью империалистической Японии. Однако население Сибири, возбужденное судебным процессом, никак не желало связывать текущие политические и иные события с амнистией для злейших врагов — главарей колчаковщины. И на заседании Сиббюро ЦК РКП(б) 11 июня 1920 г. приходится включать в повестку дня незавершённый из-за «вмешательства Москвы» вопрос:

«...6. О скорейшем приведении в исполнение приговора суда над колчаковскими министрами.

Косарев: Недовольство, нарастающее в рабочих массах Омска, требует немедленного приведения в исполнение приговора над министрами. Необходимо попросить ЦК ускорить ответ и напомнить ЦК, что это есть постановление Сиббюро и ответственных работников Сибревкома.

Постановили: Послать в ЦК соответствующую телеграмму поручается тов. Смирнову»²⁶.

И. Н. Смирнов обратился к Президиуму ВЦИК и к В. И. Ленину, подчеркнув срочность дела и что «мнение Сиббюро прежнее: четверо должны быть расстреляны»²⁷.

Колчаковских министров постигло заслуженное возмездие, о чем печатать извещала: «Ввиду отклонения Президиумом ВЦИК ходатайства, в ночь с 26 июня расстреляны Шумиловский, Ларионов, Клафтон и Червен-Водали»²⁸.

Суд над близкими сообщниками Колчака послужил прецедентом для воздания должного другим кровавым извергам. Отметим, что В. И. Ленин одобрил целевую направленность действий руководителей Советской Сибири. Так, в ответ на сообщение И. Н. Смирнова в августе 1921 г. о захвате в Монголии в плен барона Унгерна, которого по прибытии в Новониколаевск предполагалось «предать суду Отделения Верховного трибула большого политического значения»²⁹. Владимир Ильич в тот же день внес в Политбюро ЦК РКП(б) предложение:

«Советую обратить на это дело побольше внимания, добиться проверки солидности обвинения и в случае, если доказанность полнейшая, в чем, по-видимому, нельзя сомневаться, то устроить публичный суд, провести его с максимальной скоростью и расстрелять»³⁰.

Суд над колчаковскими министрами стал как бы образцом для процессов подобного рода над врагами Советского государства, пытавшимися сокрушить его путем применения силы и кровавого террора.

С позиции юрисдикции, конечно, нельзя признать верным суд трибунала, когда судьи были подобраны отнюдь не беспристрастные, процесс проходил в атмосфере общественного давления, мера наказания предопределялась партийно-советскими органами. Эта сторона вопроса, естественно, нуждается в дальнейшем изучении.

*Институт истории, филологии и философии СО АН СССР,
Новосибирск*

²² ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 4, д. 500, л. 23, 24; ф. 1235, оп. 37, д. 2, л. 112.

²³ Советская Сибирь. — 1920. — 2 июня.

²⁴ ГАО, ф. 1, оп. 2, д. 17, л. 17.

²⁵ ЦАНО, ф. 1, оп. 3, д. 2, л. 58, 59.

²⁶ Там же, л. 64об.

²⁷ ГАО, ф. 1, оп. 2, д. 17, л. 49.

²⁸ Известия ВЦИК. — 1920. — 27 июня.

²⁹ Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 44. — С. 543.

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 44. — С. 110.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Л. С. РАФНЕНКО

ДОКТОР А. А. БУНГЕ (1803—1890) НА АЛТАЕ

Имя русского ботаника и путешественника, члена-корреспондента и почетного члена Петербургской Академии наук, одного из основоположников географо-морфологических методов в систематике растений, профессора Казанского и Дерптского университетов Александра Андреевича Бунге было широко известно не только в России, но и в Европе. Его творческий путь начался на Алтае. Однако до сих пор значение алтайского периода (1826—1832) в жизни и творчестве известного русского ученого не получило должной оценки.

В литературе нет специальных исследований, посвященных научной деятельности А. А. Бунге. В работах же общего характера, посвященных исследованиям Сибири, как работы А. Н. Пыпина¹, В. А. Обручева², Г. В. Наумова³, К. И. Гурвича⁴, а также Алтай — Н. А. Камбалова и А. Д. Сергеева⁵, дается лишь общая оценка путешествий А. А. Бунге по Алтаю.

Между тем алтайский период жизни и творчества А. А. Бунге был не только периодом его становления как ученого. Его систематические поездки по Алтаю, а также путешествия в Монголию и Китай, анализ и обобщение собранного им огромного материала, выдвинули его в число выдающихся русских ученых-систематиков.

Александр Андреевич Бунге родился 24 сентября 1803 г. в Киеве. В детстве он переехал с семьей в Дерпт (ныне г. Тарту, Эстонской ССР), где в 1821 г. с отличием окончил гимназию. В том же году он поступил на медицинский факультет Дерптского университета. Большую роль в дальнейшей судьбе А. А. Бунге сыграл профессор ботаники, глава дерптской школы флористов-систематиков, член-корреспондент Петербургской АН, впоследствии знаменитый автор «Флоры России» Карл Фридрих Ледебур (1785—1854). Он обратил внимание на пытливого юношу, вскоре ставшего его любимым учеником. К. Ф. Ледебур основал при университете ботанический сад, который приобрел при нем европейскую известность. Его помощником в ботаническом саду стал А. А. Бунге. Еще будучи студентом, А. А. Бунге с другим учеником К. Ф. Ледебура К. А. Мейером летом 1823—1824 гг. путешествовали по Лифляндии, побывали на острове

¹ Пыпин А. Н. Сибирь и исследования ее // Вестник Европы. — 1888. — Т. 3, кн. 6. — С. 725—790.

² Обручев В. А. История геологического исследования Сибири. Период второй. 1801—1850. — Л., 1933.

³ Наумов Г. В. Русские географические исследования Сибири в XIX — начало XX в. М., 1965.

⁴ Гурвич К. И. Отечественные врачи, географы, первооткрыватели. XIII — начало XIX вв. // Советское здравоохранение. — 1966. — № 11. — С. 74—76.

⁵ Камбалов Н. А. Исследователи Алтая. XVIII — первая половина XIX в. — Барнаул, 1956; Камбалов Н. А., Сергеев А. Д. Первооткрыватели и исследователи Алтая. — Барнаул, 1968; Сергеев А. Д. История Алтайского края в трудах исследователей и путешественников. Конец XVIII — первая половина XIX в. Автореф. дис. канд. ист. наук. Томск, 1973.

© 1990 Рафненко Л. С.

Эзель, изучая флору тех мест⁶. Эта студенческая работа А. А. Бунге в 1823 г. была отмечена золотой медалью⁷. Его работа «Conspectus generis gentianae imprimis specierum Rossicarum» (1824) была защищена им в качестве диссертации⁸. 4 ноября 1825 г. он окончил университет и получил степень доктора медицины.

В том же году профессор К. Ф. Ледебур предложил Совету Дерптского университета организовать экспедицию в один из самых малоизученных регионов страны — Алтай, для изучения его флоры и фауны. Представленная им программа экспедиции была одобрена Советом университета. В состав экспедиции К. Ф. Ледебур включил двух своих учеников — К. А. Мейера и А. А. Бунге. Для последнего это было осуществлением заветной мечты.

Однако возникло одно препятствие, которое молодой врач преодолел. А. А. Бунге не мог посвятить себя целиком науке, т. к. он учился в Дерптском университете на казенном коште и должен был после его окончания несколько лет прослужить лечущим врачом. Чтобы принять участие в экспедиции, он поехал в Петербург и 27 января 1826 г. был назначен на должность уездного врача в г. Барнаул Томской губернии⁹. В Петербурге он присоединился к экспедиции и 9 марта они прибыли в Барнаул¹⁰.

Экспедиция К. Ф. Ледебура была значительным событием в исследовании Алтая. Понимая значение этой экспедиции, всемерную помощь и поддержку оказал ей начальник Колывано-Воскресенских заводов и гражданский губернатор Томской губернии П. К. Фролов (1775—1839). Горный инженер по образованию, он был человеком очень просвещенным, коллекционером, одним из основателей Барнаульского музея, создателем первой в стране рельсовой дороги в Змеиногорске. К. Ф. Ледебур высоко оценил содействие экспедиции, оказанное П. К. Фроловым. В отчете Совету Дерптского университета он писал: «Образованный в науках и исполненный ревностнейшего участия в успехе сего ученого предприятия, доставлял он (П. К. Фролов. — Л. Р.) мне всякое пособие, какое состояло в его власти, и отвращал, сколь возможно, все препятствия, так что мне оставалось преодолевать те только, которые сама природа в довольном количестве полагает путешественнику в сих суровых и диких странах»¹¹.

Чтобы расширить территорию исследований экспедиции, К. Ф. Ледебур разделил членов экспедиции на три отряда, которые должны были обследовать разные районы Алтая. А. А. Бунге возглавил отряд, которому К. Ф. Ледебур поручил обследование труднодоступных восточных районов Алтайского хребта, где никогда не бывали ученые-ботаники.

30 марта 1826 г. отряд А. А. Бунге, в состав которого входили три проводника и два лекарских ученика, выступил из Змеиногорска. В дневнике своего путешествия А. А. Бунге отмечал все, что по его мнению было достойно внимания. На Змеиногорском руднике его заинтересовала кузница, построенная под землей и огромное водоотливное колесо, возведенное выдающимся гидротехником К. Д. Фроловым. На Колыванской шлифовальной фабрике, где побывал А. А. Бунге, он обратил внимание на массивные колонны из зеленоволистой яшмы, огромную круглую чашу из той же яшмы и прекрасный барельеф на желтоватой яшме с изображением бюста Александра I по модели скульптора Ф. П. Толстого, над которым опытный

⁶ Хронологический обзор важнейших путешествий // Месяцеслов на 1842 г. — Спб., 1842. — С. 217.

⁷ Императорский С.-Петербургский Ботанический сад за 200 лет его существования. 1713—1913. — Спб., 1913. — Ч. III. — С. 12.

⁸ Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Казанского университета. 1804—1904. — Казань, 1904, Ч. 1. — С. 277. Работа опубликована в кн.: Nouveaux memoires de la Societe imperiale des Naturalistes de Moscou. — Paris, 1829. — Т. 1. — Р. 197—256.

⁹ Государственный архив Алтайского края (ГААК), ф. 2, оп. 1, д. 64, л. 782об—783об.

¹⁰ Записки, издаваемые от департамента народного просвещения. — Спб., 1827. — Кн. 2. — С. 255.

¹¹ Там же. — С. 277.

мастер трудился более трех лет и еще не закончил. В каменоломне на р. Белой он осмотрел огромный гранитный монолит, предназначенный для обелиска, который предполагалось установить в Барнауле в честь столетия существования Колывано-Воскресенских заводов.

В заметках А. А. Бунге есть описание юрты аборигенов и ее внутреннего убранства, одежды местного населения. Он описал обряды похорон и свадьбы, заклинаний кама (шамана) над больным. А. А. Бунге неоднократно оказывал медицинскую помощь местному населению.

Он побывал в верховьях р. Чарыш, через Устькан и Яло попал на левый приток Катунь — Урсул, поднялся по р. Чуе до Курайской степи, а затем спустился в Уймонскую долину. А. А. Бунге остановился в селении Уймон, чтобы подготовить отряд к обратному переходу, а также привести в порядок собранные коллекции. Отсюда он совершил поездку в предгорьях Холзунского хребта, покрытого вечными снегами. 28 июня в Уймон прибыл К. Ф. Ледебур. Очевидно по совету учителя, озабоченного дальнейшей судьбой любимого ученика, А. А. Бунге из Уймоны послал письмо П. К. Фролову. Он писал: «Желание познакомиться с сибирской природою заставило меня искать себе здесь должность, а путешествие... Ледебура утвердило меня в этом. Я не смел выбирать долго и по просьбе своей был определен... лекарем в Барнаул, но занятия при такой должности не соответствовали... намерениям моим». Он выразил пожелание служить у П. К. Фролова — «при начальнике, известном ученому свету, яко покровителе и поспешествователе естественных наук»¹² и просил перевести его в штат Колывано-Воскресенских заводов, надеясь, что работая в горном госпитале, он сможет больше времени уделять своим научным исследованиям. П. К. Фролов откликнулся на просьбу молодого ученого и 24 июля 1826 г. направил в Кабинет е. и. в. свое ходатайство о зачислении его врачом Барнаульского госпиталя, где не хватало лекарей. 16 ноября 1806 г. А. А. Бунге был зачислен в штат Барнаульского горного госпиталя¹³.

Из Уймоны А. А. Бунге направился в обратный путь вдоль р. Коксуна, по течению р. Чарыш, затем по Катунь и Чуе до р. Башкаус, перевалил через Теректинский ледник. Телецкое озеро, которое местное население называет Алтын-Куль — «золотое озеро», — произвело на молодого ученого большое впечатление, но из-за плохой погоды он вынужден был уехать¹⁴. 29 августа 1826 г. А. А. Бунге со своим отрядом вернулся в Змеиногорск. Во время экспедиции А. А. Бунге собрал огромное количество материалов, представляющих большой интерес для науки. Описание этого путешествия в восточный Алтай опубликовано в отчете о путешествии К. Ф. Ледебура¹⁵. Отдельно включено в тот же том описание поездки А. А. Бунге от Зыряновского рудника до верховьев Катунь¹⁶. На основании флористических сборов экспедиции 1826 года К. Ф. Ледебур вместе с А. А. Бунге и К. А. Мейером опубликовал на латинском языке четырехтомное издание «Флора Алтая»¹⁷.

Участие А. А. Бунге в экспедиции 1826 г. на Алтай не только позволило ему проявить себя отважным путешественником, исследовавшим труднодоступные районы горной страны, но и талантливым ученым — ботаником, систематизировавшим и описавшим много новых видов растений.

Один из крупнейших европейских ученых-географов К. Риттер позднее в своем классическом труде «Землеведение Азии» называл А. А. Бунге «смелым путешественником», а его маршруты по Алтаю — «труднейшими

¹² ГАКК, ф. 486, оп. 1, д. 21«а», л. 90б. — 10.

¹³ ЦГИА, ф. 468, оп. 19, д. 1587, л. 1—2, 10.

¹⁴ Азиатский вестник. — Спб., 1826. — Кн. 9—10. — С. 135—136.

¹⁵ Bunge A. Reise in den Ostlichen Theil des Altai gebirges // Ledebour C. F. Reise durch das Altai gebirges und die soongoresche Kirgisen-steppe. — Berlin, 1830. — P. 1—170.

¹⁶ Bunge A. Reise von der Syranowshen Grube zu den Quellen der Katunja. — Berlin, 1830. — P. 518—522.

¹⁷ Flora altaica, scripsit D. Carolus fridericus a Ledebour adiutoribus D. Car. And. Meyer et Al. a Bunge. — Berolini, 1829—1833.

путешествиями, но вместе с тем полезнейшими открытиями для науки и познания природы нашей планеты. Подобные путешествия служат к откровению совершенно новых стран», — писал он, — а имена путешественников, образованных людей Алтая, подобно тому, как... имя А. Гумбольдта увековечено в истории Кордильеров и всей вообще Америки»¹⁸.

После отъезда К. Ф. Ледебура в Дерпт А. А. Бунге работал врачом в Барнаульском горном госпитале, здание которого сохранилось доныне. В летние месяцы он совершал поездки по Алтаю, собирая гербарии, семейства растений и т. п. В этом его поддерживал коллега, доктор Федор Вильгельмович Геблер (1782—1850), который с 1820 г. был инспектором по медицинской части Колывано-Воскресенских заводов. Сам натуралист, основал в Барнауле музей¹⁹. К. Ф. Ледебур во время экспедиции встречался с Ф. В. Геблером, прислушивался к его советам, включил его статью о насекомых Алтая в приложение к описанию своего путешествия²⁰. После завершения экспедиции на Алтай К. Ф. Ледебур и А. А. Бунге передали Барнаульскому музею дубликаты гербария и коллекцию семян редких растений, собранных во время экспедиции. Дружба А. А. Бунге с Ф. В. Геблером, возникшая в 1826 г., соединила их на долгие годы. В Архиве Академии наук СССР в Ленинграде хранятся 137 писем Ф. В. Геблера с Алтая, которые А. А. Бунге бережно хранил. Последнее из них датировано 1843 г.²¹

Свои обязанности врача Барнаульского горного госпиталя А. А. Бунге сочетал с научными занятиями. Летом 1827 г. он побывал на Салаире. В 1828 г. он перевелся в Змеиногорск и оттуда продолжал свои поездки. Летом 1828 г. он ездил на Холзунский хребет, в 1829 г. — побывал у истоков Катунь, в 1830 г. — путешествовал по Иртышу²². Как писал К. Риттер, в 1826 г. К. Ф. Ледебур не удалось открыть истоки р. Катунь. В июне 1829 г. это открытие «удалось совершить неумоимо отважному путешественнику и ботанику доктору Бунге»²³.

В это же лето 1829 г. у А. А. Бунге состоялась встреча с человеком, сыгравшим значительную роль в судьбе молодого ученого. Это был известный немецкий ученый-натуралист, действительный член Берлинской и почетный член Петербургской АН Александр Гумбольдт (1769—1859). В 1829 г. по приглашению русского правительства он в сопровождении профессоров Густава Розе (1798—1873) — минералога и геолога, и Христиана Готфрида Эренберга (1795—1876) — естествоиспытателя, зоолога, совершил большое путешествие по России. Побывал он и на Алтае. В письме министру финансов России Е. Ф. Канкрину он писал: «Урал в горном отношении имеет, конечно, большую важность, но настоящую радость азиатского путешествия дал нам только Алтай»²⁴. 6 июля 1829 г. они прибыли в Змеиногорск. По словам Г. Розе, они приехали сюда, чтобы встретиться с участником экспедиции К. Ф. Ледебура А. А. Бунге, который только что вернулся от истоков Катунь. Описывая знакомство в Змеиногорске с интересными людьми, Г. Розе писал: «Однако мы, прежде всего, заинтересовались знакомством с г. доктором Бунге, который служил врачом в здешнем госпитале, а в 1826 г. со ст. советником Ледебуром путешествовал по Алтаю и поэтому мог дать нам наилучшие справки относительно нашего

¹⁸ Риттер К. Землеведение Азии. — Спб., 1860. — Т. 3. — С. 315—316.

¹⁹ Ниями Г. Д. Материалы Барнаульского архива о докторе Геблере // Алтайский сборник. — Барнаул, 1930. — Т. XII. — С. 70—71.

²⁰ Gebler F. Beter Kungen uber die Juschten Sibiriens vorzuglich des Altai. / Ledebour C. F. Reise in das Altai. — Aebirges und die Soongorische Kirgisch. — Steppe. — Berlin, 1830.

²¹ Архив АН СССР, ф. 66, оп. 2, д. 25—30.

²² Бородин И. Коллекторы и коллекции по флоре Сибири. — Спб., 1908. — С. 13.

²³ Риттер К. Землеведение Азии. — Спб., 1860. — Т. 3. — С. 79.

²⁴ Гумбольдт А. Ф. Центральная Азия. Исследования о цепях гор и по сравнительной климатологии. — М., 1915. — Т. 1. — С. XXXV.

дальнейшего путешествия». По его словам, А. А. Бунге сопровождал А. Гумбольдта в большинстве поездок в окрестностях Змеиногогорска²⁵.

А. Гумбольдт, описывая свое путешествие по Алтаю, ссылается на «новые исследования ботаника г. Бунге»²⁶. В своей работе «Центральная Азия», характеризуя понятие «Алтай», он ссылается на мнение «двух ученых путешественников Бунге и Гельмерсена»²⁷, гораздо более меня сведущих в познании этих стран»²⁸. Это уважительное отношение всемирно известного ученого к научным исследованиям скромного молодого врача Змеиногогорского горного госпиталя, сыграло большую роль в дальнейшей судьбе последнего.

По возвращении А. Гумбольдта в Петербург 16 ноября 1829 г. состоялось чрезвычайное заседание Академии наук, специально посвященное ему. Здесь, узнав о предстоящей научной экспедиции в Китай, в состав которой по предложению академика В. Я. Струве уже был включен астроном Е. Н. Фус, А. Гумбольдт рекомендовал на место естествоиспытателя доктора А. А. Бунге²⁹, который тотчас же ответил согласием принять участие в экспедиции. Переписка президента Петербургской АН С. С. Уварова с министром внутренних дел А. А. Закревским и Кабинетом е. и. в., которому подчинялись Колывано-Воскресенские заводы, завершилась назначением 3 мая 1830 г. А. А. Бунге, «в ученую экспедицию, отправляемую Императорской Академией наук в Китай»³⁰.

А. Гумбольдт не забыл талантливого молодого ученого. Спустя много лет, в 1854 г. в своем письме в Петербург ученому-ориенталисту, члену-корреспонденту Петербургской АН Д. А. Хвольсону среди тех, кому А. Гумбольдт передавал «сердечные приветия», был и А. А. Бунге³¹.

3 мая 1830 г. А. А. Бунге выехал из Барнаула и через Томск, Иркутск добрался до Кяхты, откуда вместе с русской духовной миссией отправился в Пекин. Он был первым ботаником, который пересек пустыню Гоби с запада и достиг Китая³². По пути в окрестностях Байкала, на территории Монголии и в Китае он собрал богатый материал, который позднее опубликовал³³. В Лейпциге он опубликовал и краткий отчет о своей поездке в Китай в 1830—1831 гг.³⁴ В Китае А. А. Бунге пробыл около года и вернулся в Барнаул 24 апреля 1832 г.³⁵ В память о поездке в Китай уже позднее, в 1834 г., когда А. А. Бунге был уже профессором Казанского университета, был сделан литографированный портрет работы художника М. Д. Резвого, изображающий молодого профессора в костюме китайского мандарина.

²⁵ Rose Gustav. Mineralogisch — geognostische Reise nach dem Ural dem Altan und dem Kaspischen Meere von Gustav Rose. — Berlin, 1837. — P. 528.

²⁶ Гумбольдт А. Путешествие в 1829 году по Сибири и Каспийскому морю. — Спб., 1837. — С. 7.

²⁷ Гельмерсен Григорий Петрович (1803—1885) — геолог, путешественник, академик. Путешествовал по Алтаю в 1834—1836 гг.

²⁸ Гумбольдт А. Центральная Азия. — М., 1915. — Т. 1 — С. 137.

²⁹ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета. 1804—1904. — Казань, 1904. — Ч. 1. — С. 277. Императорский С.-Петербургский Ботанический сад. — Ч. III. — С. 13.

³⁰ ЦГИА, ф. 468, оп. 18, д. 698, л. 2—10; ГАКК, ф. 2, оп. 1, д. 64, л. 783об.; ф. 486, оп. 1, д. 21а, л. 10—11.

³¹ Переписка Александра Гумбольдта с учеными и государственными деятелями России. — М., 1962. — С. 179.

³² Императорский С.-Петербургский Ботанический сад. — Ч. III. — С. 13.

³³ Bunge A. Skizze der Vegetation der Umgebungen des Baikalsees. — St.-Petersbourg, 1830; Idem. Enumeratio plantarum quas in China boreali, collegit dr. — Berlin, 1831. // Memoires presentes a l'Academie imperiale des sciences St.-Petersbourg par divers savans et lus dans ses assemblees. — St.-Petersbourg, 1833. — P. 75—147; Idem. Barometrisches Nivellement und Waturgemalde der Chinesischen Mongolei // Annalen der Erd. Volker und Staatenkunde. — Berlin, 1834. — Bd. 9. — N 107, 452—458; Он же. Описание новых родов и видов китайских и монгольских растений. Десяток первый. // Учен. зап. Казанского университета. — 1835. — № 4. — С. 154—180.

³⁴ Bunge A. Bruchstück des dem Jagebuche des auf dessen Peise nach China in den Jahren 1830 und 1831 // Dorpater Jahrbuch für litteratur, statistik und kunst, besonders Russlands. — Leipzig, 1835. — N 3. 251—262; N 4, 341—356.

³⁵ ЦГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 315, л. 93об.

Но Алтай продолжал его манить. А. А. Бунге обратился в Петербургскую АН с предложением продолжить ботанические исследования Алскими отчетами из Китая, разрешил А. А. Бунге предпринять новое путешествие в восточный Алтай и отпустил ему средства на эту поездку. 3 июня 1832 г. А. А. Бунге отправился к берегам р. Чуи для сбора ботанических и зоологических коллекций для Петербургской АН³⁶. Он обследовал берега р. Чуи вплоть до верховьев и истоков рек Чулышмана и Башкауса. О целях поездки А. А. Бунге на Алтай летом 1832 г. сообщалось на заседании Петербургской АН 29 декабря 1832 г.³⁷ Собранные им Алтай К. Ф. Ледебур³⁸. В сбор 1832 г. вошло 366 видов растений, из которых 57 новых для флоры Алтая, а 27 из них были впервые описаны А. А. Бунге³⁹. Обработав свои коллекции, 8 декабря 1832 г. молодой ученый выехал в Петербург для отчета перед Академией наук⁴⁰.

23 июня 1833 г. А. А. Бунге был утвержден экстраординарным профессором Казанского университета в члены-корреспонденты Петербургской АН. В 1836 г., когда К. Ф. Ледебур вышел в отставку, он рекомендовал как своего преемника в Дерптском университете А. А. Бунге, куда тот и был переведен ординарным профессором ботаники 15 апреля 1836 г.⁴¹

Таким образом, алтайский период в жизни выдающегося русского путешественника, ученого-ботаника, флориста-систематика, автора классических монографий, отмеченных научными наградами — золотой медалью Бэра и Декандолевской премией⁴², был одним из самых плодотворных. Путешествия А. А. Бунге по Алтаю, Монголии и Китаю принесли ему европейскую известность и определили ему одно из почетных мест в истории изучения этих стран.

Московский государственный
институт культуры

³⁶ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за 100 лет его существования. — Юрьев, 1902. — С. 351.

³⁷ Recueil des Actes de la seance publique de l'Academie imperiale des sciences de St.-Petersbourg tenue le 29 decembre 1832. St.-Petersbourg, 1833. — 29—30.

³⁸ Bonnge A. Verzeichniss der im Jahre 1832 am ostlichen Theile des Altai — gebirges gesammelten Pflanzen. Ein Supplement zur Flora Altaica. — St.-Petersbourg, 1836.

³⁹ Литвинов Д. И. Библиография флоры Сибири // Труды Ботанического музея Императорской Академии наук. — Спб. 1909. — Вып. V. — С. 26.

⁴⁰ ЦГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 315, л. 93об.

⁴¹ ЦГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 315, л. 94об.

⁴² Русские ботаники. — М., 1947. — Т. 1. — С. 301.

ХРОНИКА, РЕЦЕНЗИИ, ПЕРСОНАЛИИ

Всесоюзная научная конференция «Народности Севера: концепция социального и экономического развития в условиях научно-технического прогресса».

10—12 ноября 1988 г. в г. Новосибирске (Академгородке) состоялась Всесоюзная научная конференция, в работе которой приняли участие 497 человек, из них 1/3 представляли научные работники, 1/3 — работники управления и 1/3 — представители коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. В работе конференции участвовали 19 делегаций национальных автономий, краев и областей РСФСР, в том числе Бурятской, Карельской, Коми, Якутской АССР; Корякского, Ненецкого, Таймырского, Ханты-Мансийского, Чукотского, Эвенкийского АО; Архангельской, Амурской, Камчатской, Сахалинской, Тюменской, Читинской областей; Красноярского, Приморского, Хабаровского краев. В составе этих делегаций было 115 представителей народностей Севера, составивших 23,2 % всех участников конференции.

Перспективы социального и экономического развития народностей Севера обсуждали ведущие ученые академических учреждений страны, научные работники отраслевых научно-исследовательских учреждений, руководители министерств и ведомств РСФСР, работники управления автономных республик, краев и областей, имеющих районы проживания народностей Севера. Среди них было 6 академиков и членов-корреспондентов Академии наук СССР, Академии медицинских наук СССР и ВАСХНИЛа, 37 докторов наук, 125 кандидатов наук, 4 члена Союза писателей СССР.

Одна из особенностей современного общественного развития — обострение проблем национальной жизни и межнациональных отношений, вызванное административно-бюрократическими методами управления многонациональным советским государством. Важным условием успешного практического разрешения назревших проблем является учет конкретных потребностей социального, экономического, культурного развития республик, автономных образований, национальных групп, в том числе народностей Севера, научно-практическое осмысление сложившейся ситуации.

Задачи предшествующих периодов, ориентированные на преодоление вековой отсталости народностей Севера, включение их в процесс строительства социализма, практически решены, и прежние концептуальные и стратегические положения во многом исчерпали свою позитивно-преобразующую роль. В этих условиях сохранение прежних подходов, недостаточно динамичное реагирование науки на новые запросы практики сдерживают поступательное движение народностей Севера.

Выбор стратегических перспективных решений предполагает необходимость разработки концепции развития народностей Севера на перспективу. Научно-теоретические и научно-практические предпосылки для формирования такой концепции уже имеются. Межведомственная и междисциплинарная кооперация осуществляется на основе специальной программы координации исследований «Социальное и экономическое развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса», объединяющей 34 организации 24 министерств и ведомств. Программа разработана и реализуется Региональной межведомственной комиссией по координации комплексных социально-экономических, медико-биологических и лингвистических исследований проблем развития народностей Севера, организованной правительством РСФСР на базе Сибирских отделений АН СССР, АМН СССР, ВАСХНИЛ.

Учитывая чрезвычайную сложность разработки не имеющей аналогов концепции, необходимость ее широкого обсуждения с участием самих народностей Севера, Региональная межведомственная комиссия и ее головные организации на подготовительном этапе в 1986—88 гг. провели 9 семинаров, совещаний, конференций и издали 22 материала объемом 35 п. л., содержащих обоснование концептуальных решений как по отдельным научным направлениям и сферам жизнедеятельности, так и по всему комплексу проблем развития народностей Севера.

Неординарность этих проблем, необходимость решения их в комплексе, существование альтернативных вариантов подчеркивали выступившие на пленарных заседаниях конференции академик А. П. Деревянко и академик АМН СССР Ю. И. Бородин, зав. сектором ЦК КПСС Г. А. Шипилов, первый заместитель председателя Совета Министров РСФСР Ф. А. Табеев, члены-корреспонденты АН СССР В. И. Бойко и А. Г. Гранберг. Были отмечены широкое и активное участие в подготовке и работе конференции представителей народностей Севера, важность и актуальность целей и задач конференции в свете перемен, совершающихся в советском обществе, назревшей необходимости решения проблем национальных и межнациональных отношений.

Общая концепция, отдельные ее составляющие, конкретные предложения обсуждались на заседаниях восьми «Круглых столов», в работе которых участвовало 397 человек, выступили 211 человек.

Проблемы интернационализации общественной жизни народностей Севера, особенно индустриально-политического устройства и форм самоуправления, правового обеспечения и регулирования общественной жизни; развития материального производства как использования природных биологических и новых отраслей хозяйства, рационального использования трудовых ресурсов и охраны окружающей среды, быта; повышения уровня жизни; преобразования архитектурной среды жизнедеятельности; особенности современного этнокультурного развития народностей Севера, традиции, взаимодействия родных и русского языков, пути сохранения и перспективы функционирования языков народностей Севера; национальные литературы и фольклор; школы, профессиональная ориентация и подготовка молодежи, роль семьи в сохранении и развитии здоровья народностей Севера обсуждали философы, социологи, этнографы, историки, филологи, юристы, биологи, демографы, медики, строители, партийные работники и работники органов управления, представители интеллигенции народностей Севера.

Участники дискуссии отмечали необходимость новых подходов в разработке концепции, имея в виду социальное и экономическое развитие народностей Севера и районов их проживания, настаивали на необходимости коренной перестройки как в науке, так и в практическом управлении, поиске действительных условий свободного и всестороннего развития личности, путей дальнейшего прогрессивного развития всех народностей Севера.

По итогам работы конференции принято развернутое решение. Представленный проект концепции социального и экономического развития народностей Севера на перспективу утвержден в качестве основы. Избрано бюро редакционной комиссии в составе: чл.-корр. АН СССР В. И. Бойко — председатель, С. И. Балабанов, д-р экон. наук Е. Г. Егоров, академик АМН СССР К. Р. Седов, д-р биол. наук А. И. Соломаха, д-р ист. наук З. П. Соколова — заместители, канд. филос. наук С. Н. Еремин — отв. секретарь. Признано целесообразным доработанную концепцию рекомендовать в качестве теоретического основания при формировании государственного плана социально-экономического развития народностей Севера до 2010 г.

Участники конференции признали необходимым создание Центра по изучению и координации исследований проблем развития народностей Севера на базе Сибирских отделений АН СССР, АМН СССР, ВАСХНИЛ.

М. М. Траскунова

Исследования звуковых систем языков аборигенов Сибири и сопредельных регионов.

13—15 декабря 1988 г. в Новосибирске (Академгородке) состоялась III-я Всесоюзная конференция «Исследования звуковых систем языков аборигенов Сибири и сопредельных регионов», организованная Лабораторией экспериментально-фонетических исследований Института истории, филологии и философии СО АН СССР. В ее работе приняли участие около 90 представителей 10 НИИ и 29 вузов из 25 городов 7 союзных и 5 автономных республик, а также 2 автономных областей. Конференция подвела итоги работы фонетистов за 5 лет, прошедших после II-й Всесоюзной фонетической конференции (Новосибирск, 1983), определила и скоординировала задачи предстоящих исследований.

На 4-х пленарных и 3-х секционных заседаниях было заслушано и обсуждено 64 доклада (из 120 заявленных) по проблемам общей фонетики и фонологии, вопросам изучения звукового состава и систем фонем языков и диалектов Сибири и сопредельных территорий (тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, финно-угорских, обско-угорских, самодийских, енисейских, палеоазиатских) в синхронии и диахронии. Важно отметить возросший интерес фонетистов-экспериментаторов к исследованию просодических систем, морфонологических и фоноэстетических процессов, перцептивной фонетики — направлениям, мало разработанным в сибирских исследовательских центрах.

Открывая конференцию, директор ИИФФ акад. А. П. Деревянко (Новосибирск) отметил актуальность задач, стоящих перед созданной заслуженным деятелем науки Тувиной АССР В. М. Наделевым сибирской фонетической школой. Сложившаяся языковая ситуация требует принятия экстренных мер по фиксации и всестороннему изучению языков малых народов Сибири, претерпевших значительный урон из-за серьезных ошибок в практике проведения языковой политики, в связи с чем возникла реальная опасность исчезновения целого ряда языков, уже сейчас насчитывающих предельно ограниченное число носителей. Экология культуры, важнейшей составляющей которой является язык нации, нуждается в защите. Деятельность сибирской фонетической школы направлена на объединение усилий представителей академической, отраслевой и вузовской науки в рамках комплексной целевой программы «Культурное наследие народов Сибири и русского народа».

Большой интерес вызвал доклад В. Б. Касевича (Ленинград) «Синтагма и восприятие», в котором рассматривалась роль синтагмы как оперативной единицы в процессах восприятия речи. Приводились данные экспериментов на материале русского, китайского, японского языков, демонстрирующие разную структуру перцептивно вычисляемых синтагм в зависимости от типа языка и динамику членения на синтагмы в пределах текста.

Б. Б. Феер (Томск) в докладе «Фонация гласных» предложил учитывать вид звуковой фонации и способ ее протекания при решении спорных вопросов релевантности сегментных и суперсегментных явлений. Состав гласных фонем в сагайском и качинском диалектах хакасского языка выявила Г. В. Кыштымова (Новосибирск). Конститутивно-дифференциальные признаки, структурирующие подсистемы гласных в ряде тюркских языков, анализировались на материале шорского языка Ф. Г. Чиспиной и Н. В. Шапловой (Новокузнецк), кумандинского — И. Я. Селютиной (Новосибирск), чалканского — В. Н. Кокориным (Барнаул), бачатско-телеутского — Н. В. Гаврилинским (Барнаул), кумынского — Н. Х. Ольмесовым (Махачкала), узбекского — С. А. Атамирзаевой (Ташкент). Исследование артикуляционно-акустических характеристик фарингализованных гласных и горлового пения позволило К. А. Вичелдею (Кызыл) констатировать наличие корреляции стиля «сыгыт» с фарингализацией. В. И. Татаринцев (Кызыл), рассмотрев «Особенности перехода а > ы в первых слогах слов тувинского языка» в ареальном, дистрибутивном и хронологическом планах, пришел к выводу о его независимом и автономном развитии. «О некоторых фонетических процессах в системе селькупских гласных» сообщила Н. В. Денинг (Томск).

Диахронический аспект консонантных субсистем отражен в докладе А. И. Широбоковой (Новосибирск) «Процессы спирантизации в тюркских языках Сибири», Я. А. Глухого, Ш. Ц. Купера, Ю. А. Морева (Томск) «К истории звонких согласных в энецком языке», Ш. Ц. Купера (Томск) «Звонкие шумные согласные фонемы в селькупском языке», Н. Б. Бадгаева (Элиста) «О неустойчивости аффрикат в алтайских языках». Система регулярных кето-шумерских звукосоответствий выявлена М. В. Филимоновым (Томск). Корреляции вокальных и консонантных систем посвящены доклады Р. Ф. Денинга (Томск) «Редукция безударных гласных и ее влияние на консонантизм кетского языка» и Ю. А. Морева (Томск) «Проблема долготы в звуковом строе селькупского языка».

М. И. Трофимов (Ом), анализируя «Фразовое и логическое ударение в тюркских языках» и трактуя фразовое ударение как компонент акцентной характеристики тюркского слова, привел ряд примеров, подтверждающих существование этого фактора как отличного от собственно словесного или тактового ударения. «Некоторые проблемы акцентуации татарского языка» рассмотрел Х. Х. Салимов (Елабуга). Характер, локализация и функциональная нагрузка словесного ударения в языке казыхских ханты составили предмет исследования Г. Г. Куркиной (Новосибирск). Итонационные системы подверглись анализу в докладах А. Н. Нурмахановой (Алма-Ата), К. Н. Бурпаковой (Кызыл), В. М. Мохосоевой (Улан-Удэ) и др.

Вопросы тюркской синтагматики нашли отражение в докладах Баймахановой Т. М., С. Б. Жапабаевой (Джамбул), А. Н. Быковского (Ленинград), Р. Э. Кулышариповой (Казань), Т. И. Ибрагимовой (Казань). Основные направления фоностилистических исследований наметил Е. И. Нурахметов (Камыл-Орда). Проблемы фонетической интерференции в условиях тюрко-русского билингвизма освещены М. К. Исаевым, С. Джакиповым, А. Джунисбековым, Ж. Назбиевым, Б. К. Калиевым (все — Алма-Ата), Ж. Абуовым (Камыл-Орда), В. А. Исаковым (Барнаул). Диалектная фонетика представлена в докладах Д. Г. Тумашиной, Т. И. Ибрагимовой, Г. М. Супгатовой (Казань) «Фонетическая система заболотного говора западно-сибирских татар», М. Б. Мартанов (Кызыл) «Фонетические особенности тувинского диалекта Северо-Западной Монголии», А. И. Кузьминой (Новосибирск) «К вопросу о фонетическом строе говора с. Толька (селькупский язык)», Д. Маркус, С. Саркиса (Рига) «Латышский язык в некоторых поселениях Сибири и Башкирии (о просодии и системе вокализма)». Морфологические процессы, возникающие на уровне именного и глагольного словообразования в языках различных систем освещены Е. П. Болдыт (Барнаул) «Морфология и дериватология (на материале иганасанского языка)», А. А. Ким, Н. Г. Кузнецовой (Томск) «О чередовании ступеней в именной и глагольной парадигмах в селькупском языке», В. И. Золхоевым (Улан-Удэ) «Изменения фонемного состава морфем». А. В. Есипова (Новокузнецк) заострила проблему возрождения и развития шорской письменности.

В рамках конференции под председательством В. Б. Касевича состоялся симпозиум по дискуссионным проблемам сингармонизма — явления, характерного для языков урало-алтайской типологической общности. Раскрывая специфику сингармонизма в селькупском языке и рассматривая его как остаточное явление, Ю. А. Морев (Томск) признал ведущим началом в организации селькупского слова ударение, а не сингармонизм. Оригинальная трактовка тюркского сингармонизма как нивелирующего ударение предложена А. Джунисбековым (Алма-Ата) в докладе «Фонология сингармонизма и синлабическое письмо». Компромиссное решение проблемы предложено А. В. Кабановым (Абакан), по мнению которого ударение и сингармонизм сосуществуют в хакасском языке. Рассматривая сингармонизм как явление, определяющее весь фонетический облик слова — его вокализм, консонантизм и синлабику, С. Куропов (Ашхабад) выделил для туркменского языка 12 сингармонических слоготипов. Особенности реализации губной гармонии гласных в туркменском языке и ее роль в организации фонетической цельнооформленности слова доложил Д. Гокленов (Ашха-

бад). Констатируя «Случаи нарушения гармонии гласных в негидальском языке», М. М. Хасанова (Владивосток) высказала предположение о начавшемся разрушении сингармонической системы, истоки которого следует искать в истории развития языков. А. Орусбаев, К. К. Умуралпева (Фрунзе) в докладе «Сингармонизм и проблема совершенствования графики и орфографии киргизского языка» обосновали целесообразность введения в киргизский алфавит букв для обозначения глубокоязычных согласных, поставили ряд новых задач по совершенствованию графики и орфографии. Дискуссии, возникшие на симпозиуме по проблемам истории сингармонизма, его характера и фонологической сущности, стали значительным шагом к достижению взаимопонимания лингвистов. Конференция приняла ряд постановлений и рекомендаций, направленных на совершенствование фонетических исследований.

И. Я. Селютина

Научная конференция «Проблема художественности и стиля в литературной критике».

В конце минувшего года состоялась традиционная научная конференция «Проблема художественности и стиля в литературной критике», организованная Сектором русской и советской литературы ИИФФ СО АН СССР. В течение нескольких последних лет в центре внимания Сектора находятся проблемы изучения литературной критики региона, создается фундаментальный обобщающий труд по истории литературно-критической и эстетической мысли Сибири. По данным проблемам выходят серийные сборники, ведется сбор библиографического материала, подготавливаются монографические исследования, хрестоматия и другие издания.

Целью настоящей конференции стало углубление научного поиска, выработка теоретических и методологических подходов, открытие нового фактического материала, а также обсуждение структуры будущего двухтомника «История литературной критики Сибири».

Конференцию открыл заместитель директора ИИФФ, д. и. н. Р. С. Васильевский, подчеркнувший плодотворность и научную стабильность «декабрьских» конференций литературоведов, в которых принимают участие писатели, критики, работники издательств Сибири и Дальнего Востока, других регионов. Он отметил актуальность вопросов, связанных с изучением литературно-критической мысли, ее роли в становлении общественного самосознания и культурных процессов Сибири.

Ряд выступлений на конференции были посвящены различным аспектам эволюции литературно-критической и эстетической мысли в XVIII—XIX вв., на рубеже двадцатого столетия. В докладе д. ф. н. В. Г. Однокова «Областническая критика и проблема экологии культуры» акцентировалось внимание на оценке сибирского сепаратизма, литературно-критической деятельности Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, А. П. Шапова, их общественной позиции, борьбы за областнические идеи. По мнению докладчика, регенерация сибирской культуры невозможна без тщательного изучения этих крупных региональных явлений, существенно влиявших на ход развития отечественной мысли.

Богатый монографический материал был представлен в докладе д. ф. н. Ф. З. Кануновой (Томск) «Общественно-литературная деятельность декабристов как фактор развития литературного сознания Сибири. М. С. Лунин», исследователя особю выделила лунинские «Письма из Сибири» — своеобразную программу его эстетических и критических взглядов, сформировавшихся в сибирский период. В этих сибирских сочинениях автор наиболее полно из декабристов выразил концепцию теории народности и в этом плане рассматривается докладчиком как предтеча Герцена.

Своеобразным итогом напряженной изыскательской работы стал доклад д. ф. н. А. С. Янушкевича (Томск) «Место и значение критической деятельности Г. И. Спаского», основанный на новых документах архива известного литературного деятеля. В докладе обстоятельно проанализирована проблема историзма в сибирской краеведческой критике 1810—1830 гг.

Доклады к. ф. н. И. А. Поплавской «Сибирская тема на страницах журнала „Вестник Европы“ (1802—1830)» и к. ф. н. Е. Г. Новиковой «Н. И. Наумов — критик» (Томск), несмотря на различия материала, исторических эпох, имели общий существенный аспект: роль сибирки в общественном процессе, демократический характер литературно-эстетической мысли Сибири.

О роли культурно-просветительской деятельности декабристов в Сибири сообщалось в докладе к. ф. н. Ю. В. Шатина «Декабристы и развитие литературного и культурного движения в Сибири». Докладчик выделил малозученную проблему — черты сибирского характера в наблюдениях и замечаниях декабристов, философско-эстетическую концепцию этого характера.

Новые критические имена, жанровое многообразие критических выступлений, их идеологическая платформа были представлены в докладе В. Н. Шапошникова «Литературно-художественная критика „Восточного обозрения“ (1882—1906)». К. ф. н. Е. А. Куклина в докладе «Проблемы изучения художественности региональной критики второй половины XIX — начала XX вв.» раскрыла важные моменты поэтики критического слова В. Г. Короленко и других видных литераторов и публицистов рубежа веков.

Изучение литературно-критической мысли Сибири советского периода на конференции нагляднее всего проявилось в наблюдениях над журнальной и газетной периодикой. Это доклады и сообщения писателя М. Д. Сергеева «Литературная критика журнала „Будущая Сибирь“ (Иркутск)», Г. П. Аникиной «Литературная критика в газете „Дальневосточный путь“ (1922—1925)» (Хабаровск), Е. Н. Проскуриной «Литературная критика периодических изданий 20—30-х гг. „Книжная полка“, „Просвещение Сибири“, „Литературная Сибирь“».

Несколько докладов характеризовали развитие литературно-критической мысли на страницах старейшего советского журнала «Сибирские огни». Среди них — доклад Зав. Сектором русской и советской литературы ИИФ СО АН СССР к. ф. н. Л. П. Якимовой «Литературная критика 30-х гг. в региональном аспекте», в котором полемически заостренно ставилась проблема возникновения и практического утверждения метода социалистического реализма, приводились многочисленные примеры обсуждения теории соцреализма в журналах тех лет. Канд. филол. наук Э. А. Бальбуров в докладе «Внелитературные факторы в работе отдела критики журнала „Сибирские огни“ 1960-х гг.» рассмотрел сложную идеологическую борьбу этого периода, привел многочисленные факты административно-бюрократического давления, «проработочных» методов руководства культурой и литературой.

Редактор Восточно-Сибирского издательства В. А. Семенова (Иркутск) в сообщении «Литературная критика на страницах альманаха „Ангара“ (50—70-е гг.)» сумела дать весьма широкую картину «бытования» критических жанров в этом периодическом органе, соотнесла многие оценки тогдашних критических выступлений с сегодняшним днем.

Доклад к. ф. н. Э. Г. Шика (Омск) «Современный литературный процесс и критика Сибири» наметил некоторые методологические аспекты, связанные с перестройкой в литературе.

Проблемы развития национальной литературы в русской критике получили определенную оценку в докладе к. ф. н. М. П. Татаринцевой (Тува) «Вопросы тувинской литературы в русской критике (национальный аспект в русской критике)».

Д-р ф. н. Н. М. Шляхова (Одесса) в своем выступлении отметила значение исследований сибирских литературоведов в общесоюзном критическом процессе, остановилась на ряде спорных проблем интерпретации положительного героя, а также подчас вульгаризаторской трактовки проблемы типического.

Конференция открыла новые пути воссоздания целостной картины региональной критики как важной стороны литературного движения и всей духовной жизни огромного края, подтвердила единство русского культурно-исторического процесса во всех его звеньях — истории литературы, истории литературной критики, журналистики и публицистики.

Б. М. Юдалевич

I Всесоюзная конференция оружейников и военных историков.

В мае 1987 года на общем собрании Всесоюзной Ассоциации востоковедов по предложению члена президиума ВАВ, известного востоковеда и этнографа, профессора Р. Ф. Итса было принято решение о создании Комиссии по военной истории народов Востока.

В сентябре Бюро Президиума ВАВ информировало специалистов по оружейведению и военной истории, работающих в различных научных учреждениях, высших учебных заведениях, музеях и других организациях по всей стране о принятом решении и высказало пожелание внести свои предложения по плану работы КВИНВ.

В октябре под эгидой КВИНВ был проведен круглый стол по проблемам военной истории народов Востока в Центральном лектории общества «Знание» в г. Москве, на котором выступили с докладами и ответили на вопросы присутствующих к. п. н. С. А. Школяр (ЛОИВ АН СССР), к. п. н. М. В. Горелик (ИВ АН СССР), к. п. н. Ю. С. Худяков (ИИФ СО АН СССР).

В ноябре-декабре в КВИНВ начали поступать предложения по основным направлениям и формам научной, организационной, редакционно-издательской, учебной и культурно-просветительной работе новой научной организации.

Наконец, 21—22 апреля 1988 года в г. Москве состоялась учредительная конференция, на которой была создана Комиссия по военной истории народов Востока, определена ее организационная структура, основные направления и формы работы. В работе конференции приняли участие многие известные ученые, востоковеды, археологи, военные историки, оружейники, работники музеев и ВООПИК, офицеры вооруженных сил из различных научных, культурно-просветительных и военных учреждений, высших учебных заведений из Москвы, Ленинграда, Киева, Казани, Уфы, Харькова, Грозного, Баку, Алма-Аты, Новосибирска.

Оружейников Сибири на конференции представляли к. п. н. Ю. С. Худяков, Ю. А. Плотников (ИИФ СО АН СССР), М. В. Мороз (ЛГИ НГУ).

Первое заседание было посвящено обсуждению планов работы Комиссии на предстоящие годы. Основные задачи военной истории Востока, вопросы хронологии и пе-

риодизации, роли войн и военных реформ, роли религии и политики в военном деле были изложены в выступлении В. А. Золотарева (Москва).

В развернувшейся дискуссии выступили С. А. Школяр (Ленинград), М. В. Горелик (Москва), С. Г. Кляшторный (Ленинград), О. В. Зотов (Москва), В. Н. Камин (Москва), А. С. Юнусов (Баку), Е. В. Черненко (Киев), А. А. Колесников (Москва), С. В. Волков (Москва), В. В. Чубаров (Москва), А. А. Гулунян (Москва), Б. А. Иванов (Москва), Д. Ю. Чахкиев (Грозный).

Все выступавшие единодушно поддержали создание всесоюзной организации военных историков и оружейников. Высказывались разные предложения о создании секций Комиссии, образование которых может происходить по хронологическому, территориальному или тематическому принципу. Ряд выступавших (С. А. Школяр, С. Г. Кляшторный, А. С. Юнусов) выразили сомнение в возможности написания в ближайшие годы многотомной «Военной истории народов Востока», создание которой намечено в качестве одной из основных задач Комиссии. Высказывались предложения издавать отдельные монографии, сборники, учебные пособия по военной истории. Подчеркивалось значение военно-исторических и оружейниковских исследований для понимания исторических процессов в странах Востока в древности и современности. Предлагалось издавать сборники источников по военному делу народов Востока.

Участники конференции обсудили и приняли Положение о КВИНВ, избрали председателем комиссии В. А. Золотарева, членами Бюро комиссии: В. А. Золотарева, А. А. Колесникова, М. А. Горелика, С. А. Школяра, А. С. Юнусова, Ю. С. Худякова, Д. Ю. Чахкиева, А. И. Полищука, Р. Ф. Итса, Б. А. Иванова, В. В. Чубарова, Е. В. Черненко, В. Ф. Запорожца, А. А. Гулуняна, Э. Г. Аствацатурян, О. К. Дрейера и др. Одно место в составе Бюро было зарезервировано для представителя Института военной истории. Председателем Сибирского филиала (отделения) КВИНВ избран Ю. С. Худяков, Украинского — Е. В. Черненко. Ответственным редактором периодического издания Комиссии — Беллунта КВИНВ избран А. А. Колесников.

Второе заседание конференции было посвящено научным докладам и сообщениям.

С докладами о проблемах изучения военной истории Афганистана и Турции выступили А. И. Полищук и В. Ф. Запорожец. Авторы отметили недостаточную исследованность тематики, охарактеризовали круг источников, особенности армии и вооружения.

В выступлениях В. В. Чубарова и О. В. Зотова были затронуты теоретические вопросы, касающиеся понятия „Восток“, упомянуты достижения военно-политической мысли прошлого.

Сообщения С. А. Школяра и А. С. Юнусова были посвящены источниковедению военной истории Китая и мусульманских стран. Выступавшие перечислили основные труды китайских, арабских и персидских авторов по военному искусству.

В докладе Ю. С. Худякова были проанализированы новые находки средневекового оружия на территории Монголии. М. В. Горелик посвятил свое выступление вопросам взаимодействия кочевых и оседлых народов в военном деле. И. Л. Измайлов охарактеризовал военное искусство и вооружение волжских булгар.

Большой интерес вызвал доклад Ю. А. Плотникова об эволюции клинкового оружия в Северной Азии.

М. Басханов сообщил о перспективах изучения военной истории Восточного Туркестана.

Конференция продемонстрировала актуальность создания научного объединения военных историков и оружейников. Образование КВИНВ должно способствовать активизации оружейниковских и военно-исторических исследований в масштабах всей страны.

Ю. С. Худяков

Б. Н. Попов. Социалистические преобразования семейно-брачных отношений у народов Якутии. Историко-социологический аспект. Новосибирск, 1987. — 321 с.

Советское североведение, постепенно углубляясь, осваивает новые темы, поднимает новые проблемы. В последние годы усилиями советских ученых изучены особенности семейной жизни у отдельных народов. Однако в этом плане до сих пор очевидное преимущество принадлежит историкам-этнографам. Рецензируемый труд является этносоциологическим и посвящен социалистическим преобразованиям семейно-брачных отношений у коренных народов Якутии. Семья у северных народов — якутов, эвенков, эвенов, чукчей и юкагиров — исторически является важной стороной их общественной жизни. Несмотря на это, она остается до сих пор малопроследованной в историческом и практически почти неизученной в социологическом плане.

В рассматриваемой монографии с точки зрения методологии и методики выбран верный подход — историко-социологическое сопоставление современной семейной жизни у этих народов с их досоветской семейной жизнью. Такой подход правомерен именно для изучения трансформаций семьи у ранее отсталых народов и имеет ряд не-

оспоримых преимуществ, о которых справедливо указывает автор (с. 36—37). Этот подход отвечает не только глубокому изучению национально-специфического в семейно-брачных отношениях, но и предполагает выяснение того, как и каким образом национально-специфическое в этой области общественных отношений постепенно наполняется интернациональным содержанием и какими путями оно превращается в единое, интернациональное, общесоветское. В то же время интернациональное в семейно-брачных отношениях у северных народов не отменяет национально-специфические особенности этих отношений. Эти особенности, как показывает автор, конкретно у изучаемых народов во многом определяются: а) историческим прошлым, дореволюционным социальным строем и культурой; б) характером труда и жизнедеятельности; функционированием семьи в экстремальных природно-климатических, естественно-географических условиях; уровнем и направлением развития производительных сил; своеобразии ведения традиционного хозяйства, которым с давних времен занято коренное население северо-востока страны; удаленностью от промышленных и культурных центров; особенностями производственной и социальной инфраструктуры; дисперсным расселением; в) огромными миграционными процессами интонационального населения; г) и, что самое важное, — чрезвычайной краткостью исторического срока глубинных социальных преобразований, которые произошли за годы социалистического развития во всех сферах жизни этих народов (с. 30—34).

В отличие от многих авторов, которые традиционно утверждают, что малые народы Крайнего Севера в дореволюционный период находились на этапе первобытно-общинного строя, Б. Н. Попов совершенно верно описывает наличие у этих народов моногамии и, соответственно, классовых отношений. Наряду с этим он допускает неточность: «На рубеже XIX—XX столетий все народы Якутии стояли почти на одинаковых уровнях докапиталистического социально-экономического развития» (с. 38). Конечно, они «находились на различных ступенях социально-экономического развития» (с. 298), что утверждается и в заключении книги.

В монографии приводится богатый исторический материал об эволюции семейно-брачных отношений народов Якутии в дореволюционный период, данные этнографической литературы о коренных преобразованиях в семейных отношениях в процессе социалистического строительства и социологический анализ официальных документов и полевых исследований, в том числе проведенных самим автором. Нельзя не согласиться с выводами и предложениями в книге (с. 136—138, 158, 196, 243—246 и др.), которые представляют собой обобщение конкретных фактов. Особую новизну представляют материалы, посвященные современному состоянию семейных отношений на севере, их обобщение. Основанием для выводов автора о тенденциях развития национальной семьи служит анализ целого ряда социальных явлений, определяющих это развитие: урбанизация, распространение стандартов городского образа жизни, повышение образовательного уровня обеих полов, изменения положения женщины в обществе и, соответственно, в семье; участие женщины в производственном труде, в развитии культуры, в общественной деятельности и т. д. Интересна и в то же время дискуссионна глава, где речь идет о развитии межнациональных браков как проявления интернационализации образа жизни северных народов. Однако, как и в других работах по национальным отношениям, здесь встречается упрощение, поверхностный подход. Мы забываем, что «самоотверженность, трудолюбие и интернационализм» (с. 293), как черта характера присуща отдельным людям всех национальностей, а не отдельным нациям. Общеизвестно, что каждый народ состоит из отдельных людей, которым присущи различные, противоположные черты характера. Вызывает дискуссию выделяемый автором ряд: «межплеменные или межродовые браки», «межэтнические браки», «межнациональные браки» (с. 247—250). Ряд этот сам по себе построен несколько некорректно: племя, и род, и нация (народ) — все этнические общности. Такое выделение вводит путаницу в общепринятых терминах. Кроме того, следовало бы поспорить и по поводу научных дефиниций автора «национальные особенности», «национальные отличия», «своеобразие семейных отношений данного народа» (с. 21—22). Логика исследования требует еще обоснования понятий «национальная семья», «национальная семейная культура», «семейно-брачные отношения народов» и т. д. Встречаются иногда досадные ошибки. К примеру, на с. 43 написано, что на вопросы анкеты ответило 1000 эвенков, что для них многовато.

На основе принципа единства исторического и логического, автор исходит из положения, что изучение социалистических семейно-брачных отношений у народов, прошедших некапиталистический путь развития, методологически не должно ограничиваться лишь современными процессами, а должно распространяться и на прошлое. Он смог умело использовать разнородные и многочисленные факты гражданской истории не как самоцель, а как объективный социологический источник, что позволило замечать перемены в семье и обнаруживать те силы, которые формируют различные типы семьи и раскрывают саму динамику социалистических преобразований. В то же время не везде автор последовательно придерживается историко-социологического сопоставления изменений семейных отношений у изучаемых народов. Исчезает из поля зрения исследователя национально-особенное тогда, когда он освещает такие важные вопросы, как состояние людей в браке и динамику разводов.

Заслуживают внимания общественности практические предложения и рекомендации автора по совершенствованию семейных отношений. Они вытекают из исследования национально-региональных особенностей развития семейных отношений. Следует подчеркнуть, что все рекомендации автора основаны на отражении реальных процессов и явлений семьи и брака народов Якутии.

Труд Б. Н. Попова ценен стремлением отразить реальные процессы развития семьи. Он вносит заметный вклад в этносоциологическую литературу.

Волков С. В. Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи. М., «Наука», 1987.

М. Н. Борисов

Исследование С. В. Волкова представляет собой довольно редкое в нашей науке явление. Оно написано на тему, которая не часто привлекает внимание историков. В нашей историографии практически отсутствуют работы, в которых бы исчерпывающе освещалась структура государственного аппарата какого-либо из средневековых государств и распределение в нем чиновничества. В лучшем случае в ряде общих трудов по истории отдельных государств имеются небольшие соответствующие разделы, в большинстве же подобных работ либо вообще не затрагиваются эти вопросы, либо о них говорится вскользь. Крайне редко становится предметом специального исследования и господствующий класс традиционных обществ. За немногими исключениями его состав, структура и пути формирования освещаются лишь на уровне общих рассуждений.

Между тем, изучение служилых слоев, их структуры, места и роли в обществе имеет очень важное значение. Значение это тем более велико, что речь идет о странах, входивших в ареал распространения китайской политической культуры (к числу которых принадлежит и Корея), поскольку в этих обществах социальный статус человека в значительной степени, а часто и полностью обуславливался его местом в государственной иерархии.

Монография С. В. Волкова посвящена служилым слоям средневековой Кореи — чиновничеству и аристократии, которые были тесно связаны между собой и составляли господствующий класс общества. В соответствии с этим книга состоит из двух частей: первая посвящена изучению государственного аппарата и чиновничества, а вторая — аристократии. Формирование и развитие служилых слоев в Корею рассматривается автором с первых веков нашей эры до средневековья (до конца XIV в.). С. В. Волков прослеживает процесс возникновения чиновничества как социальной группы, рассматривает условия службы чиновников, систему поощрений и наказаний. Специальные разделы посвящены чиновничеству раннесредневековых государств Когурё и Пэкче, существовавших на Корейском полуострове до середины VII в., по основному внимание уделено, естественно, системе государственного управления государства Силла, объединившего полуостров под своей властью и существовавшего до начала X в. Подробно исследуется формирование и развитие центрального аппарата Силла и его структура. С. В. Волковым проведена кропотливая работа по реконструкции чиновно-должностной иерархии этого государства, группировке десятков должностей в зависимости от предусмотренных для них чинов и рангов. Особые разделы посвящены провинциальному и военному чиновничеству Силла. Далее автор исследует процесс складывания административной системы сменившего Силла государства Корё. Отдельно рассматривается структура столичного аппарата, военное и провинциальное чиновничество. В заключительном разделе определены характерные черты развития административной системы средневековой Кореи, соотношения между гражданским столичным, провинциальным и военным чиновничеством, различными должностными категориями чиновничества внутри каждой из этих групп и чиновничества в целом в периоды Силла и Корё.

Во второй части книги рассматривается место аристократии в сословной системе Силла, престолонаследие и брачная политика правителей этого государства, роль аристократии в государственном управлении и политической жизни Силла. На основании систематизации встречающихся в источниках около полутора тысяч упоминаний о более чем 900 деятелях Силла делается попытка дать групповой портрет правящей элиты этого государства. В последнем разделе прослеживаются изменения в составе правящей элиты в период Корё, исследованные на материале биографий 750 высших сановников государства.

К числу основных достоинств работы С. В. Волкова следует отнести ее исчерпывающий характер, стремление осветить выбранные для исследования вопросы с максимальной полнотой. Необычайная насыщенность текста цифрами и терминами (особенно первой части, где их встречается по несколько десятков на каждой странице) сильно затрудняет восприятие, но, видимо, является неизбежной при выполнении поставленной задачи. Напротив, те разделы второй части, где речь идет о роли аристократии в политической жизни страны, написаны очень увлекательно, фактически представляя собой очерк истории Силла «в лицах» (которая, кстати, нигде у нас больше так не изложена).

Особо следует отметить широкое применение автором количественных методов исследования и ЭВМ. Собственно, только это и позволило обработать огромный материал, касающийся многих сотен лиц. При изучении социальной структуры общества применение количественных методов исследования совершенно необходимо, но к сожалению, в отечественном востоковедении встречается крайне редко.

Самостоятельную ценность представляют пять приложений, выполненных в виде таблиц, в которых исчерпывающе представлены структура и штаты государственных учреждений Корё (эти указатели, включающие многие сотни учреждений и должностей, позволили облегчить соответствующую часть основного текста), а также генеалогические таблицы правящих родов Силла и данные о сословной регламентации одежды

и предметов быта в стране. В сочетании с данными по аппарату Силла в основном тексте вся книга может служить одновременно и справочником по средневековому корейскому госаппарату.

Существенным недостатком в свете этого следует признать то, что приводится только корейская транскрипция терминов, а не дается их иероглифическое написание. Это было бы тем более желательно, что благодаря своей теме книга представляет интерес не столько для краеведов, сколько для специалистов по государственному управлению вообще и стран дальневосточного региона особенно, и это дало бы возможность сопоставить эти термины с китайскими, японскими и вьетнамскими любому специалисту, владеющему вьетнамом.

Монография С. В. Волкова, целиком и полностью написанная на основании источников (средневековых корейских хроник и эпиграфических надписях) является ценным научным трудом, выполненным обстоятельно и тщательно. Остается надеяться, что со временем подобные работы появятся и по другим странам Дальнего Востока.

А. В. Никитин

ИЗВЕСТИЯ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Вып. 1

СЕРИЯ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

1990

МАЙЯ ИВАНОВНА ЧЕРЕМИСИНА

30 сентября 1989 г. — юбилей Майи Ивановны Черемисиной, доктора филологических наук, крупного специалиста по синтаксису русского языка и языков Сибири, главного научного сотрудника Отдела филологии Института истории, филологии и философии СО АН СССР, профессора кафедры общего языкознания гуманитарного факультета НГУ.

М. И. Черемисина окончила в 1947 г. МГУ, обучалась в аспирантуре в МГПИ им. Потемкина. Последние годы учебы в университете она одновременно работала в библиотеке Института мировой литературы; это и определило первоначальный выбор специальности: русская литература. Однако в ходе работы над диссертацией Майя Ивановна поняла, что ее интересы лежат скорее в области лингвистики, так что исследование о Салтыкове-Щедрине повернулось в сторону анализа языка («эзоповского стиля») писателя.

В 1951 г. началась педагогическая деятельность М. И. Черемисиной — в Тульском госпединституте (в 1955 — 56 гг. — в КНР, преподавателем Пекинского института русского языка). В 1965 г. она приглашена в Академгородок, в Отдел гуманитарных исследований Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР (в 1966 г. этот отдел стал отдельным институтом — истории, филологии и философии). Одновременно началось преподавание в НГУ на кафедре общего языкознания (курсы общего языкознания, методов лингвистических исследований, спецкурсы по синтаксису русского языка, в последнее время — также алтайских языков Сибири).

После защиты в 1974 г. докторской диссертации («Сравнительные конструкции русского языка») М. И. Черемисина начинает заниматься помимо русского языка также языками Сибири — вначале алтайскими, затем самодийскими и обско-угорскими: вместе со своими аспирантами она изучает бурятский, алтайский, тувинский, иганасанский, хантыйский языки, организует и проводит многочисленные лингвистические экспедиции — до недавнего времени практически каждое лето она с учениками проводила в поле (1977—1985 гг.). Под ее руководством развернулось сопоставительно-типологическое исследование синтаксиса сложного предложения в языках Сибири, результатом которого явились две интереснейшие коллективные монографии, описывающие основные механизмы организации сложного предложения в языках Сибири — т. е. фиксирующие систему отношений, которые говорящие могут установить между двумя событиями, и ядро этой системы, общее для многих языков. Это «Предикативное склонение причастий в алтайских языках» (1984, 16 п. л.) и «Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем» (1986, 25 п. л.), а также целая серия сборников и индивидуальных монографий. Была развернута подготовка через аспирантуру кадров синтаксистов по языкам Сибири, в том числе и национальных кадров. Сейчас защитили кандидатские диссертации 20 учеников М. И. Черемисиной (из них 11 — по языкам Сибири), представлено к защите две докторские диссертации, проходят обучение в аспирантуре еще около 10 человек. Кроме того, М. И. Черемисина руководит индивидуальной подготовкой студентов гуманитарного факультета НГУ по сибирским языкам (хантыйский, мансийский, эвенкийский и др.).

Два года назад М. И. Черемисина возглавила работу по созданию комплексной программы изучения языков народов Сибири, целью которой является создание серии грамматик — максимально полных современных описаний сибирских языков. Эта программа подразумевает координацию усилий всех сибирских языковедов, работающих в этой области. Уже начались рабочие семинары составителей грамматик, где от-

рабатываются теоретические принципы описания и обсуждаются трудности, возникающие при работе с конкретными языковыми системами.

Но, конечно же, простая констатация фактов биографии не передает главного — того, что дает общение с Учителем. Майю Ивановну отличает интерес к необыкновенно широкому кругу проблем и всегда нетривиальный подход к ним. Она — человек, у которого нет проходных мнений; поэтому любой разговор с ней интересен, он заставляет думать, обнаруживать новые аспекты уже вроде бы решенной проблемы. Ее отличает также сильная логика — поэтому, кстати, с ней очень трудно спорить. И еще — очень цельное восприятие культуры; в век специализации это качество особенно ценно. Такой подход позволяет видеть в письменности способ анализа и развития языка, в лингвистике — человека, транслирующего и создающего языковую культуру народа...

Известно, что ученый влияет на своих учеников в гораздо большей степени не письменными текстами, а самой своей деятельностью. Тем более это относится к ученым такого ранга, как М. И. Черемисина. Пожелаем ей долгой плодотворной работы, осуществления всех творческих планов, дальнейшего роста и укрепления того коллектива, который широкому кругу языковедов уже известен как сибирская синтаксическая школа М. И. Черемисиной.

Ученики

SUMMARY

The «cultural revolution» and Stalinism (a round-table talk).

Among the problems of the post-revolutionary history of our country, actively subjected now to re-comprehension, those connected with appraisal of dynamics of cultural processes have undergone small changes for the present. In the 1960s—1970s, a discussion on the nature, tendencies and chronological limits of the cultural revolution in the USSR was held. The latter resulted in assertion of the paradigm, that gave a single-line and normative interpretation of the most complicated processes in the spiritual life of the society. Many cultural phenomena were examined only through the quantitative parameters of advance, whereas their qualitative upgrowth was appraised by coming the object of analysis to certain ideology (mastering the Marxist-Leninist theory). The main shortcomings of the traditional investigations are in the fact, that the culture was examined without regard for any connection with political deformations of our development, with Stalinism.

This very thing was the central theme of a joint discussion of historians of culture and philosophers. Professor V. L. Soskin subjected to just criticism some myth and stereotypes of the previous paradigm, that bound up the solution of main tasks of the cultural revolution with the end of the 1930s. He expressed serious contradictions of the cultural process in the 20s—30s — in the development of culture «in breadth» and «into the depth», in the enunciated aims and the real results of policy in the sphere of culture, and so on, as well as showed, that the type of personality, formed during the post-revolutionary epoch, had some marks of deforming influence of the ideology and propagation of Stalinism, depriving any personality of the creative source and initiative, and, therefore, depreciating many advances of the cultural development of the Post-October Period.

In the course of the discussion, some theses, including the alternative ones to those lying in the scheme of the lecturer, were suggested. Thus, for instance, some participants do not consider the conception of «cultural revolution» to be used conformably to the changes, that took place in the cultural sphere after 1917 year. It was offered a possible approach, to examine the dynamics of cultural processes in the light of the problem of interaction and fight of different subcultures, among which that, with its kernel represented by the «administrative and commanding ethics», turned out to be the prevalent one.

Another position proceeded from the general idea about the deformed or so-called «state socialism», which took shape within the limits of the interformational transitional period on our country. This process was accompanied by certain leap in the cultural sphere too. A special attention in this scheme was paid to objective factors and tendencies of development of the spiritual life of the Soviet society, including those feeding Stalinism.

The other group of speeches joins analysis of the role and fortune of the Russian intellectuals after the Great October. Certain approaches to working out a fresh view, concerning the nature and forms of display anti-intellectual sentiments and actions, as well as the typology of political culture within the upper echelon of power on the boundary of the 20s—30s, the dynamics of inter-communication of professional and political orientations in ideology and activities of the Russian intellectuals and so on, were mapped out.

The discussion on the problem of «culture and Stalinism» leaves many questions open for the future talks.

Minert L. K. The Buryat Buddhistic cloisters (datsans) under the Soviet power.

In this paper, on the basis of study numerous archives materials, the history of development of the Buryat Buddhistic cloisters in the years of the Soviet power, beginning from adoption the Decree of the Soviet of People's Commissars of the RSFSR in 1918 and up to the present, is given. The author retraces the way certain social changes undermined the age-long power of tribal elders over working people of the Buryat uluses, and examines such fact as emergence, in the course of time, in architecture of the cloisters of a new type of temples, expressing the ideology of renewal of the Buryat lamaism.

Isupov V. A. A. black spot» in the history of Siberia (famine of 1947).

For the first time in scientific literature, the author examines little known events of our history — the famine of 1947 year. On the basis of archives and statistical data, he retraces certain stages of this tragedy, in the course of three post-war years, consi-

dering them to be connected with some changes in demographical situation, in care of public health and migratory movements.

Kachin'ska E. Siberia in modern Polish historiography (problems of penal servitude and exile).

The paper brings appreciable contribution in study exiles of Siberia of the XIXth and the beginning of the XXth centuries. The author pays much attention to the role Siberia played in the history of Poland and Poles. She deals with old investigations and documental publications of the 1920s and 1930s, letters and memoirs of the convicts, as well as a series «Political prisoners of Siberia» printed in Irkutsk. It is one of the first works, reflecting the beginning of contacts between the Polish and Siberian historians.

Posnanskiy V. S. The trial over Kolchack's ministers.

The paper is devoted to the event of great significance. The latter took place 70 years ago and was a logic end of the struggle with Kolchack's regime. The trial over his ministers drew attention of contemporaries not only in Siberia, but also in the whole of Russia and abroad. For the first time, the Soviet power prosecuted by open process its bitterest political enemies. Now, in the time of extensive discussions about the stage of history of the Soviet State, that made violation of its Socialist law and democratic orders possible, one ought to be acquainted with the concrete material on this vexed problem.

B. R. Zoriktuev. About the South-Siberian events of 1207—1217 years.

The author makes an attempt to solve some of many disputable problems of the medieval history of the Buryats — those of the place and role of the Cis — and Trans-Baikal Areas in the Mongolian world, in the epoch of Chingis-Khan and his successors, as well as of the ethnocultural, social and political connections of peoples and tribes of the regions with population of Central Asia. The author's conclusions are in conformity with the well-known thesis: the Trans-Baikal area was a part of the centre, that yielded the Mongols of the Chingis-Khan Epoch and the peoples and tribes of this region were a part of the Mongolian ethnocultural community.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА

«ИСТОРИЯ, ФИЛОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ» ЗА 1989 ГОД

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

«Великий перелом» в деревне (дискуссия по проблемам коллективизации) Вып. 1
Событие всемирно-исторического значения (круглый стол). . . . . Вып. 3

ИСТОРИЯ

Болонев Ф. Ф. О некоторых способах охраны здоровья у семейских Забайкалья в XIX — начале XX в. . . . . Вып. 2
Бычков О. Н. Охотничье-промысловые традиции русских старожилов Ангара-чунской тайги /вторая половина XX в./ . . . . . Вып. 2
Вилков О. Н. Промыслы и экология в феодальной Сибири . . . . . Вып. 3
Ильиних В. А. Колхозное самоуправление в 60—80-е годы /директивные акты и практика их реализации/ . . . . . Вып. 3
Красильников С. А., Антипов Г. А. Н. И. Бухарин: некоторые проблемы изучения наследия . . . . . Вып. 2
Резун Д. Я. Урбанизация и история Сибири конца XVI—XVIII в. (территориально-поселенческий аспект проблемы). . . . . Вып. 3

АРХЕОЛОГИЯ

Деревянко А. П., Дорж Д., Ларичев В. Е., Петрин В. Т. Археологические исследования в Монголии в 1988 г. . . . . Вып. 2
Деревянко А. П., Петрин В. Т. Комплекс каменной индустрии с севера котловины Больших Озер . . . . . Вып. 1
Коников Б. А. Раннесредневековый ковш из лесного Прииртышья . . . . . Вып. 1
Матюшенко В. И. Погребение воина Саргатской культуры/предварительное сообщение/ . . . . . Вып. 1

ФИЛОСОФИЯ

Карнович В. Н. Противоречивость аргумента как предмет логического анализа . . . . . Вып. 2
Клевакина Е. Б. Роль логической теории истины в анализе речевого взаимодействия . . . . . Вып. 2
Поляков И. В. Формальное моделирование семантики: к проблеме выбора концептуальных оснований . . . . . Вып. 2

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

Иванов В. Н. Из истории приобщения якутов к русскому земледелию в XVII в. . . . . Вып. 1
Малышева М. П., Познанский В. С. Координатор краеведческой науки . . . . . Вып. 2
Познанский В. И., Шишкин В. И. Подвиг начальника штаба армии . . . . . Вып. 3

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Бальбуров Э. А. Административно-командные методы культурной политики и литературный процесс . . . . . Вып. 3
Соктоев А. Б. Академическая серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Принципы издания . . . . . Вып. 3
Шапошников В. Н. Троцкий — сотрудник «Восточного обозрения» . . . . . Вып. 3
Юдалевич Б. М. Художник и его герои (к 60-летию со дня рождения В. М. Шукшина) . . . . .

ХРОНИКА, РЕЦЕНЗИИ

- Будлаков В. П., Черняк Э. И. Эсеровские организации в Сибири в 1917 — начале 1918 гг. (К истории банкротства партии) — Томск, 1987 . . . . . Вып. 2
Комиссаров С. А. Научная стажировка по археологии Китая . . . . . Вып. 2
Мархинин В. В., Рижский М. И. Библийские пророки и библийские пророчества. — М., 1987 . . . . . Вып. 2
Миняев С. С., Давыдова А. В. Иволгинский комплекс — памятник хунну в Забайкалье. — Л., 1985
Одинок В. Г. I vo Pospisil. Labyrint kroniky. Pokus o teoreticke vymezeni zapadu. — Brno, 1986 . . . . . Вып. 1
Старцев А. Ф. Е. С. Новик. Обряды и фольклор в сибирском шаманизме. Опыт сопоставления структур. — М., 1984 — 304 с. . . . . Вып. 1
Худиков Ю. С. V Всесоюзная тюркологическая конференция . . . . . Вып. 2

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ, ПЕРСОНАЛИИ

- Астахов С. Н. Новые памятники каменного века в северной части ущелья Енисей в Саянах . . . . . Вып. 1
Дорогостайская Е. В. Начало организации стационарных исследований на Байкале . . . . . Вып. 3
Маточкин Е. И. Традиционные образы в современном искусстве алтайских чабанов . . . . . Вып. 1
К 60-летию Валерия Павловича Алексеева
К 60-летию Николая Яковлевича Гущина . . . . . Вып. 3